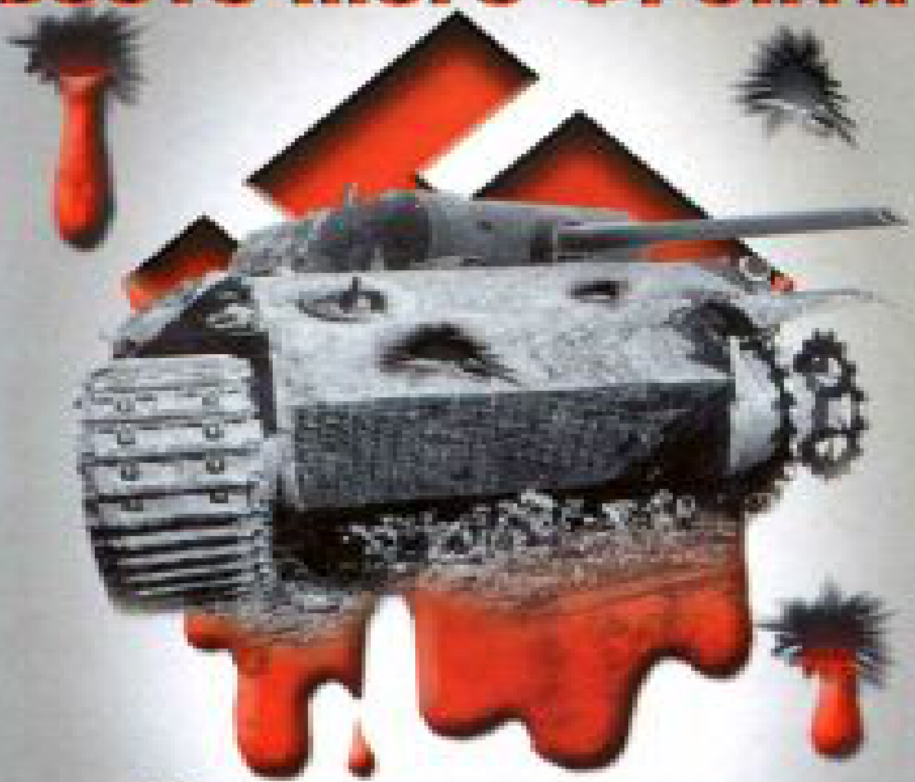
КАРЛ КНОБЛАУХ

КРОВАВЫЙ КОШМАР ВОСТОЧНОГО ФРОНТА



Откровения офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском языке! Уникальные фронтовые записки офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг». Откровения ветерана об ужасах войны на Восточном фронте. Поразительная судьба, достойная авантюрного романа.

В начале войны Карлу Кноблауху довелось воевать и в передовом отряде пехотной дивизии, и наблюдателем воздушной разведки, а после тяжелого ранения, полученного в бою с советскими истребителями над Вязьмой, он по выздоровлении был направлен в парашютно-танковую дивизию «Герман Геринг», где всего за несколько месяцев сделал неплохую карьеру — от командира взвода до командира батальона. И если бы не открывшаяся рана, Кноблаух должен был погибнуть с остатками своей части в Берлине, но его откомандировали из города всего за несколько часов до того, как советские войска замкнули кольцо окружения…

Эта книга — потрясающее свидетельство ветерана, чудом выжившего в страшной бойне Восточного фронта, откровенный рассказ об агонии Вермахта и Люфтваффе, о разгроме и падении Третьего Рейха.

- Карл Кноблаух
  - Предисловие
  - Предыстория
  - Из моих личных записей
  - Участие в боях в составе воздушно-десантных войск
  - 1-й батальон 16-го парашютно-десантного полка в приграничных боях под Гольдапом в Восточной Пруссии
  - Зимнее советское наступление и гибель 2-го парашютно-десантного панцерфузилерного батальона дивизии «Герман Геринг»
  - Путь из Восточнопрусского котла в рейх
  - Навстречу концу
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Карл Кноблаух
Кровавый кошмар Восточного фронта
Откровения офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг»

Предисловие

О военных действиях, политической подоплеке и человеческих взаимоотношениях написано много: былей и небылиц, конкретного, и не конкретного, и много бессмысленного. Необходимо всегда относиться с достаточной долей скептицизма к тем работам, литературное отображение исторических событий в которых обусловлено коммерческим интересом.

Мои воспоминания по-настоящему достойны того, чтобы изобразить их в драматической форме. Но представить их в виде «драмы» у меня не было никакого желания.

При изложении событий я исходил из необходимости фиксирования действительности, а не модифицированных конструкций их хода. И, во всяком случае, не руководствовался лозунгом: «Посмотрите на меня, я был не таким, как масса. Я наблюдал за происходящим и был в стороне от него!»

Прусский элемент моего воспитания объясняет некоторые действия, которые сегодня могут быть непонятными. То же относится и к поведению бывших со мной рядом товарищей, воспитанных, как и я, на постулате прусской аристократии «больше быть, чем казаться, много делать, меньше говорить!».

Карл Кноблаух – рядовой
195-го самокатного батальона

Мои записи представляют собой правду без каких-либо приписок. Псевдонимов тоже нет. Чтобы не фальсифицировать связь между «событиями» и «отношением», информация, которую я получил только после войны, намеренно в моих записях не приводится.

Если у читателя сложится впечатление, что я некоторые события не раскрыл или описал недостаточно полно, то это произошло потому, что эти темы не были частью окружавшей меня действительности.

С благодарностью я вспоминаю товарищей, чьи пути пересекались со мной в высотах и падениях человеческого существования, и тех, что прошли часть моего жизненного пути вместе со мной.

Я не прошу признательности за мои действия, я прошу только готовности непредвзято подумать о содержании моих записок.

Предыстория

В 1940 году я участвовал в кампании во Франции. Воевал в составе передового отряда 95-й пехотной дивизии.

С октября 1941 года по сентябрь 1943 года — наблюдатель оперативной воздушной разведки сухопутных войск. 4-я эскадрилья дальней разведки.

3 сентября 1943 года получил ранение в воздушном бою с советскими истребителями над Вязьмой (СССР). (165-й боевой вылет.)

Карл Кноблаух
на месте наблюдателя в «Ю-88»

Из моих личных записей

Август 1944 года

Запасной лазарет Бад-Пирмонт. Вскоре предстоит выписка. Месяцы долгого выздоравливания позади. Вечером 24 августа я прибыл в Кведлинбург на сборный пункт фронтовых летчиков. Мне дали комнату. Отдельно расположиться не удалось, но я исходил из того, что мое пребывание здесь будет недолгим.

Сборный пункт представлял собой кадровый орган. Здесь собирали летный состав после лечения в госпиталях и после полного выздоровления снова распределяли по летным частям.

Вечером я сидел в своей каморке. Это ничегонеделание подавляло меня. Я заметил, что лишь немногих годных по здоровью летчиков, наблюдателей, радистов и бортовых стрелков скова отправляли на фронт в летные части. Из лазаретов прибывало много летного состава. Сборный пункт уже вскоре начал трещать по швам. Здесь, по-видимому, что-то было не так. Я решил при ближайшей возможности поговорить с командиром о моей дальнейшей службе.

7 сентября

Утром я попросил адъютанта назначить мне время для беседы с командиром. В 15 часов я стоял перед высоким господином:

После первого боевого вылета успокоительная сигарета нужна и Карлу Кноблауху. Слева направо: лейтенант Райнарди, унтер-офицер Фелициан и фельдфебель Ротгери

— Лейтенант Кноблаух прибыл по вашему приказанию!

— Садитесь! Вы просили о беседе? О чем пойдет речь?

— Господин майор, после почти годового пребывания в госпитале мое здоровье находится теперь в том состоянии, которое позволяет мне снова приступить к службе в соответствии с моей подготовкой. Если господин майор…

Дальше сказать я ничего не успел. Начальник сборного пункта встал и прервал меня движением руки:

— Из вашего личного дела я знаю, что вы больше непригодны к летной службе. Чего вы хотите?

Командир был раздражен. Он встал у окна и требовательно взглянул на меня. Исходя из правил хорошего тона, я привстал:

— Господин майор, я не исхожу из того, что с моим ранением завершилась моя военная карьера. Я думаю, что для меня найдется применение и вне летных частей…

Командир снова меня прервал еще более раздраженно:

— Если вы думаете, что вообще еще можете что-нибудь делать, то можете отправляться в танковую дивизию «Герман Геринг». Я напишу представление!

Он думал, что размазал меня по стенке. Теперь уже разозлился я:

— Если у господина майора больше никаких предложений нет, я могу пойти и в танковую дивизию «Герман Геринг»!

Мой собеседник прищурил глаза:

— Как хотите. Идите к адъютанту, он все устроит! Адъютант, очень приветливый человек, сразу же начал работу. Я подписал формуляр и принял к сведению, что вскоре буду переведен.

По дороге в свое жилище я задал себе вопрос: верно ли мое решение? В этом я был не уверен. У меня возник еще один вопрос: почему командир не хотел давать мне назначения? Если он так поступал и с другими, то могло ли это быть заявлением большого количества пребывающих и скучающих здесь военнослужащих летного состава. Могли быть, естественно, и другие причины.

18 сентября

Я покинул прекрасный Кведлинбург и неприветливый сборный пункт фронтовых летчиков. Мой перевод оформлен. Я сижу в скором поезде на Берлин. Во второй половине дня я приехал в Райникендорф, что на северо-западе Берлина. Доложил о прибытии в казарме «Герман Геринг», которая, несмотря на войну, все еще производит впечатление ухоженной.

Лейтенант Кноблаух
в госпитале Пирмонт

В адъютантской я узнал, что самое позднее через четырнадцать дней можно рассчитывать на мой перевод во фронтовые части. Дивизия воюет на востоке.

Борьба с силами вторжения союзников принимает все более жесткие формы. Главное командование вермахта 25 сентября известило: «В Западной Голландии наши войска на новых позициях отразили многочисленные атаки противника. В районе Арнхайм [1] — Нимвеген высадившийся с воздуха десант противника понес большие потери, так и не успев перейти в наступление. Мелкие атаки противника были отражены в ожесточенных ближних боях. В результате них остатки 1-й английской воздушно-десантной дивизии, ведущие бои на узкой полоске территории, понесли потери 800 человек ранеными…» Кто внимательно читает хорошо составленный текст новостей, мог понять, что нашим действительным успехам в обороне противостоят большие потери в территории.

Прежде чем отправиться на Восточный фронт, я навестил

своих родственников в Шпандау. Уже в дверях я понял, что настроение у них подавленное. Тетя Марта рассказала мне, что мой двоюродный брат Вольфганг (лейтенант люфтваффе) в течение некоторого времени считается без вести пропавшим в Южной Франции.

До наступления темноты я был уже в Райникендорфе.

27 сентября

Имперское радио сообщило: «26 сентября в районе Арнхайма окончательно было сломлено сопротивление окруженной 1-й английской воздушно-десантной дивизии. В десятидневных боях быстро сосредоточившимся силам всех родов вермахта под командованием командира танкового корпуса СС обергруппенфюрера СС и генерала войск СС Биттриха удалось полностью уничтожить элитную английскую дивизию, несмотря на ее ожесточенное сопротивление и подкрепления, получаемые ею с воздуха. Все попытки противника деблокировать окруженную дивизию с юга были отражены с большими потерями. Всего было захвачено 6450 пленных, насчитаны тысячи убитых, в число трофеев входят 30 противотанковых пушек, другие орудия, 250 автомобилей. Уничтожено и захвачено 1000 грузовых планеров и подбито более 100 самолетов…»

«Мы побеждаем даже мертвыми!» — вспомнил я слова моего отца.

30 сентября

Пора! Я упаковал свои скромные пожитки. В поездку я отправляюсь только с полевой сумкой и туалетными принадлежностями.

Станция Цоо. Я стою на платформе и жду поезд с отпускниками на Варшаву. До отправления еще пять минут.

1 октября

Поезд остановился на перегоне между Познанью и Кутно. Едем вперед очень медленно. Нам навстречу в сторону Берлина идут поезда с ранеными.

Участие в боях в составе воздушно-десантных войск

В полдень мы подъехали к Варшаве и нам приказали освободить вагоны. Ветер доносил грохот канонады близкого фронта. Воздух вибрировал. На грузовике я отправился дальше на север. И в районе Моди нашел штаб танковой дивизии «Герман Геринг». Боевые части дивизии вели бои в составе 4-го танкового корпуса СС. Комендант штаба сказал мне, где я могу разместиться.

2 октября

Доложил о своем прибытии дивизионному адъютанту, который заявил мне и другим вновь прибывшим офицерам, что нас, прибывших на фронт из разных частей ВВС, придется снова «учить действовать и жить в пехоте».

Мне тоже такое решение показалось правильным. Среди запасных офицеров я увидел связистов ВВС, зенитчиков и даже кого-то из летного состава. Вскоре нас отправили в Рюпин в Восточную Пруссию. Рюпин находится на песчаных пустошах между Торном и Зольдау. Ландшафт очень похож на Альтмарк. Вечером нас приняла рюпинская запасная учебная часть. Начальник нашего курса — сильно хромающий капитан — поздоровался с нами и дал понять, что этот учебный курс нам необходим. У меня было впечатление, что большинство из присутствующих здесь «новоиспеченных пехотинцев» добровольно пошли на новую службу.

Я посмотрел учебный план и понял, что для меня ничего нового в нем нет.

Мы получили саржевые костюмы для боевой подготовки и карабины. Китель со знаками различия остался в шкафу. Я снова чувствовал себя рекрутом в старом добром Франкенштайне.

4 октября

Учебный процесс идет полным ходом. Времени, конечно, терять нельзя. «Иван» стоит у самой границы рейха.

В программе читаю: «Боевая стрельба. Беглая стрельба. Стрельба с колена. Метание ручной гранаты». Подготовка приближена к боевой, меры безопасности — минимальные.

5 октября

Стрельбы из пулемета. Во второй половине дня — «атака из положения непосредственного соприкосновения с противником». Вечером усталые засыпаем в наших бараках.

6 октября

Атака на противника, находящегося в системе окопов и вклинение в его боевые порядки. Попеременно исполняем обязанности командира отделения.

После вечерней чистки оружия меня вызвал начальник курса:

— Лейтенант Кноблаух, утром я наблюдал на занятиях за вашими действиями. Вы всегда служили в люфтваффе?

— Нет, господин капитан. Я был призван в пехоту и во время Западной кампании воевал в 95-й пехотной дивизии!

— Теперь все ясно. Вам здесь совершенно нечего делать. В заключительной аттестации я предложу вашу кандидатуру для учебы на курсах командиров рот! — С этими словами он меня отпустил.

23.00. Мы вышли из лагеря и отправились на ночные стрельбы. Потом были ночные тактические учения.

7 октября

В 4.00 мы возвратились в расположение совершенно измотанными. Мое ранение в легкие сказывается на физическом состоянии гораздо сильнее, чем мне того бы хотелось.

Во второй половине дня — отработка действий в боевом разведывательном дозоре. После захода солнца чувствуется заметное похолодание.

8 октября. При отработке наступления с выдвижением из глубины действую за командира взвода. Прорыв, преодоление траншей противника. Все получается довольно хорошо. Мои товарищи-офицеры в ролях стрелков, пулеметчиков и командиров отделений играют с полной отдачей.

Утром 11 октября отрабатываем «бой в лесу», а после обеда изучаем малый панцерфауст и панцершрек. После изучения теории и устройства приступаем к практическим стрельбам. Действие кумулятивного заряда — потрясающее!

12 октября

В учебном плане стоит: «Ближний бой и бой в населенном пункте». Обычные в этом случае приемы отрабатываются слишком условно. У тех, кто недостаточно себе их представляет и будет действовать медленно, не будет никаких шансов.

13 октября

Отрабатываем «действия в боевом разведывательном дозоре ночью». Ели в последний раз только в обед. Сейчас уже 21 час. Голод дает о себе знать. На наши слова о том, что неплохо бы было поужинать, руководитель занятий заявил:

— Господа, здесь подготовка приближена к боевой. Вы должны быть к этому готовы!

Подготовительный курс завершился 14 октября. Для многих из нас он был очень коротким. Вечер мы провели в ресторанчике «Кукурузный початок». Находчивый товарищ где-то купил диких уток, хозяин заведения их очень вкусно приготовил, и мы съели их в тесном кругу.

15 октября

Поезд доставил нас в Восточную Пруссию. Днем позже мы прибыли в Кёнигсберг. 17 октября мы отправились дальше: Либау, Клеменсвальде. Теперь мы находились в Эльхнидерунге, восточнее Курише Хафф.

В местечке Гр. Британиен мы вышли из поезда. Казалось, что в связи с близостью фронта никакого транспортного сообщения здесь нет. Я встал на постой в доме семьи Хельвиг. Я удивился спокойствию этих людей. Хотя советские войска уже захватили Кукернезе и стояли в 20 километрах от Мемеля, они были почти убеждены в том, что немецкие части не дадут им прорваться на территорию рейха.

До линии фронта в Кукернезе было около 10 километров. Здесь действовал парашютно-танковый корпус.

Если «Иванам» удастся прорваться в южном направлении, население окажется в мышеловке. Между тем приготовлений к бегству незаметно.

18 октября

Представление командиру корпуса. Офицерское пополнение построилось. На «сцену» вышел командир корпуса генерал-майор Шмальц. После приветствия он сказал, что мы слишком медленно добирались до фронта. Конечно, яснее свой упрек он сформулировать не смог. Я подавил в себе нараставшее возмущение.

Вышел адъютант с большим списком в руках и зачитал распределение офицеров по разным войсковым частям. Среди других я услышал: «Лейтенант Кноблаух — штурмовой батальон корпуса. Командир как раз здесь, он вас возьмет с собой».

Вильгельм Шмальц – командир парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг»

Я прошел на другую сторону здания штаба и представился командиру штурмового батальона старшему лейтенанту Леману. Он приветствовал меня пожатием руки, посмотрел на меня и спросил, указывая на серебряный знак за ранение на моем кителе:

— Что за ранение было у вас? Есть ли какие-нибудь недомогания?

— Я ослеп на левый глаз.

Леман сказал, что при таком физическом недостатке я не могу служить в штурмовом батальоне. Вместе со мной он пошел к адъютанту и изложил ему суть вопроса. Тот глянул в свой список и все быстро решил:

— Лейтенант Кноблаух, вы переводитесь в фузилерный батальон 2-й дивизии, то есть сначала вы направляетесь в 1-й батальон 16-го парашютно-десантного полка и представляетесь

его командиру капитану Тойзену. Если завершится реорганизация в рамках 2-й дивизии, то 1-й батальон 16-го полка будет преобразован в моторизованный парашютно-фузилерный батальон 2-й дивизии корпуса «Герман Геринг».

Для меня это звучало несколько запутанно. Я почувствовал, что меня захватило колесо судьбы, и выбраться из него я уже не мог.

Тем временем стемнело. Я переночевал в Нойкирхе, в 15 километрах от Тильзита.

19 октября

В штабе дивизии в Эльхнидерунге я встретил одного товарища. Мне бросилось в глаза, что все здесь развалено. Лейтенант, бежавший мне навстречу, сказал, что корпус снимают с фронта и отправляют куда-то под Гумбинен.

Я задался вопросом: где я найду свой батальон, если все части движутся куда-то маршем?

Чтобы не «зазимовать» здесь, я поймал вездеход, ехавший в направлении Кукернезе. Может быть, найду свой батальон там.

Через несколько километров нам навстречу попались машины. Чтобы выяснить обстановку, я попросил водителя затормозить. Я остановил один из попавшихся нам навстречу грузовиков и узнал, что батальоны снимаются с фронта и отправляются в южном направлении, противника сдерживают только подразделения прикрытия.

«Противника сдерживают подразделения прикрытия» — это значит, что сплошной линии фронта больше нет. Я прыгнул опять в вездеход и рассказал об услышанном водителю. Мы осторожно поехали дальше.

Проехав пять километров, мы оказались в деревне. Тишина покинутых домов была гнетущей. На северной окраине деревни нас остановила группа егерей-парашютистов. К нашей машине шагнул фельдфебель:

— Вы куда?

— Я ищу батальон Тойзена из 16-го полка.

— Я переспрашиваю еще раз, — возразил фельдфебель, — если вы поедете дальше, то угодите к «Иванам» в руки. На этой дороге мы последние!

Я вылез из машины, чтобы осмотреться. Севернее нас слышался шум боя. Дорога, на которой мы стояли, поднималась в северном направлении, а потом терялась в лощине, которая отсюда не просматривалась.

— Господин фельдфебель, сюда со стороны противника кто-то идет, — доложил командир пулеметного расчета, занявший со

своими людьми позицию в садике перед домом.

Из лощины в 200 метрах к нам кто-то очень медленно приближался. Я посмотрел, как пулеметчик прикинул расстояние до цели и осторожно установил дальность на прицеле. Фельдфебель рядом со мной глянул в бинокль:

— Уму не постижимо! Старуха на костылях!

Двое солдат побежали навстречу женщине. Остальные заняли огневые позиции. Если сейчас русские пойдут вперед, то положение будет критическим и для старой женщины, и для двух егерей. Но нам повезло! Через четверть часа егеря вернулись со старушкой.

Старушку усадили на скамейку. По виду ей было далеко за восемьдесят. Она очень устала и судорожно сжимала свои костыли. Немного погодя я с ней заговорил:

— Скажите, как так получилось, что вы ходите здесь одна?

Она ответила на восточнопрусском диалекте:

— Нет, молоденький господин, родственников у меня нет. Жители моей деревни собрались и уехали. А я, старуха, хотела остаться на родине. Русские мне уже ничего не сделают, думала я. А потом мне все же стало страшно, и я решила убежать!

Фельдфебель слушал и качал головой.

Позади из деревни послышался шум мотора. К нам подъехал мотоцикл с коляской. Полевая жандармерия. Мотоциклист-фельдфебель слез с сиденья и подошел ко мне:

— Господин лейтенант, я из штаба дивизии. Должен выяснить здесь обстановку.

Я кивнул на егерей:

— Здесь бой ведут парашютисты. А я здесь вроде гостя — ищу свою часть. Поговорите вон с фельдфебелем!

Шум боя приблизился. Я помог сесть старушке в коляску мотоцикла жандарма. Когда «цепной пес» [2] отъезжал, старушка пожала мою руку:

— Спасибо, молоденький господин, большое спасибо!

Фельдфебель, наблюдавший эту сцену, сказал в раздумье:

— Не хотел бы быть таким старым, как эта беспомощная женщина!

— Не говорите об этом слишком громко. Шансы дожить здесь, в Восточной Пруссии, до старости и без того не очень велики.

Здесь мне больше делать было нечего. Батальона я не нашел. Водитель вездехода, которому здесь тоже показалось достаточно горячо, взял меня с собой назад, хотя до этого хотел ехать дальше на север.

Ночь я провел в районе дивизионного штаба. В брошенном

доме я прикорнул на старом диване.

Хотя я очень устал, заснуть не мог. Фронт заметно приблизился. Я боялся, что если глубоко засну, то не услышу, как снимется штаб дивизии, и тогда меня утром разбудят «Иваны». Незадолго до полуночи я снова вышел на улицу. На севере небо то и дело озаряли вспышки. Ветер доносил грохот канонады.

Ночь прошла. С раннего утра я был на ногах и узнавал, как и что. Во второй половине дня появилась возможность поехать со штабом корпуса до Инстербурга по железной дороге (как минимум, 50 километров).

Ехали мы медленно. Стемнело. Ночью стало неприятно холодно.

21 октября

Мы миновали Инстербург и проехали еще 25 километров на восток, до Гумбинена.

У Бернена поезд остановился. Я опустил оконное стекло. Воздух вибрировал: била артиллерия. Шум боя приближался. Метрах в 600 севернее нас падали снаряды.

Поезд пошел дальше. Рядом с насыпью я видел раненых, отходивших на запад. В воздухе чувствовался запах пожаров. Наш поезд пришел на вокзал Гумбинена и остановился. Рядом с нами рвались снаряды танковых пушек.

Главнокомандующий люфтваффе занимается «сухопутными делами». Генерал Шмальц докладывает обстановку в полосе своей дивизии рейхсмаршалу Герингу. Восточная Пруссия, осень 1944 г.

Ехавшие с нами на платформах штурмовые орудия начали съезжать на пандус и сразу же пошли в бой. От грохота заложило

уши. Я выпрыгнул из вагона.

В 500 метрах южнее путей горел «Т-34». Части, выгрузившись из эшелона, шли прямо в бой. Южнее Гумбинена и дальше к западу — у Тюра и Ангерека — отчетливо слышались выстрелы немецких 88-мм зениток. (Южнее и юго-западнее Гумбинена действовали 802-й зенитный дивизион, 1-я батарея 29-го зенитного артиллерийского полка, 1-й дивизион 5-го зенитно-артиллерийского полка, 16-й зенитно-артиллерийский полк). С ними смешивался грохот пушек советских танков.

Я попал в какую-то заварушку, но своего батальона так и не нашел. Что делать? Я решил идти в Гумбинен.

На площади в центре города у скульптуры оленя из бронзы и камня я увидел командира 2-й дивизии «Герман Геринг» с начальником оперативного отдела и нескольких мотоциклистов. Я им не завидовал. Мне было непонятно, как они снова захватят бразды правления в свои руки. Я предпочел не попадаться командиру на глаза. На дороге в Инстербург было оживленное движение. Мне было непонятно, что я должен предпринять в этой обстановке. Было не ясно: то ли мы должны перехватить южнее Гумбинена прорвавшиеся советские войска, то ли мы окажемся здесь в окружении. Короче, я не знал, где здесь фронт, а где — тыл.

Из Гумбинена в направлении Инстербурга с заметной поспешностью выезжали колонны грузовиков. Это было похоже на бегство. Я прыгнул в один из последних грузовиков. Водитель рассказал, что русские стоят на окраине Гумбинена, а вчера перешли Роминте у Гросвальтерсдорфа (Вальтеркемена).

— Мой командир взвода считает, — продолжал водитель свою оценку обстановки, — что «Иван» уже, наверное, вышел к Ангерапу!

Если это так, то все это может быть мощным прорывом. Но свои мысли я придержал при себе.

Перед нами показался дорожный указатель: Краузенбрюк! Колонна остановилась. Я спрыгнул, чтобы узнать обстановку. Никто ничего не знал.

Я посмотрел за движением и установил, что теперь колонны снова пошли в направлении Гумбинена. Так как они без приказа на восток ехать не могут, то положение не так плохо, как кажется.

С первым же грузовиком я отправился обратно в Гумбинен. То и дело мы попадали под обстрел советской артиллерии. В воздухе висел запах гари.

В нескольких километрах южнее Гумбинена я услышал стрельбу немецких зениток.

Через двадцать минут мы были в Зодайкене, на западной

окраине Гумбинена. Я сошел с машины и, к своему удивлению, увидел старшего лейтенанта Планерта, учившегося со мной на курсах и тоже получившего распределение *в* 16-й парашютно-десантный полк. Мы решили вместе найти сначала штаб 16-го полка.

Мы пошли в Гумбинен. На мосту через Роминте нам навстречу попался капитан из нашей дивизии. Я попробовал у него узнать что-нибудь о нашем полке. Но он сказал только, что полк воюет «где-то южнее Гумбинена». О том, как проходит линия фронта, капитан точно не знал. Он ответил, как в анекдоте: «Фронт там, где гремит!»

Значит, придется искать «где-то южнее». Уже наступил вечер. Смеркалось. Я предложил Планерту продолжить поиски утром. Было не исключено, что в темноте в неясной обстановке мы можем попасть в руки к русским. Решили переночевать здесь же поблизости. В сумерках мы свернули на второстепенную дорогу, которая вела на юг. Совсем стемнело, шум боя стал стихать. Юго-восточнее мы видели всполохи — стреляла артиллерия. Снаряды падали в нескольких сотнях метров южнее нас. Мы были одни. Вокруг не было видно ни одного немецкого солдата. Где проходит главная линия обороны, мы не знали. А может, ее вообще не было.

Я предложил Планерту остановиться прямо здесь. В отдельно стоящем доме на дороге Гумбинен — Аннахоф мы попробовали переночевать. Часов десять, как я ничего не ел.

Я удобно устроился в кресле. Взгляд мой устремился в пустую дверную раму. Саму дверь вышибло внутрь взрывом, и она лежала на полу. Окна остались висеть на шарнирах, стекла в них были выбиты. Через помещение тянул легкий сквозняк.

Была почти полночь. Из полусна меня вырвали шаги по дороге перед нашим домом. Я выхватил пистолет и прислушался. Вопрос был один: немец или русский? Я заметил, что и Планерт прислушивается к ночному шороху. Он спросил шепотом:

— Что будем делать?

— Ничего! — ответил я так же. — Дождемся рассвета.

Я осторожно подошел к двери. Ничего не слышно и не видно. Над Нойхуфеном висят осветительные ракеты. Время от времени слышатся выстрелы.

Ночь тянулась медленно. Меня разбудил утренний холод, шедший из двери и окон. Я глянул на часы: 6 утра!

На полях лежал туман. Мы вышли из этого негостеприимного дома. Пока думали, что делать, к нам начали приближаться шаги со стороны Аннахофа. Мы прыгнули опять в дом. Из тумана показались две тени. Когда они подошли метров на двадцать, по

шлемам я узнал в них парашютистов.

Планерт окликнул их:

— Привет, из какой части?

Егеря оказались недоверчивыми. После первых слов Планерта они залегли в придорожной канаве и изготовились для стрельбы.

Мы вышли из дома, чтобы они нас видели. И я снова обратился к ним:

— Из какого вы полка?

— Из 16-го, господин лейтенант!

— А где командный пункт?

— Если вы так пойдете на запад, перейдете линию железной дороги. Через 200 метров к западу проходит еще одна. Пойдете вдоль нее и приблизительно через километр увидите отдельно стоящий двор. Там найдете подполковника Ширмера и штаб полка.

Мы с Планертом обрадовались, что наконец-то нашли полк, нашу новую «родину».

Мы прошли в тумане мимо немногих домов Аннахофа, пересекли железную дорогу и без труда нашли ветку Гумбинен — Ангерап. Через двадцать минут справа увидели двор.

— Здесь должен быть штаб, — сказал Планерт, — а где же фронт? В тумане ничего не видно!

У входа во двор в подворотне стоял часовой с автоматом в руках.

— В штаб полка.

Часовой изучающее посмотрел на нас, потом показал на здание в глубине двора.

Нас принял адъютант. Командир спал. Пришлось подождать.

8.00. Дверь за нами открылась. В ней стоял офицер с заспанным лицом. Мне он был незнаком. Кроме как командиром полка, он больше быть никем не мог. На шее у него был Рыцарский крест.

Я и Планерт доложили о своем прибытии в полк. Подполковник Ширмер приветствовал нас пожатием руки:

— Добро пожаловать в полк! Скажите адъютанту, в какие батальоны вас назначили. Вопросы у вас еще есть?

У меня был вопрос:

— Господин подполковник, мы совершенно безоружны, если не считать 7,65-мм пистолета. Где можно получить автоматы?

Ширмер развеселился:

— Кажется, вы совсем новички в этом деле. Если хотите получше вооружиться, как я это понял, вам надо посмотреть там, на поле. Среди убитых вы наверняка найдете пригодное оружие. Тот, кто здесь сам о себе не заботится, не постареет. — Командир

снова пожал нам руки, мы могли идти.

Я и Планерт посмотрели друг на друга. Очень воодушевленными мы не выглядели. Вот таким был климат в воздушно-десантных войсках. Черт, черт, черт!

1-й батальон 16-го парашютно-десантного полка в приграничных боях под Гольдапом в Восточной Пруссии

От адъютанта я узнал, что 1-й батальон можно найти на южной окраине Гумбинена у железной дороги на Гросвальтерсдорф.

— Если ночью ничего не случилось, то командира батальона капитана Тойзена вы найдете под виадуком у насыпи, — проинформировал меня адъютант.

До Аннахофа Планерту было со мной по пути. По шпалам мы пошли обратно на север. Южнее Гумбинена на полях все еще лежал густой туман. Солнце тщетно пыталось пробиться сквозь него.

В паре сотен метров восточнее нас стоял советский танк. Нас он не видел. С короткими перерывами он стрелял в нашу сторону из пушки и из пулемета. Очереди били в щебенку насыпи.

Солнце пригрело, и туман начал рассеиваться. Огонь стрелкового оружия со стороны противника усилился. Мы укрылись за насыпью. Немецкого фронта видно не было.

У Аннахофа я попрощался с Планертом, прошел немного вдоль насыпи и на пересечении железной и шоссейной дорог юго-западнее Гумбинена встретился с группой десантников. Сидя в укрытии, с виду сильно не выспавшийся егерь спросил меня:

— Как вы здесь оказались, господин лейтенант?

Я с удивлением узнал в нем обер-ефрейтора Райца, полгода назад служившего ординарцем в офицерском казино 4-й эскадрильи 14-й группы. Здесь я меньше всего ожидал его встретить.

— Черт возьми, Райц. Вы здесь? Как дела?

— Хорошо, господин лейтенант. Здесь мне нравится больше, чем работать в казино. Летчиком мне все равно было не стать. Я пошел в десантники. Здесь такие отличные ребята!

— Райц, вы, конечно же, знаете, где здесь располагается 1-й батальон из полка Ширмера?

— Так это мы здесь. Там, в придорожной канаве, — лейтенант фон Майер. Он вам расскажет, что здесь разыгрывается!

Огонь усилился еще больше. В окопе у придорожной канавы я разыскал лейтенанта фон Майера. Я ему сказал, что меня перевели в батальон, и спросил, где найти командира.

— Капитан Тойзен с несколькими людьми находится там, впереди, у насыпи, и прикрывает путепровод. Пока туман, вы можете до него добраться.

Я поблагодарил, выскочил из окопа и двинулся к путепроводу. Надо было пройти метров пятьсот. Мне повезло. Через пару минут я наткнулся на капитана Тойзена и его людей. Доложил о прибытии в батальон.

У Тойзена тоже был Рыцарский крест. Я задался вопросом: «Есть здесь еще офицеры без Рыцарского креста?» Командир поздоровался со мной и заметил:

— Идите назад к лейтенанту фон Майеру и будьте пока в его распоряжении. Если позволит обстановка, сегодня вечером поговорим о вашей дальнейшей службе.

88-мм зенитки в пограничных боях в Восточной Пруссии у Вольфсека, октябрь 1944 г.

Так был принят мой доклад о прибытии. Туман все еще висел над местностью, и я без особого труда вернулся к группе Майера.

Майер командовал остатками 2-й роты, которая вчера, как я потом узнал, вместе с отрядом зенитных пушек отражала массированные атаки танков южнее Вольфсека. Наши потери были велики. Русские потеряли несколько танков ИС. Отряд зенитных пушек был уничтожен.

Лейтенант фон Майер объяснил мне, что под прикрытием тумана он выдвинет свою боевую группу, в которой осталось еще 35 человек, дальше вперед.

Майер встал и крикнул людям в своем окружении:

— Вперед за мной — марш!

Егеря устало и тяжело поднялись и цепочкой потянулись параллельно насыпи на юг. Метров через пятьдесят туман стал рассеиваться, а потом порывом ветра его сдуло совсем. С востока местность была совершенно открыта. Слева впереди был небольшой лес. По нам открыли сильный огонь. Мы побежали. Теперь нас заметили и экипажи танков. С грохотом в 30 метрах впереди нас в полотно дороги ударил снаряд. А потом посыпался целый град снарядов. Моментально мы оказались в кольце разрывов. В первый же перерыв в обстреле Майер отозвал группу на исходные позиции.

Я лежал в придорожной канаве и хватал ртом воздух. Ранение в легкие продолжало доставлять мне неприятности. Три человека погибли. Среди них был и обер-ефрейтор Райц. Я с трудом скрывал свое смущение.

Около полудня капитан Тойзен и его люди отошли к нам. Я оценил численность батальона приблизительно в 100 человек. Сколько в нем осталось офицеров — было не ясно. Успел познакомиться только с командиром и лейтенантом фон Майером. Отношения подчиненности я еще не понял. Майер попытался мне объяснить, что на самом деле 16-й парашютно-десантный полк уже не существует, а вскоре станет 3-м парашютно-мотопехотным полком, частью танкового корпуса «Герман Геринг».

С наступлением темноты Майер отправил к насыпи небольшую группу, чтобы убрать убитых. Через полчаса солдаты со скорбной ношей возвратились назад. У Райца были осколочные ранения в голову и бедро. Осколок разбил рукоятку его пистолета. Ранения были такие тяжелые, что он, очевидно, умер мгновенно. Я взял себе его шлем и автомат. Лейтенант фон Майер приказал похоронить павших.

В укрытии при слабом свете фонарика я продолжил свои дневниковые записи: «Три могилы юго-западнее Гумбинена, у развилки железных дорог на Гросвальтерсдорф и на Ангерап. Среди них — могила обер-ефрейтора Райца».

В 22.00 меня и Майера посыльным вызвали на совещание офицеров в Аннахофе. За одним из домов мы встретили группу офицеров. Мы с Майером подошли последними. В темноте я узнал капитана Тойзена. Остальные мне были незнакомы. Совещание вел какой-то майор: «Господа, авангарды 11-й гвардейской армии прорвались через Гросвальтерсдорф и Тельроде до Неммерсдорфа на Ангерапе. На юге русские танковыми частями перерезали имперскую дорогу № 132 севернее Гольдапского озера. Наш план состоит в том, чтобы ударами во фланги отсечь и окружить эти группировки.

Танковому корпусу „Герман Геринг“ поставлена задача во взаимодействии с 5-й танковой дивизией перейти в наступление из района южнее Гумбинена в направлении Пликенер Берге, Гросвальтерсдорф. Фюрерская гренадерская бригада из „Великой Германии“ перейдет в наступление от Гольдапа в северном направлении. Если наступающим удастся соединиться, фронт с востока в направлении на Роминте удастся обеспечить. Наступление начинается завтра в 6.45!»

Командиры подразделений получили соответствующие приказы. Батальону Тойзена при поддержке штурмовых орудий предстояло сначала атаковать в направлении Вольфсека, в зависимости, как будет развиваться наступление, будут поставлены другие задачи. Главный удар наносился в направлении Гросвальтерсдорф.

Мы с Майером возвратились в окопы юго-западнее Аннахофа. Майер собрал командиров отделений и сообщил им о запланированном наступлении. Солдаты выслушали его со стоическим спокойствием. Каждый знал, что завтра снова недосчитаются кого-то из товарищей. Прежде чем задремать в придорожной канаве, я снова проверил посты. Над Кайленом и Нойхуфеном висели ракеты. Слышались отдельные выстрелы.

23 октября

Ночь выдалась относительно спокойной. Спать я не мог. Как только начинал дремать, просыпался от ночного холода.

Вот уже 6.00! Егерь рядом со мной проверяет ход затвора у своего пистолета-пулемета. Лейтенант фон Майер тоже уже на ногах. Он сказал мне принять правую группу остатков его роты:

— Поддерживайте связь со мной и следите за тем, чтобы выдерживать направление главного удара.

Солдаты вокруг меня производили впечатление спокойных. В то же время казалось, что никто из них не углублен в себя. Я сам пытался выглядеть спокойным, хотя мне это удавалось с большим трудом.

Рассветало. На востоке появилась красно-желтая полоса. Я посмотрел за бруствер. Там у русских было еще все спокойно.

От Гумбинена послышался звук низко летящих самолетов. Это были не немцы, у нас самолетов почти не осталось. Звук усилился: я дал предупредительную команду:

— Самолеты на бреющем слева!

Вот появились и они, ведя огонь из всего бортового вооружения, пролетая чуть выше деревьев в направлении Эггенхофа. Я повернулся и увидел, как разворачиваются штурмовики, чтобы снова обстрелять нас из пушек, лег на дно

окопа. Вот все стихло. К счастью, никого не ранило. На западной окраине Аннахофа показались штурмовые орудия. Я насчитал три. Конечно, подавляющего превосходства они нам не дадут, но все же это лучше, чем ничего. Они подошли к нам, мы получили команду сесть на них десантом.

6.45. Внезапно южнее Гумбинена открыли артиллерийский огонь. Поле боя оживилось. Сначала по шоссе мы ехали на юг, а потом через 600 метров свернули в поле. Местность повышалась. Перед нами был Вольфсек. Теперь открыла огонь и русская артиллерия. Снаряды ложились в сотне метров перед нами. Штурмовые орудия приняли вправо и на полной скорости поехали на юг. Мы едва могли держаться на броне.

Перед нами была дорога, ведущая из Вольфсека на запад. Огонь пехоты противника стал гуще. Штурмовые орудия остановились перед дорогой и начали бой, а мы спрыгнули и ушли в укрытие.

Чтобы «не зависнуть», я попытался установить связь со штурмовыми орудиями.

Солдаты напряженно наблюдали за моими действиями. Я это чувствовал. Для них я был новичком, о котором не знают, как он себя поведет, когда станет «жарко».

Я был не только новичком, у меня был еще и тяжелый порок — я не настоящий десантник, не парашютист. Люди, лежавшие вокруг меня в грязи, знают себе цену. Теперь они хотят определить, на сколько потяну я.

Как только я подошел к штурмовому орудию слева от меня и хотел уже постучать по броне, из этого стального ящика показалась голова:

— У нас кончились боеприпасы, отходим для их загрузки!

Три штурмовых орудия действительно попятились, развернулись и исчезли в направлении Аннахофа. Я почувствовал, как ноги у меня стали словно ватные. Ефрейтор рядом со мной все это слышал, сказал на это просто и метко:

— Говно.

Местность перед нами шла слегка на подъем. До «Зенитной» высоты (высота 55,8 в 500 метрах юго-западнее Вольфсека), которую мы должны были взять, было еще 400 метров. Перед нами стало заметно тише. Слышались только отдельные выстрелы. Наш правый фланг был открыт. Неизвестно, есть ли немецкие части по эту сторону дороги Гумбинен — Неммерсдорф. Здесь нам отлеживаться было нельзя. Я встал и крикнул:

— Вперед — марш!

Люди встали — медленно, тяжело и устало. Надо надеяться, что русские не бодрее нас. Местность перед нами совершенно

открыта. Я подгоняю своих. Слева от нас — восточнее Вольфсека — слышится ожесточенная стрельба.

Еще несколько метров до вершины высоты. Мы идем внимательно, с оружием на изготовку. Я отправил людей в укрытие, а сам пополз к гребню высоты. Здесь по верху проходили пастбищные изгороди. Слева я увидел старую немецкую зенитную позицию. Русских не было видно. Было опасно тихо. Я принял решение с правофланговой группой роты Майера занять позицию зенитной батареи и обеспечить охранение в южном направлении.

По сигналу моей руки мы бросились вперед, чтобы захватить окопы на южной оконечности позиции зенитной батареи. В этот момент по нам открыли пулеметный огонь. Я не мог определить, откуда противник ведет огонь. Пули ложились так густо, что я не осмеливался поднять головы. Мои люди слева от меня спрятались за щитом 88-мм зенитки. Я попытался отползти влево, чтобы уйти из сектора обстрела, но, как только пошевелился, раздался выстрел снайпера.

Егерь справа от меня был мертв. Неестественно скрючившись, он лежал на земле. Его пустой взгляд остановился. Он умер беззвучно.

Пару минут я лежал не шевелясь. Потом попробовал снова отползти. Хлестнул выстрел. Ударило по спине. Осторожно пошевелил руками и ногами — меня не ранило. Пуля разорвала плащ-накидку в скатке у меня на спине.

Прошло еще несколько минут. У меня на лбу выступил пот. Слева меня кто-то позвал:

— Давайте сюда, господин лейтенант, мы проделали дыру в заборе!

Я слегка повернул голову налево и увидел дыру в заборе. Если «Иван» держит меня на мушке, он меня снимет, как только я вскочу. Я мучительно принимал решение. Вдруг раздался выстрел. В тот же миг я вскочил, пролез в дыру в заборе и скатился в окоп — получилось.

В окопе попробовал успокоить дыхание. Пока я думал, что делать, меня тряхнуло от ужасного грохота, барабанные перепонки заболели. Осторожно посмотрел за бруствер и увидел, что 88-мм пушка качается, из ее ствола идет дым. Только сейчас понял: трое моих людей выстрелили из зенитки по русским. Хотя прицел разбит, они целились через ствол.

Я оглядел зенитную позицию — одно из орудий было так повреждено во время боя 21 октября, что его ствол висел на лафете, как весы. Погибшие в том бою все еще лежали у своих орудий. Они оборонялись буквально до последнего вздоха. В сиденье наводчика 20-мм автоматической пушки висел

лейтенант. Его убило осколком снаряда. Нижняя часть его живота была распорота. Я отвел глаза.

Надо было принимать решение! Здесь сидеть было нельзя! Взгляда за гребень «Зенитной» высоты было достаточно, что дальше отсюда в южном направлении идти нельзя. Я решил собрать людей и отойти в Вольфсек, чтобы соединиться с левым флангом батальона.

Я подал команду, и мы одним рывком покинули позицию зенитной артиллерии и укрылись за обратным склоном. Опрос показал печальный результат: четверо убитых. Раненых отправили в направлении Гумбинена. В колонну по одному мы отходили вдоль южной окраины Вольфсека, а потом снова пошли вперед по дороге на юго-восток. У амбара слева от дороги я встретил капитана Тойзена с немногими людьми его штаба. Доложил. Командир сказал мне, что остатки его батальона должны собраться здесь. Обстановка была неясной. Батальон должен, как только стемнеет, занять позицию между дорогами Вольфсек — Кляйнвайлер и Аннахоф — Эггенхоф, в 300 метрах южнее «Зенитной» высоты.

Насколько далеко продвинулись остальные части корпуса «Герман Геринг» и 5-й танковой дивизии, неизвестно. Я еще узнал, что вчера город Гольдап попал в, руки русских. Какой-то старший лейтенант рассказывал, что красноармейцы, прорвавшиеся на территорию рейха 21 октября, учинили резню мирных жителей в местечках Неммерсдорф и Шульценвальде. Большое количество женщин было изнасиловано, а потом зверски убито вместе с детьми.

Вечером, при последних лучах солнца, мы заняли оборону южнее «Зенитной» высоты.

Люди были на пределе физических возможностей. Некоторые засыпали на ходу. Я с большим трудом заставлял своих подчиненных хотя бы слегка окопаться. Я тоже выкопал себе неглубокий окопчик. Впрочем, я надеялся, что мы с восходом солнца пойдем вперед.

Сейчас 2 часа ночи. С ефрейтором я прохожу вдоль рубежа и застаю двух своих спящих солдат. Один из них не просыпался до тех пор, пока я не начал стучать по его ногам. Раньше такой случай повлек бы за собой дисциплинарное расследование. Но здесь и сегодня уже никого дисциплинировать было не нужно. Люди несколько месяцев не выходили из боев и теперь были уже совсем «готовы».

Разбуженный начал бормотать:

— Я больше не могу, господин лейтенант!

Несмотря на темноту, я заметил, что солдат дрожит всем

телом, и попытался придать ему морального духа:

— Послушайте, ваши товарищи тоже больше не могут. Если хотите выжить, возьмите себя в руки. Вам еще повезло, что я вас разбудил, а не «Иван», а то бы вы навечно здесь задремали!

Тянущим голосом измученный продолжал:

— Вы про меня доложите, господин лейтенант?

Я заметил, что он уже не контролирует свой подбородок. Но уже не стерпел:

— За кого вы меня принимаете? Я высказал вам свое мнение и жду, чтобы рота могла на вас положиться! Про ваш сон в дозоре я уже забыл!

Я оставил его одного и отправился с ефрейтором дальше. Мы осторожно подобрались к дороге Аннахоф — Эггенхоф и через 200 метров наткнулись на пулеметную точку правого соседа.

Мы обменялись наблюдениями, и я рассказал гренадерам, где наш правый фланг. Двухсотметровый интервал между нами был слишком велик и ничем не прикрывался.

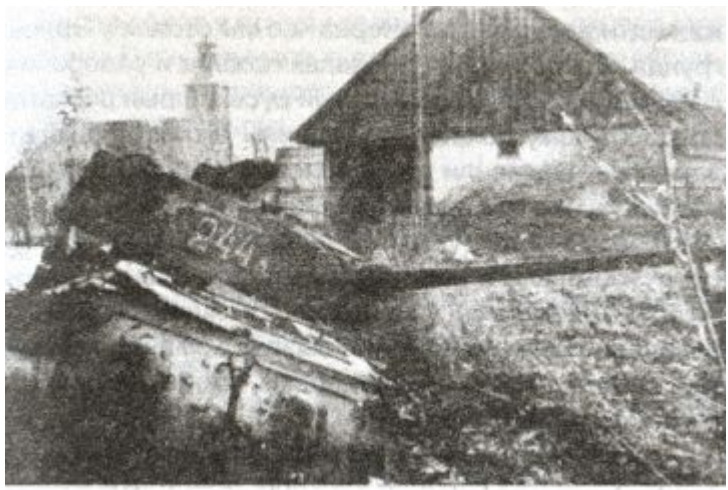
3.10. В 300 метрах перед нами горит огонь, вспыхивая то сильнее, то вновь потухая, в зависимости от того, как его раздувает ветер. Целых полчаса мне не давала покоя эта игра пламени. Я захотел выяснить, что это такое, и позвал к себе трех солдат.

Шаг за шагом, с пальцами на спусковых крючках автоматов, мы подошли к этому костру. Уже в 30 метрах от него мы почувствовали ужасный запах. Наконец, мы подошли к костру. Я приказал вести наблюдение за противником и осмотрел окрестности, насколько позволяла темнота. Ногами в огне лежал мертвый русский и медленно зажаривался, распространяя вокруг мерзкий запах горелого мяса. Мы вытащили «Ивана» из огня, засыпали и костер, и его землей.

Незадолго до 6.00 по цепочке прошла команда: «собраться на левом фланге». Люди начали устало вставать и брести к указанному месту. В колонну по одному мы снова отправились к южной окраине Вольфсека. Остатки батальон собрались у отметки 49,7 в 500 метрах юго-западнее Вольфсека.

К этому времени взошло солнце. На полях лежал туман. Меня пробирал до костей утренний холод. С юга доносился шум боя. Батальон двинулся сильно растянувшейся колонной по дороге на Кляйнвайлер. Я со своим отделением был замыкающим. Есть ли немецкие войска слева или справа от нас, было неизвестно. Мы быстро прошли Кляйнвайлер и оказались у покрытых лесом высот Пликенских гор. Голова колонны начала бой с противником. Юго-восточнее раздалась частая стрельба танковых пушек, это было совсем неподалеку.

Русские отходили, а мы не давали им оторваться. Пликенские высоты остались позади. Мы продолжали идти на юг. Перед нами показались крыши Брауэнсдорфа. Кое-где продолжались пожары. Голова колонны повернула на Альт-Вустервиц, надо было пройти два километра по открытой местности. К счастью, до местечка, состоявшего только из одного большого двора, мы дошли, не встречая противника. При приближении нас поразил отвратительный запах — смесь гари и горелого мяса.



«Т-34», подбитый в Неммерсдорфе 23 октября 1944 г.

Головная рота завязала бой с арьергардом противника. Потом мы пошли дальше. На выходе из Альт-Вустервица я заметил на грунтовой дороге следы гусениц «Т-34». Вывернутая земля была совсем свежей. Если нас атакуют танки, то положение наше будет незавидным. У батальона нет никакого противотанкового вооружения.

«Если „Иваны“ со своими танками отступают перед нами, вооруженными кое-как, — думал я, — то охват со стороны Гумбинена в направлении Гросвальтерсдорфа и из Голдапа в северном направлении удался». Русские отступали так быстро, словно хотели побыстрее вынуть свою голову из петли. Батальон продолжал идти дальше на юг. Через час мы стояли у Эрленгрунда. Здесь тоже стоял запах пожара и разорения. На выходе из деревни мертвый русский был раскатан по дорожному покрытию. Машины его отступающих земляков раздавили его в лепешку. Я постарался не наступать на это. Стояла ужасная вонь.

Около 18 часов (уже стемнело) мы дошли до Шварценау и южнее его заняли оборону фронтом на Роминте. Штаб разместился в отдельно стоящем дворе юго-западнее Шварценау.

Меня вызвал командир. Впервые капитан Тойзен нашел время, чтобы поговорить о моей будущей службе:

— Лейтенант Кноблаух, расскажите, пожалуйста, коротко о своей военной карьере: войсковых частях, участии в боях…

Я коротко рассказал о своей предыдущей службе. Командир меня не прерывал. Когда я закончил, он сказал, раздумывая:

— Отрадно, что вы не только летчик! Завтра, если ничего не помешает, примете саперный взвод 4-й роты.

Мы выпили красного вина из металлических кружек. Мой испытательный срок закончился. Один за другим приходили посыльные из рот. Батальон теперь оборонял участок между Дакеном и Шварценау. После больших потерь за последние дни главная линия обороны была едва занята.

25 октября

Вскоре после полуночи. Я иду в полной темноте. Перед фронтом батальона относительно спокойно. У Дакена то и дело взлетают ракеты. Южнее нас, должно быть, у Гольдапа горизонт вспыхивает как при отдаленной грозе.

После обеда я принял саперный взвод, скорее, его остатки. Познакомился с людьми. Распоряжений никаких давать не пришлось. Саперный взвод — резерв командира батальона.

26 октября

Советская артиллерия обстреливает наши позиции. 15.00. Посыльный 2-й роты затопал у двери:

— Господин капитан, лейтенант фон Майер ранен в оба глаза и больше ничего не видит!

Капитан Тойзен встал:

— Лейтенант Кноблаух, принимайте роту. Посыльный отведет вас и приведет сюда Майера.

Я застегнулся, взял шлем и отправился. Посыльный шел впереди. По придорожной канаве мы дошли до Шварценау. То и дело приходилось укрываться от пулеметных очередей. В одном из домов на окраине был командный пункт лейтенанта фон Майера. По узкой лестнице мы спустились в подвал. Майер лежал в старом кресле, перед ним стоял стол, на котором горела восковая свеча. Он услышал, как мы вошли, и узнал меня по голосу:

— Как вы знаете, господин Кноблаух, я больше не вижу. Но меня успокаивает мысль, что именно вы примете вторую, к которой я успел привязаться.

Майер, держа глаза закрытыми, указал мне на карту с нанесенными позициями роты. Командный пункт находился на ее

левом фланге. Позиции проходили перед дорогой Дакен — Шварценау на юго-восток. Пять солдат, лежавших на старых матрасах в подвале, — единственный резерв роты. Я поблагодарил за указания и попрощался с Майером. Посыльный повел его на КП батальона. Я остался один на один со своими обязанностями. Советская артиллерия обстреливала Шварценау. Кругом все гремело и трещало. Соседние дома горели. Едкий дым резал глаза. С посыльным я вышел наружу, и языки пламени охватили нас. Стрелковые ячейки располагались далеко друг от друга, сплошных траншей не было. К северо-востоку от нас шел бой.

19.00. Я сидел над картой и думал, что делать, если русские перейдут в наступление. Послышались шаги по подвальной лестнице. Появился посыльный:

— Вы командир 2-й роты?

— Да. Что такое?

— Господин лейтенант, батальон сегодня ночью переходит в наступление. Здесь письменный приказ командира батальона.

В свете свечи читаю: «…27 октября в 1.00 батальону покинуть занимаемые позиции и переместиться на 500 метров восточнее в готовности к атаке. Атаку начать на рассвете при поддержке штурмовых орудий. В ходе атаки перейти имперскую дорогу № 132 и выйти к Роминте…»

Я вызвал своего посыльного и отправился с ним на обход позиций, чтобы проинформировать людей и подготовить роту к атаке. Незадолго до полуночи я снова сидел в своем подвале в Шварценау. Осталась пара минут до часа ночи. Я вышел с управлением роты наружу. Надо было привыкнуть к темноте. Мы шли от окопа к окопу и собирали остатки роты. В 30 метрах передо мной в качестве охранения крались два моих солдата, мы шли за ними, поглядывая налево и направо, с оружием на изготовку.

На имперской дороге в 300 метрах впереди нас взлетали осветительные ракеты русских.

На нашей стороне в темноте что-то происходило. Может быть, это «Иваны». Я приказал роте остановиться и залечь в укрытие. Дальше пошел осторожно один и наткнулся на дозорного. Он схватил меня за руку и показал вперед в темноту.

Мы подождали несколько минут. Я услышал тихую немецкую речь. Кажется, сейчас произойдет огромное свинство. Кто перед нами? Наши или свинские собаки из комитета «Свободная Германия», пошедшие на службу к советам и чьи делишки многим камрадам уже стоили жизни?

Я услышал приближающиеся шаги, приглушенные мягкой

пашней. Солдат рядом со мной и я приготовились к стрельбе с колена. Ничего не было видно. Шаги приближались. Наконец я решил все прояснить:

— Стой, кто идет?

— Не стреляйте, немцы, — послышалось в ответ.

Из темноты к нам вышло три тени. Я недоверчиво держал палец на спусковом крючке.

Передо мной стояли фельдфебель и пара солдат из соседней роты. Я тоже дал себя узнать, и узнал, что подготовка батальона к атаке в эту необычно темную ночь провалилась. Роты перемешались. Нам еще повезло, что мы не открыли друг по другу огонь.

Фельдфебель получил задачу отвести роту на старые позиции у Шварценау. Я ему не завидовал.

Я пошел к своим людям и отвел роту обратно в Шварценау. Заняли прежние ячейки. Я спустился с людьми из управления роты в подвал, где был командный пункт.

2.50. Нервное напряжение начало спадать. Я почувствовал, насколько устал.

У входа в подвал я услышал голоса, и сразу после этого передо мной оказался начальник оперативного отделения штаба дивизии. Я попытался доложить. Майор Швайм махнул рукой и сел на ящик. Показав на карту, он спросил:

— Скажите, как могло произойти перемешивание при выходе на исходные к атаке?

— Не знаю, господин майор. До исходного рубежа атаки я не дошел.

— Ну, это ясно. Все придется повторить. В 4.00 вам быть на исходном рубеже. Все остальное остается так, как в приказе! Вопросы?

— Вопросов нет, господин майор.

Начальник оперативного отделения встал, отдал приветствие и поднялся по лестнице. Мы снова остались одни. Ротный фельдфебель спросил:

— Кто этот майор, господин лейтенант?

— Это был майор Швайм, первый офицер генерального штаба нашей дивизии [3]. Если он лично на переднем крае занимается подготовкой атаки, можете считать, что корпус нашим действиям придает большое значение!

3.10. Мы взялись за оружие. Я потушил свечу, и мы вышли из подвала. Все повторилось снова. Я собрал людей и осторожно в колонну по одному повел к имперской дороге № 132. Местность сначала имела уклон на восток. Я шел в голове колонны, чтобы задавать направление движения. Около 4.00 мы вышли к

маленькому кладбищу невдалеке от Дакена. Там стояла подбитая «Пантера». На другой стороне дороги, ведущей в Тольминген, располагалась гостиница.

Я позвал главного фельдфебеля:

— Здесь, за этой «Пантерой», мы разместим командный пункт. Прикажите отрыть окопы и подумайте над тем, что нам будет видно после восхода солнца. Русские засели в придорожных канавах по ту сторону имперской дороги и в гостинице. Сейчас я поставлю задачу роте.

Рота шла за мной. Мы спустились в лощину, тянувшуюся от кладбища на север. Я каждому указал его место и приказал:

— Окопаться!

Местность перед фронтом роты поднималась в восточном направлении значительно выше имперской дороги. Я надеялся, что атака начнется еще до восхода солнца. Если она будет позже, то мы окажемся как на блюдечке, о последствиях даже и думать не хочется. Возвращаясь к командному пункту, я постоянно взывал: «Окапываться!», «Копать!».

В мое отсутствие главный фельдфебель развил активную деятельность. Несмотря на темноту, я увидел подготовленное для меня укрытие и поблагодарил за него.

Чтобы установить связь с правым соседом, я с одним из посыльных отправился вдоль тыльного забора кладбища в направлении дороги. Требовалась чрезвычайная осторожность: мы не знали, где находятся русские.

Неподалеку от дороги, там, где узкая дорожка ведет от дороги к кладбищу, нас окликнули. Я слышал, как щелкнул предохранитель карабина:

— Стой, кто идет?!

— Дивизия «Герман Геринг»!

Мы медленно подошли поближе, вышли к левому флангу «Великой Германии» и оказались в сиятельном обществе. Утешаю себя мыслью, что рядом имперская дивизия.

Обменявшись наблюдениями, мы поговорили о предстоящей атаке. «Великогерманцы» держались уверенно. А я подавлял возникшие у меня сомнения.

4.00. Батальон находится на исходном рубеже. Еще темно. От имперской дороги пускают осветительные ракеты. Русские нервничают. Места выстрелов показывают, что мы довольно близко подошли к ним.

Я еще раз обхожу позиции. Солдаты выкопали лишь неглубокие окопчики. Я снова потребовал глубже зарыться в землю.

6.40. На востоке начинает светлеть. Приближается утро —

становится неприятно холодно. На траве лежит иней. Смотрю в бинокль на Петерсталь. Все спокойно. Звуков техники не слышно. Нет ни штурмовых орудий, которые должны нас поддерживать, ни ракеты к атаке.

Светает. Смотрю вниз на жалкие ямки моих людей. Меня начинает трясти. Если сейчас придется атаковать, то при ясном свете нам придется идти по открытой поднимающейся местности к имперской дороге без поддержки тяжелого вооружения.

Если атаки не будет, то те, кто не смог заставить себя закопаться глубже в землю, окажутся непосредственно под стволами русских.

7.30. Беспокойная тишина опустилась на поля между имперской дорогой и рубежом Дакен, Шварценау, Петерсталь. Время тянулось медленно. Но вот стало совсем светло. На севере я услышал гул тяжелых моторов. Я схватил бинокль и посмотрел на Петерсталь. Взлетели ракеты — из Петерсталя гренадерские части пошли в атаку. Теперь я увидел несколько штурмовых орудий: мало, очень мало.

Мучительно принимаю решение о переходе в атаку. Мои люди должны пройти более 200 метров по открытой поднимающейся местности без поддержки тяжелого вооружения. Шансы дойти до дороги равны нулю. Я решил сначала дождаться, когда сосед справа, как договорились, возьмет гостиницу. Это непреложное условие для атаки моей роты.

Не успел я довести мысль до конца, как справа перед нами начался огневой бой. Гренадеры из «Великой Германии» рванулись вперед. Своим пулеметчикам я приказал вести огонь по позициям у имперской дороги севернее гостиницы, прикрывая фланг атакующих. Начали рваться ручные гранаты, трещали автоматные очереди. Потом вдруг установилась тишина. Раненый зовет санитара. Я покинул укрытие и побежал за кладбищем вдоль дороги. Пулеметная очередь прижала меня к земле. Осторожно поднимаю голову. На дороге лежат двое убитых. Во время броска к гостинице они попали под огонь русских. Атака «велико-германских гренадеров» отражена. Это одновременно означает, что моя рота останется лежать. Короткими перебежками я поспешил под прикрытием кладбища назад и вскоре оказался с моими людьми.

Взглянув на север, я увидел, что при поддержке штурмовых орудий гренадеры восточнее Петерсталя перешли имперскую дорогу. Если их атака будет развиваться и дальше, то они точно выйдут к Роминте. Тогда я смогу атаковать советские позиции моей ротой.

11.00. Продолжаем лежать. Любое движение исключено.

Солдаты в импровизированных укрытиях перед имперской дорогой не могут вести даже огневого боя. Стоит только приподнять голову, как русские с более высокой позиции сразу же обрушивают на нее огонь. Я взялся за бинокль. Мой взгляд скользит от укрытия к укрытию: там никакого движения. Не могу понять, кто еще жив, а кого уже нет. С трудом пытаюсь подавить внутреннее возбуждение.

Один из моих посыльных обратился ко мне:

— То и дело вижу головы русских в окопах. Могу я по ним стрелять?

Я думаю, что таким образом мы привлечем огонь русских на командный пункт и я не смогу управлять ротой. Если «Иваны» начнут бить по «Пантере» из противотанковой пушки, придется менять место командного пункта. Снова посмотрел на своих людей, прижатых огнем к земле. Их выживание — дело случая. И принимаю решение:

— Стреляйте, но так, чтобы «Иван» не заметил дымок из ствола!

Стрелок залез под «Пантеру» и прицелился. Я смотрел в бинокль. Выстрел. Я видел, как голова русского исчезла, а ствол его винтовки задрался вверх.

Посыльный снова прицелился. Я его удержал:

— Парень, не так часто, а то мужики нас здесь быстро вычислят. Выждите пару минут!

Лицо моего посыльного (я думаю, ему было лет 19) приобрело своеобразное выражение: холодное и беспощадное. Прежде чем он снова приложился к своему карабину, я его спросил:

— Скажите, почему вы стреляете с таким свирепым видом?

— На то свои причины, господин лейтенант.

— Какие?

— Когда пару недель назад «Иваны» погнали нас от Эбенроде на Гумбинен, тогда еще погиб лейтенант Штайн, я с несколькими товарищами попал в плен. Нас построили в шеренгу, и мы должны были выходить по одному. Один за другим товарищи должны были становиться на колени, и их убивали выстрелом в затылок. Меня сначала словно парализовало. А потом просто пустился бежать. Прежде чем русские сообразили открыть по мне огонь, мне удалось спрятаться. Мне повезло, и я снова вышел к своему батальону. Вот такая причина, господин лейтенант, и больше ничего! — Он попытался улыбнуться, но ему не удалось.

Снова выстрел, и снова русский повалился в своем укрытии. Я посмотрел на север. Я не поверил своим глазам. Прорвавшиеся через имперскую дорогу к Роминте гренадеры отходили.

Штурмовые орудия тоже скрылись в Петерстале. Накатывалась волна «Т-34». Отступление гренадеров приобретало пугающие формы. Между Шварценау и Петерсталем я уже не видел ни одного немецкого подразделения. Я думал, как мне предотвратить обход противником моего левого фланга. Сначала я должен вызволить своих людей из ужасного положения. Но как?

Оставлять позиции без приказа не годится. Мне нужно решение командира, а он — в Шварценау.

— Посыльного в батальон. Кто пойдет?

Вызвался обер-ефрейтор. Я объяснил ему, в чем дело:

— Попробуйте найти командира батальона в Шварценау. Доложите, что рота залегла здесь и будет уничтожена, если тут останется. Доложите, что я прошу разрешения отойти в Шварценау. Если командир согласится, нужно выпустить две белые ракеты. Сейчас побежите по склону в лощину. Там «Иваны» вас не увидят. Потом попробуете выйти на дорогу в Шварценау. Если попадете под обстрел, лежите до тех пор, пока вам не покажется, что «Иван» про вас забыл! Все понятно?

Обер-ефрейтор побежал по склону — без шлема и карабина. Он пропал в лощине, а потом показался на противоположном склоне у дороги на Шварценау, почти в 600 метрах от населенного пункта. Мы наблюдали за ним неотрывно. Вот он прошел еще 200 метров.

Теперь русские очухались. Открыли пулеметный огонь. Посыльный залег. Я посмотрел в бинокль: не шевелится.

— Приготовить пулемет! Открыть огонь по русским на имперской дороге, как только наш человек поднимется!

Минута шла за минутой.

— Он снова побежал, господин лейтенант! Действительно, он побежал, но шаги его стали короче и темп замедлился — он бежал в гору.

Русские тоже заметили движение у дороги и открыли огонь. Наш пулемет заставил их на какое-то время замолчать. Но потом по нашему посыльному ударила противотанковая пушка — он залег.

Мы ждали: две минуты, пять минут, десять… Я заметил, как взгляды моих людей устремились на меня. Все ждали моих слов. Я посмотрел в бинокль. Посыльный лежал под плодовым деревом с расщепленным стволом. Положение его тела было неестественным. Прячущийся так лежать не может. Он был мертв.

Мои люди ничего не спрашивали. Они уже знали, что мы потеряли товарища.

Прошло полчаса. В укрытиях роты по-прежнему никто не может пошелохнуться. Надо что-то делать. Принимать решение

без согласия командира батальона. Кто-то обращается ко мне — тот самый, который попал в плен между Эбенроде и Гумбиненом и убежал от расстрела.

— Если вы сочтете правильным, я попытаюсь прорваться в Шварценау!

Немного помедлив, я согласился. Я не приказывал. Он тоже оставил шлем и карабин. Без ремня он побежал вниз по склону. Я приказал пулеметчику занять позицию.

Наш человек добрался до противоположного склона. Он не бежал. Он шел и падал через каждые 20 метров или когда по нему стреляли. Наши взгляды были прикованы к нему. Русские усилили огонь. Стреляли по нашим позициям и по нашему посыльному. Снова начала стрелять противотанковая пушка.

Я приказал пулеметчику вести огонь по левому флангу русских. В Петерстале наши штурмовые орудия вели неравный бой с «Т-34».

Наш посыльный опять двинулся вперед. Мои руки, державшие бинокль, дрожали.

Снова выстрелила противотанковая пушка. Посыльный залег. Мы ждем пять минут, десять минут, пятнадцать минут — не шевелится. Мои ладони стали влажными. Мои люди смотрели на меня, я смотрел в пустоту.

— Он поднялся! Он бежит! — крикнул кто-то рядом со мной.

Я закричал пулеметчикам громче, чем это было обычным для меня:

— Ну стреляйте же, стреляйте!

Пулемет молотил по русским позициям вдоль дороги.

Я снова взялся за бинокль. Посыльный бежал, падал, залегал, вскакивал и снова бежал, пока не скрылся в лощине. Он добрался до Шварценау. Мы молча смотрели друг на друга. Ефрейтор рядом со мной сказал:

— Во дает парень! Во дает! — и отвернулся.

Я снял шлем и промокнул пот со лба.

В тот момент мне вдруг стало ясно, насколько фатальным может оказаться принятие незнакомой роты во время боевых действий, когда нет никакой возможности познакомиться с людьми своего подразделения. Я же почти не знал ни одного своего солдата по фамилии. Некоторых только сейчас увидел впервые.

Кто такой командир их роты, солдаты тоже не знали. Но вот что удивительно: лейтенант есть лейтенант. И совершенно все равно, как его зовут и откуда он взялся. У него есть приказ, у него есть ответственность за выполнение задачи и за жизнь своих людей. И я находился под впечатлением того, какое доверие

проявили молодые солдаты по отношению ко мне, чужому лейтенанту.

Отношения между офицером и солдатом развивались в Пруссии более 200 лет. Даже проигранная Первая мировая война не смогла внести в них раскол. Это феномен или часто упоминаемый и высмеиваемый прусский дух, который, как оказывается, распространен не только в Пруссии?

Что заставило двух посыльных добровольно отправиться в тяжелый и полный опасностей путь в Шварценау?

Над Шварценау взлетела первая белая ракета, потом вторая, потом — третья. Теперь у меня есть свобода действий. Мы можем отходить в Шварценау.

Я вызвал посыльного:

— Идите по склону, пока не подойдете к людям там, внизу в укрытиях, на расстояние слышимости голоса. Из укрытия крикните им, что мы упорядоченно, с рубежа на рубеж, отходим к Шварценау. Первый рубеж — русло ручья там внизу. Мы прикрываем отход. Потом отходим мы. Им будет видно. Передать по цепочке!

Посыльный взял свой карабин, прополз под «Пантерой» и пошел вниз по склону. Без особого труда он подошел на расстояние голоса к правому флангу роты.

Я наблюдал за ним в бинокль и убедился, что все всё поняли. Солдаты, пролежавшие словно мертвые несколько часов на открытой местности, начали осторожно шевелиться.

Посыльный возвратился:

— Ваше приказание выполнено!

Без посыльного в бою ничего не выйдет! Это знает каждый. Я поблагодарил и спросил:

— У вас есть впечатление, что товарищи там, внизу, поняли замысел?

— Думаю, да, господин лейтенант.

Прошло пять минут. Я обратился к главному фельдфебелю:

— Пора! Сейчас все спрыгиваем вниз, в русло ручья. Встаем — и пошли!

Одной перебежкой я оказался на обратном склоне. Люди шли сразу за мной. В русле ручья мы укрылись и стали ждать. Я смотрел в северном направлении. Из лощины показались первые головы. Их становилось все больше. Вот, кажется, собрались все. Я подождал еще несколько минут и спросил унтер-офицера:

— Как вы думаете, здесь рота в полном составе или, может быть, кто-то не заметил, что мы отходим?

— Это исключено. Люди, оставшиеся на позициях, мертвы!

В русле ручья вокруг меня залегли остатки 2-й роты. Я

сосчитал: 26 человек!

— Слушайте все! Отходим в Шварценау. Один за другим, дистанция 20 метров. Как только выйдем из укрытия, каждый действует самостоятельно. Вперед!

Первые подошли к полевой дороге, ведущей в Шварценау. У Дакена и Петерсталя слышался шум боя. Мы растянулись по склону, который хорошо виден русским от имперской дороги. И тут опять началось. Винтовочный огонь усилился. По отходящим одновременно ударили несколько пулеметов. Шедший во главе, в 100 метрах впереди меня, залег. Я крикнул:

— Не лежать! Дальше!

Цепочка людей впереди меня снова пришла в движение. Огонь усилился. Я начал задыхаться. Мое ранение в легкие, полученное 13 месяцев назад, снова давало о себе знать. Сил больше не было. Я залег. Но здесь оставаться было нельзя. Я вскочил и поспешил дальше.

Открыла огонь противотанковая пушка. Русские стреляли по стволам фруктовых деревьев, росших вдоль дороги. Осколки свистели в воздухе.

Я прошел еще 100 метров. Силы быстро уходили. Мне снова надо было залечь. Передо мной лежал кто-то из наших. Я подполз к нему и позвал. Ответа не было. Я осторожно толкнул: он был мертв.

Я снова вскочил и с кругами в глазах проковылял последние 50 метров. Наконец-то я добрался до обратного склона. За мной пришли еще четверо. Мы подошли к первым домам Шварценау. Ко мне подошел капитан Тойзен. Я доложил. На какой-то момент я закрыл глаза. Я так устал, что вынужден был опереться о стену дома.

Командир разъяснил мне обстановку и дал новый боевой приказ:

— Наступление на Роминте после начального успеха восточнее Петерсталя потерпело неудачу на всем участке. Вам с ротой оборонять Шварценау, а с наступлением темноты отойти на прежние позиции к юго-востоку отсюда. Когда стемнеет, подвезут боеприпасы и продовольствие. Еще вопросы?

Вопросов у меня не было. О пополнении я даже не спрашивал, потому что на него можно было и не рассчитывать.

В роте осталось 24 человека. Двое погибли при отходе. Я спросил:

— Кто ранен?

Одиннадцать подняли руки.

— Кто считает, что из-за ранения должен покинуть роту?

Все опустили руки, кроме одного. Я посмотрел на рану.

Головка снаряда перебила плечо. Кровь еще не остановилась. Я отправил раненого на перевязочный пункт.

— Всем слушать меня! Сейчас занимаем восточную окраину Шварценау фронтом на восток и на север. Как стемнеет, пойдем обратно в наши старые окопы. Я каждому укажу место. Оба пулемета сначала прикрывают северное направление. Обстановка между Шварценау и Петерсталем не ясная. Кто не будет стоять в дозоре — ложится и спит. Я буду в подвале того дома. Разойдись!

Люди устало поплелись на позиции. Больше здесь уже говорить было нечего. Каждый знал, что надо делать. С управлением роты я спустился в подвал. Сутки назад здесь я принял командование ротой от лейтенанта фон Майера. Неужели прошло только 24 часа?

Вернувшись с проверки позиции в подвал, я взял в руки дневник и в тусклом свете «летучей мыши» коротко записал последние события.

В момент относительного затишья мне стали ясны размеры потерь. За сутки погибло шесть моих солдат. Я мрачно подсчитал: если каждый день будут гибнуть по два человека, 2-й роты не будет через двенадцать дней! Если обстановка не изменится, а она не изменится, к 8 ноября нас всех накроет земля Восточной Пруссии.

Я погнал от себя эти мрачные мысли и спросил, как могут сейчас обстоять дела на фронтах во Франции и в Италии? Никакие новости до нас не доходили.

Стемнело. На улице послышался шум моторов. Я поднялся по подвальной лестнице. Под прикрытием стены стоял открытый вездеход. Из него выпрыгнул унтер-офицер и развязно заявил:

— У нас боеприпасы и еда для вас. Немного, правда. Но и вас тоже немного осталось.

Я приказал посыльному разгрузить машину.

Солнце зашло. Я снял пулеметы с северной окраины деревни и перевел людей в окопы юго-восточнее Шварценау. Пулеметы я поставил на правом фланге. Если русские атакуют населенный пункт с фронта, то пулемет ударит им во фланг.

Перед нашей позицией заметно стихло. Попытаюсь отоспаться. Посыльным приказал меня разбудить, как только что-нибудь произойдет.

21.00. Темная ночь. Обхожу позицию. Солдаты ничего особенного не наблюдали. В каждом окопе по два солдата. Один спит, другой дежурит. Расстояние между окопами более 50 метров. При такой темноте просачивание русских не исключено. Надо быть начеку.

28 октября

Ночь прошла. Ничего не произошло. У меня впечатление, что русские занимались своими делами.

10.00. По Шварценау сильный артиллерийский огонь. С потолка подвала сыплется штукатурка. В перерыв между огневыми налетами я выскочил наружу, чтобы осмотреться. Окопы были под минометным обстрелом. То и дело стреляла противотанковая пушка. В окопах никого не было видно. Я возвратился в подвал. Начало смеркаться. Я приготовился обходить позиции. Услышал шаги по подвальной лестнице. В дверях появился ефрейтор:

— Господин лейтенант, десять минут назад на правом фланге прямым попаданием выведен из строя пулемет с расчетом.

С ефрейтором и посыльным отправился на позиции. Пулеметный окоп выглядел ужасно. Попадание было случайным, однако менее ужасным это его не делало.

Оба номера расчета были разорваны в клочья. Наши усилия найти их жетоны не увенчались успехом. Я приказал положить погибших на плащ-палатки и отнести их в Шварценау. Требовалось сделать это быстро, потому что на правом фланге никого не оставалось. Однако я считал, что должен погибшим сослужить эту службу. Я думал о тех мертвых товарищах, оставшихся на открытом месте у имперской дороги, и тех, кто не смог отойти в Шварценау. Похоронить их было некому. Когда, где, кто и как их похоронит, теперь было неизвестно.

19.00. Противник открыл по Шварценау сильный огонь. В 20 часов он еще больше усилился, а через десять минут резко прекратился. Я с людьми рванулся в окопы. Это типичная ситуация перед атакой. Мы всматривались в темноту — ничего! Абсолютная тишина перед фронтом всего батальона.

Ночь прошла, «Иваны» оставили нас в покое. Над Марцхаузеном начал светлеть горизонт. Было относительно тихо, и я рискнул отправиться к командиру батальона. С собой я взял посыльного, другой остался на командном пункте. Ему я приказал выпустить белую ракету, если что-то произойдет. До КП батальона было недалеко. Мы прошли мимо домов Шварценау и по лощине и по руслу ручья пошли дальше на юго-запад.

Вдруг посыльный остановился:

— Там впереди лежит убитый!

Мы подошли. В траве лежал «великогерманский гренадер». Куда он был поражен, видно не было. Документов и нижней части жетона при нем не было. Значит, в его подразделении о нем знают.

На командном пункте я встретил капитана Тойзена, доложил

ему обстановку. Командир считал, что в ближайшее время нас сменят. Довести бы его слова до ушей господа!

Тем временем мой посыльный осмотрелся и уже пришел откуда-то с небольшой пачкой писем для роты. Было удивительно, что полевая почта еще продолжала работать.

8.15. Снова сижу в подвале на своем командном пункте. Шварценау и позиции роты обстреливают минометы. Пока светло, я на своих людей в окопах посмотреть не могу. Они сидят на дне своих ячеек и едва могут двигаться. Только с наступлением темноты, когда ослабеет вражеский огонь, можно будет передвигаться. Даже справлять естественные потребности в таких условиях — проблема.

Снова стемнело. Я обхожу позиции и с помощью посыльного раздаю скромный продовольственный рацион. Незадолго до полуночи по нашим позициям открывает огонь тяжелая артиллерия. Наш подвал содрогается, как при землетрясении. В подвале посыпались с полки стеклянные банки для варенья.

30 октября

По нашим позициям систематически долбит русская артиллерия. Дакен и Петерсталь тоже находятся под сильным обстрелом. Думаю, что это предвестник атаки.

Ночь прошла. На рассвете ожидавшейся атаки не последовало. Пять дворов Шварценау с 10.00 находятся под сильным обстрелом советской артиллерии, Если будет прямое попадание в наш дом, то нам конец. Перекрытие подвала слишком слабое.

Около полудня к нам приковылял один из моих солдат. Он ранен осколком в левое плечо. Кровотечения, к счастью, нет. Его перевязали и уложили в угол. Отправить его с передовой можно будет только ночью.

Огонь ослабел. Я поднимаюсь осматривать позиции.

Из Пройсишнассау послышался приближающийся шум мотора. Подъехал «Фольксваген» командира батальона. Водитель торопился и наступившей тишине не доверял. В спешке он выгрузил полевой термос с эрзац-кофе, ящик из-под боеприпасов, в котором лежали хлеб и колбаса, забрал раненого и тут же уехал.

Солдаты в окопах радовались горячему напитку, хотя, конечно, это был совсем не кофе. Однако за несколько дней впервые они получили что-то горячее.

1 ноября

Ночи стали заметно холоднее. Только что пришел с позиций

и попытался ненадолго уснуть. Как долго я спал — не знаю. Меня разбудил винтовочный огонь. Сразу же вскочил и пошел наверх. Вдруг все сразу стихло. Я устало опять спустился в подвал с надеждой, что в эту ночь больше не будет никаких сюрпризов. Снова шаги на лестнице. Я схватился за пистолет. В двери стояли два моих солдата. Один из них едва держался на ногах. Даже в слабом свете фонаря я видел рану на левой стороне его головы. Его трясло. Я встал и усадил его на свой стул.

— Что случилось?

Второй ответил:

— На нас напала штурмовая группа. Я как раз вылез из окопа, и тут атаковали русские. Они уже давно, наверное, лежали у наших траншей. Все было бесшумно. Его, — показал на своего товарища, — они ударили по голове и потащили с собой.

— А как оказалось, что он сейчас здесь?

— Дозорный слева от нас услышал шум и выстрелил в темноту. Наверное, он в кого-то попал, потому что раненый в возникшей суматохе смог вырваться и убежать.

Раненый сидел, дрожа, на стуле. Глаза его блестели, подбородок двигался. Он хотел говорить, но не мог выдавить из себя ни слова.

— Тревога! Обыщем поле.

Вчетвером мы прошли вдоль фронта роты — от ячейки к ячейке. Солдаты были встревожены стрельбой. Я внимательно рассмотрел ячейку, на которую было совершено нападение. На дне лежал шлем раненого. Он его снял, чтобы лучше слышать, и это едва не стоило ему жизни.

Осторожно мы проползли по предполагаемому пути отхода разведгруппы противника. Метров через пятьдесят я рассмотрел в темноте предмет, напоминающий лежащего человека. Держа пальцы на спусковых крючках, мы приблизились к нему. Осталась пара шагов — сомнений нет, кто-то лежит. Я приказал прикрыть меня со всех сторон и подошел к нему.

На земле лежал русский. Рядом с ним — автомат. Я перевернул его, он был мертв.

— Взять его, заберем с собой!

С большим трудом мы дотащили этого человека богатырского сложения вверх по склону до Шварценау. Под прикрытием стены обыскали его карманы. Нашли фото девушки и вырезки из газет с его именем и фотографиями. Я разобрал это, несмотря на кириллицу. На груди у него было много орденов, среди них — Красная Звезда. Наверное, был большой птицей в своем полку.

Вот этот советский человек откуда-то с Волги добрался до Восточной Пруссии (как мы до Сталинграда), и случайный

выстрел положил конец его карьере. «Берлина он уже не увидит», — пришло мне в голову. Я это не сказал и не испытал никакого удовлетворения от этой мысли.

Награды и документы убитого русского я упаковал в пакет и отправил с посыльным в батальон. Может быть, они заинтересуют начальника разведки дивизии.

Снова наступила тишина. Я попробовал уснуть.

2 ноября

Рано утром русские открыли сильный огонь по Шварценау. Я не стал отправлять посыльного с утренним донесением, чтобы не рисковать его жизнью. Даже в нашем подвале слышалось завывание снарядов залпового огня. На деревенской улице стоял адский грохот. Только к полудню удалось отправить посыльного в батальон.

Вечером получили официальную информацию от командира: «Рано утром нас сменят!» Я в это поверю только тогда, когда к нам подойдут сменяющие подразделения.

3 ноября

Почти полночь. Я вышел с посыльным, чтобы довести до своих людей эту радостную новость. Как только я вышел на улицу, послышался вой. Одним прыжком я и посыльный оказались в укрытии. Выло и грохало повсюду. Это были снаряды немецкой реактивной установки, где-то попавшей в руки русских.

Через пару минут в стрельбе наступил перерыв. Мы вышли на улицу. Несмотря на темноту, было видно, что крыша соседнего дома обвалилась. Я прошел от ячейки к ячейке и предупредил о смене. Реакция была различной. Некоторые не верили и говорили об этом открыто. В других это известие пробуждало желание жить дальше. Третьи были настолько апатичны, что мои слова не производили на них никакого впечатления.

3.00. На деревенской улице послышался шум. Я вышел из подвала и встретил офицера из 2-го разведывательного батальона «Герман Геринг». В двух словах я проинформировал его о положении и о переднем крае русских, насколько это было мне известно и было возможно в темноте.

Через десять минут пришла сменяющая рота. Она тоже не была полностью укомплектована, но численно намного превосходила мою выжженную ватагу.

Смену произвели быстро. Русские ничего не заметили. А мы налегке отправились в направлении КП батальона. Туда же подошли остатки других рот. После небольшого пешего марша мы встретили три грузовика, стоявшие у дороги. С радостью и

удивлением мы узнали, что нас довезут. Весь батальон уместился на трех средних грузовиках. Я оценил его численность в 60 человек. Теперь мне тоже стало ясно, почему нас сменили с фронта.

Мы погрузились, и поездка на открытых грузовиках по холодному ночному воздуху началась. Шварценау и дуга фронта у Дакена находились под огнем советской артиллерии.

Наверное, я на некоторое время уснул. Когда снова очнулся, мы проезжали через Гумбинен. Еще через семь километров наша поездка закончилась. Маленькая деревушка, где мы оказались, называлась Куббельн. Она находилась на дороге Гумбинен — Инстербург.

Роты разошлись по немногим имеющимся домам. По дому на роту! Как изменились времена! Я подумал о большом казарменном комплексе на территории рейха.

Мне срочно было необходимо хоть как-то помыться и побриться. Взгляд в зеркало в доме, где мы разместились, меня испугал. Я себя просто не узнал: грязного, бородатого, сонного.

Когда люди выспятся, потребуют есть. Я стал искать отвечающего за это главного фельдфебеля. В импровизированной «канцелярии» я встретил фельдфебеля. Я спросил про главного.

— Главный вместе с людьми из прежнего состава полка уехал в направлении Кёнигсберга. Однако приказ в отношении питания какой-то должен быть. Точно не знаю. Дела главного фельдфебеля принимаю я.

Я всего этого не понял и потребовал, чтобы до окончательного прояснения фельдфебель действовал за главного.

Я осмотрелся в деревне. Из «старых» парашютистов я встретил лишь немногих.

Надо было принимать какое-то решение. Я взялся за полевой телефон и позвонил в штаб дивизии. После нескольких неудачных попыток на проводе оказался какой-то старший лейтенант (наверное, офицер для поручений). Из разговора я понял, что отход десантников осуществлен не по приказу штаба дивизии. Мой собеседник потребовал от меня командовать остатками батальона до тех пор, пока не прибудет новый командир.

Я был несколько шокирован услышанным, но сохранил эти новости при себе.

4 ноября

Я вышел из дверей моей квартиры, как раз когда к ней подъехал «Фольксваген». Из него вышел майор.

— Я ищу лейтенанта Цвибеля.

— Это я, господин майор.

— Я новый командир батальона, моя фамилия — Арнольд. Идемте в «канцелярию» вашей роты, чтобы обсудить обстановку.

Я посторонился и пригласил майора пройти. Мы сели, и майор Арнольд сразу же приступил к делу:

— Лейтенант Кноблаух, с этого момента я назначаю вас своим адъютантом [4]. Наша задача заключается в переформировании батальона. В дивизии пообещали, что пополнение из офицеров и солдат прибудет уже сегодня вечером. Об оснащении транспортными средствами и вооружении поговорим позже. Есть вопросы?

— Вопросов нет, господин майор. Но хочу предупредить, что я никогда не был адъютантом и у меня нет соответствующей подготовки.

— Это ничего не значит, мой дорогой! Здоровое понимание людей и твердая воля важнее!

В этом я был не уверен и молча принял слова майора к сведению.

Командир поднялся и пригласил меня идти за ним:

— Подыщем место для штаба!

Ко второй половине дня «штаб-квартира» была оборудована настолько, что смогла приступить к работе.

Я зашел к командиру:

— Господин майор, будут ли приказания? Первые пятьдесят человек пополнения прибыли!

— Нет, у меня не будет никаких приказаний. Действуйте самостоятельно. И в будущем тоже. Мы — батальон штаба дивизии, ваши полномочия как адъютанта — широчайшие. Пользуйтесь этим!

Я принял это к сведению и пошел.

«Дивизионный батальон» и «широкие полномочия», командир, не отдающий никаких приказов, — все это было для меня новинкой.

Я сел в своем «кабинете», взял стопку машинописной бумаги и разработал организацию батальона. Официальные бумаги обещал и прислать завтра утром. Но так долго я ждать не мог.

Еще до полуночи я распределил всех вновь прибывших по должностям. Командиров взводов и отделений приходилось «вытряхивать из рукава».

5 ноября

Я отправился в штаб дивизии и наконец получил подписанные документы, штатное расписание и т.д. С некоторой хитростью я приступил к работе.

Прибыло первое офицерское пополнение. Это были в основном офицеры с непехотной специальностью. Я был озадачен.

Вспоминая то время, могу сказать, что унтер-офицеры на должностях главных фельдфебелей вполне соответствовали своим должностям, батальонный писарь тоже был подобран дельный.

Во второй половине дня распределили еще 100 человек пополнения. После этого я отправился к командиру и доложил о положении дел.

Майор Арнольд удовлетворенно кивнул, но никаких вопросов не задал. Строевые записки и требования на вооружения и боевую технику он подписал не глядя.

Только сейчас стало известно, что с позавчерашнего дня шли бои за Гольдап, его оставили, а сегодня опять отбили. Там воевали 5-я танковая дивизия, 50-я пехотная дивизия и части «Великой Германии».

6 ноября

Численность батальона составляет 400 человек. Наряду со штатным расписанием рот я составил план боевой подготовки. Командир одобрил все без комментариев.

8 ноября

По радио объявили о применении ракет V2 против Южной Англии.

Вечером меня вызвал командир:

— Господин Кноблаух, завтра — 9 ноября. Вы уже знаете. «Сверху» приказали, чтобы этот день в тыловых частях был отмечен соответствующим образом. Займитесь этим, пожалуйста, а то мне нездоровится.

У меня отнялся язык. Я же не какой-нибудь митингующий партиец!

Потом, немного подумав, вызвал к себе командиров рот.

— Господа, командир приказал мне сказать пару слов по случаю 9 ноября. Батальон для этой цели будет построен завтра в 10 часов перед зданием штаба. Мы отправимся на луг на южной окраине деревни. Перед открытым строем рот я скажу то, что надо сказать. У вас есть вопросы?

Вопросов не было. Я посмотрел на удивленные лица.

9 ноября

Батальон построился. Командир продолжал болеть. Я принял рапорт от командира 3-й роты и дал приказ идти маршем к поляне на окраине деревни.

10.30. Батальон стоит передо мной. Я сделал несколько шагов вперед. Люди смотрели на меня с большим или меньшим безразличием. Однако офицеры с некоторым напряжением ожидали, что я скажу в это тяжелое время по поводу специфического национал-социалистического праздника. Я был уверен, что моя речь должна быть политически выдержанной.

— Товарищи, посмотрим в этот день на тяжелое положение нашей Родины. Подумаем о том, что Красная Армия здесь, в Восточной Пруссии, впервые ступила на землю германского рейха. Не забывайте, что значит для населения оказаться в руках русских. События Неммерсдорфа и Шульценвальде произошли всего лишь пару недель назад. Каждый знает, что там случилось. Не только солдатский но и моральный долг каждого из нас здесь, на границе германского рейха, отдать все силы на то, чтобы остановить натиск советских войск. Фузилеры! Я могу сказать из собственного опыта, что эту задачу мы сможем выполнить, только если будем держаться вместе и каждый сможет положиться один на другого. Мы должны позаботиться о том, чтобы за короткое время наш батальон стал единой боевой единицей. Мы сохраняем традиции славного 1-го парашютно-десантного батальона 16-го парашютно-десантного полка. Той части, которая еще несколько дней назад дралась с врагом. Мы должны быть достойными этой традиции. Приступим к работе. Выполним свой долг!

После этих слов я почувствовал облегчение и приказал возвращаться в расположение. Роты возвращались в Куббайн с песнями. Восточный ветер доносил гром артиллерийской канонады близкого фронта. Я разыскал командира и доложил содержание приказа на 9 ноября. Он кивнул. И больше ничего — никаких вопросов!

11 ноября

Прибыло пополнение. Численность батальона возросла до 500 человек. Систематическая пехотная подготовка стала большой проблемой. Квалифицированных инструкторов не было. На первый план выступали стрельбы и учения в составе подразделений. Однако об учениях в составе взводов и рот еще долго нельзя было и думать. У меня было такое впечатление, что командир совершенно не принимает к сведению существование этой проблемы. Было совершенно ясно, что в пехоте он совершенно не разбирается. Конечно, у него есть заслуги, но на этой должности он просто пустое место.

14 ноября

Командир все еще болеет. Он отказывается даже отвечать на

телефонные звонки. Я с трудом ограждал его от повторяющихся вопросов к нему со стороны командира дивизии. Вечером канонада в стороне Гольдапа усилилась.

Несколько дней меня донимали сильные боли в области левой глазницы. Наверное, мелкие осколки, которые я носил в голове со времени ранения в сентябре 1943 года, надавили на какой-то нерв.

Доктор Науман 15 ноября отправил меня в Инстербург к врачу-специалисту. Без результата на следующий день я возвратился обратно. Осмотр в госпитале не дал ничего нового. По-видимому, за последние недели я подвергся большой физической и психической нагрузке.

Батальон постепенно перебрасывается на фронт. Уже завтра нам предстоит занять отсечные позиции на дороге Шульценвальде — Эггенхоф. Задачи ротам уже поставлены. Соприкосновения с противником у нас здесь не будет, и я обрадовался, что у нас еще будет немного времени, чтобы заняться боевой подготовкой.

17 ноября

Рано утром батальон пешим маршем покинул Куббайн, а во второй половине дня занял позиции восточнее Бисмаркскхё.

На вездеходе-«Фольксвагене» я выехал вперед и оборудовал командный пункт восточнее Бисмарк-Турм. Установили связь со штабом дивизии.

Пока еще было светло, я проверил, как роты разместились в блиндажах. Командир забрался в свою каморку за моим «служебным кабинетом».

18 ноября

В 10.00 ко мне в комнату влетел батальонный писарь:

— Господин лейтенант! Там на улице — генерал!

В дверях стоял генерал-майор Шмальц, командир парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг». В какой-то момент я заметил «Дубовые листья» у него на шее.

К докладу я был совершенно не готов. Генерал быстро подошел ко мне:

— Вы адъютант?

— Так точно, господин генерал!

— Где ваш командир?

— Командир лежит в постели. Он болен.

— Идите к нему и скажите, что я хочу с ним сейчас же поговорить! Вы поняли? Немедленно!

Я зашел в соседнее помещение:

— Господин майор, командир корпуса желает с вами немедленно поговорить!

Пока майор приходил в себя, командир корпуса зашел уже в комнату и обратился ко мне:

— Лейтенант, оставьте нас вдвоем!

Дверь закрылась. Я немного отошел назад. Из-за нее до меня доносились обрывки разговора. Голос командира корпуса становился все громче, потом вдруг оборвался. Дверь распахнулась, генерал Шмальц быстрыми шагами молча прошел мимо меня. Ушел он также быстро, как и пришел.

Командир вызвал меня к себе.

— Господин Кноблаух! Состояние моего здоровья оставляет желать лучшего. Генерал считает, что я немедленно должен отправляться в госпиталь. Прикажите упаковать мои личные вещи и закажите водителя на 11.00.

Водитель подал машину точно к указанному сроку. Майор Арнольд попрощался со мной, сел в вездеход и уехал.

Чуть позже мне позвонил офицер для поручений из дивизии:

— Лейтенант Кноблаух, сообщаю вам, что командование фузилерным батальоном сегодня же примет капитан Вольф из 4-го полка.

Я принял это к сведению.

Из машины вышел капитан и решительными шагами направился ко мне:

— Вы, я точно знаю, адъютант. Я — капитан Вольф, с этого момента — командир батальона. Думаю, что вас проинформировали из дивизии. Пройдемте в помещение!

Капитан Вольф совершенно не был начальником, у которого «не было приказов», как у его предшественника. На вид ему было 34 года, он относился к массивному, динамичному типу людей. Он сразу же перешел к делу:

— Господин лейтенант, представьте мне побыстрее документы об укомплектованности личным составом, офицерским составом, вооружением и автотранспортом. Конский состав, как я понимаю, у нас тоже есть.

— Так точно, лошади в батальоне тоже есть. Солдаты и без того уже говорят о парашютно-гужевом корпусе!

Капитан Вольф пошел располагаться. Мне бросилось в глаза, что у него необычно мало вещей.

20 ноября

Я пришел на доклад с входящими документами. Капитан Вольф хотя и был «только» командиром батальона, но на практике по харизме своей личности он для всех нас почти

«командующий».

Я положил перед ним письмо из дивизии, требовавшее назначить в батальоне офицеров национал-социалистического руководства.

Капитан Вольф внимательно ознакомился с содержанием, а потом обратился ко мне:

— Я вчера посмотрел лист назначения офицеров, а потом сходил в роты, чтобы познакомиться с людьми. Обер-фенриха Элена срочно перевести в штаб в качестве офицера для поручений. Доложите в дивизию о том, что он одновременно назначается офицером национал-социалистического руководства. То, что происходит на этом поле, буду решать я сам. Я Элену лично скажу, где его деятельность начинается, а где заканчивается!

Это было очень ясное решение!

Остается только добавить, что Элен так никогда и не работал в качестве офицера национал-социалистического руководства. И у меня сложилось впечатление, что он совершенно не интересовался обязанностями по этой должности.

Со вчерашнего дня резко похолодало. Началась зима.

21 ноября

Идет сильный дождь. Местность вне дорог стала непроходимой. Во второй половине дня к нам прибыл командир корпуса. Очевидно, он хотел узнать, как изменилась обстановка в батальоне после смены командира.

22 ноября

Поступила почта с выпиской из приказа о присвоении мне следующего звания «старший лейтенант». Я подготовил вместе с ним остальные документы и представил их командиру. Через пару минут капитан Вольф зашел в мою комнату:

— Лейтенант Кноблаух, разбирая почту, вы, конечно же, заметили, что получили повышение. Но порядок есть порядок, и я формально объявляю вам о производстве в старшие лейтенанты. Поздравляю!

— Благодарю, господин капитан!

Во второй половине дня к нам приехал полковник Зёт, офицер сухопутных войск при штабе 2-й дивизии.

Посещения не прекращались. 23 ноября к нам в гости приехал командир 4-го полка подполковник Клюге. От капитана Вольфа я знал, что командир полка в 1943 году получил Рыцарский крест. Во время оккупации Норвегии в апреле 1940 года он стал известен как командир «отряда Клюге». Я вскоре

заметил, что мой командир и подполковник — старые знакомые.

Капитан Вольф вдруг без предупреждения поставил на стол бутылку красного вина:

— Господин подполковник, мой адъютант вчера получил звание старшего лейтенанта. С вашего разрешения по этому поводу я хотел бы налить этого вина!

— Ну, наливайте! — Подполковник встал, пожал мне руку и поздравил.

От первой бутылки «Бужоле» ничего не осталось. Когда третья подходила к концу, мы уже были хороши.

Подполковник Клюге разговорился в хорошем настроении:

— Господин Кноблаух, вы даже не подозреваете, какими качествами обладает ваш командир. Я считаю его гениальным декламатором. Это надо слышать, как он без текста читает из «Фауста»! Господин Вольф! Доставьте нам, пожалуйста, такое удовольствие!

Командир сначала не соглашался, но потом сдался, и мы услышали:

— «Опять ты здесь, неясный призрак…»

От «Пролога» он перешел к «Прологу на небесах» и к «Трагедии первой части». Он читал все дальше. Пить мы перестали. Когда капитан Вольф прервал чтение, подполковник схватился за стакан:

— Господин Вольф, мы благодарим вас! И опять это было великолепно!

Я находился под впечатлением. Такой декламации наизусть я еще не слышал.

Батальонные адъютанты и командиры рот, как обычно, были привлечены на дивизионные командно-штабные учения. На ящике с песком разыгрывали «широкомасштабные боевые действия». Речь шла о том, чтобы уберечь войска на главной линии обороны от первого огневого удара и сократить тем самым потери.

Подразделения, за редким исключением, незадолго до ожидаемой атаки отводились на вторую линию обороны, а после прекращения артиллерийской подготовки противника переходили в контратаку, чтобы снова захватить первую линию.

Идея была хорошая. Основная трудность заключалась в только что сформированных подразделениях. У них не было привычки и фронтового опыта, которые в такой обстановке играют главную роль.

25 ноября

Во время обеда на КП пришел батальонный посыльный:

— Господин старший лейтенант, на улице стоит гражданский со своим сыном. Он хочет поговорить с офицером.

Я вышел. Передо мной стоял мужчина со своим сыном лет двенадцати.

— Что я могу для вас сделать?

Мужчина изложил свою просьбу на восточно-прусском диалекте:

— Господин обер-лейтенант, могли бы ваши солдаты мне помочь выкопать мою жену, чтобы похоронить ее по-человечески? Ее убили русские и закопали позади нашего дома. Я хочу отвезти ее на тележке в Шульценвальде, чтобы она ушла под землю как подобает!

Я сухо сглотнул от волнения. Мальчик, стоявший с отцом, был бледен и не проявлял никаких чувств.

Я дал мужчине двух солдат. Он поблагодарил, коснулся пальцем края потертой кепки и пошел.

Теперь посетитель ко мне! Мой посыльный из прежней 2-й роты 16-го парашютно-десантного полка обер-ефрейтор Мюнекхоф вдруг оказался у дверей:

— Я здесь случайно проходил, господин старший лейтенант, и подумал, что должен вам сказать: «Добрый день»!

Я счел это замечательным и по-настоящему обрадовался этому визиту. Если бы у 2-й роты осталось от меня плохое впечатление, то едва ли Мюнекхоф пришел бы поздороваться.

1 декабря

Началась настоящая зима. Идет снег. Три года назад умер мой отец. Я думаю, что он от многого уберегся.

Командир уехал в дивизию. Речь идет о получении тяжелого вооружения. У нас оружия все еще не хватает. У меня опять начались боли в левой глазнице. Доктор Науман счел, что требуется осмотр в специализированной больнице. Командир, которому я об этом доложил, согласился отправить меня в госпиталь.

2—7 декабря

Осмотры в больницах Тайпау и Кёнигсберга не дали ничего нового. Разочарованный, я возвратился обратно в часть.

8 декабря

На 10.00 назначено совещание с командирами рот. Командир изложил свой личный взгляд на «общий боевой порядок». День прошел в написании писем родственникам погибших в последних боях.

10 декабря

Воскресенье. Командир удалился, сказав, что полчаса хочет побыть один. Этот короткий промежуток времени он использовал для того, чтобы в спокойной обстановке выпить чашку чая. Для этого «культового» действа у него были подготовлены чистая салфетка и китайская чайная чашка. После такого «внутреннего сосредоточения» капитан Вольф снова поднялся и со свойственной ему динамичностью принялся решать поставленные перед ним задачи.

Штабной работы становилось все больше. До сих пор я думал, что для такого рода деятельности не гожусь, но оказалось, что это не так.

13 декабря

За участие в боях между Гумбиненом и Гольдапом был вручен «Знак люфтваффе за участие в наземном бою». Он соответствовал «Штурмовому знаку пехоты».

16 декабря

Вчера рано утром наши позиции были атакованы штурмовиками противника. Потерь у нас не было, но можно было утверждать, что наша вторая линия обороны (позиция «Нельке») известна советским войскам.

Из дивизии прибыл приказ о принятии позиций на первой линии обороны восточнее Гирнена. Роты готовы к маршу. Завтра рано утром мы произведем смену позиций.

17 декабря

3.00. Растянувшись в длинную колонну, роты идут через Брауэрсдорф и Альт-Вустервиц в Гирнен. Командир со штабом выехал вперед.

Блиндаж командного пункта находится в 500 метрах северо-восточнее Гирнена на обратном склоне высоты. Командиры беседуют. Ночь прошла относительно спокойно. Лишь время от времени слышались отдельные выстрелы. Над Брюкенталем висели ракеты.

5.10. Прибыла головная рота. Повзводно начали смену и прием позиций. Надеемся, что русские ничего не заметят и будут вести себя тихо. Позиции проходили в 400—900 м от КП батальона фронтом на проходящую через местечко Брюкенталь с юго-востока на северо-запад имперскую дорогу № 132.

Смененная часть попыталась как можно быстрее покинуть передний край. Была установлена телефонная связь со штабом

дивизии. Радиосвязи не было. Я задавался вопросом, что мы будем делать, когда после первого артналета проводная связь будет порвана.

18 декабря

Еще до рассвета связисты проверили состояние провода.

11.10. Прибыл посыльный из 2-й роты. В роте потери — два человека убиты снайпером.

Командир выслушал сообщение и обратился ко мне:

— Напишите приказ по батальону о проблеме со снайперами. Потерь из-за легкомыслия или неопытности у нас быть не должно!

С наступлением темноты убитые из расположения роты были доставлены в тыл к командному пункту батальона. Фельдфебель роты обеспечения заберет их после того, как доставит на передовую боеприпасы, продовольствие и почту.

По радио я услышал удивительную новость: «16 декабря в 5.30 на широком фронте с Западного вала после короткой, но мощной артиллерийской подготовки немецкие войска перешли в наступление и прорвали передовые позиции американских войск между Хоен Венн и Северным Люксембургом. Наступление продолжается под прикрытием крупных сил авиации…»

Я уже думал, что мы не способны на такие мощные удары. Неужели мы сильнее, чем казалось до сих пор?

19 декабря

Сегодня утром в 3-й роте погиб солдат от пулевого ранения в голову. Капитан Вольф был вне себя от ярости и вызвал к себе командиров рот.

20 декабря

Я приехал из 4-го полка. Водитель как раз успел поставить свой вездеход в окоп, когда русские начали тяжелой артиллерией обстреливать наш командный пункт. Я спрыгнул в укрытие. После того как я поднялся, отряхнулся от комьев земли и хотел уже доложить о прибытии, услышал, что командир сказал начальнику связи:

— Группа армий «Центр» была бы разгромлена и в том случае, если бы не было 20 июля!

Я был удивлен. О 20 июля, его причинах и последствиях в штабе до сих пор ничего не говорили. Слишком мало друг друга знали.

Начальник связи вышел с командного пункта и отправился на позиции. Капитан Вольф посмотрел на меня. Я чувствовал, что он

ждет от меня высказывания по поводу только что услышанных мною слов.

— Господин капитан, я считаю, что у нас слишком мало информации, чтобы прийти к соответствующему выводу. Для себя лично я этим и ограничиваюсь. И все же меня в этом беспокоит тот факт, что военные из старых прусских фамилий нарушили присягу. Предки Трескова, Штюльпнагеля и всех остальных служили еще Фридриху Великому. Я не могу припомнить, чтобы из них кто-нибудь когда-нибудь нарушил присягу. Они служили, как могли, и ради своего короля шли на смерть!

— Господин Кноблаух, как бы мы ни оценивали мотивы покушения, одно все же неоспоримо: прусский король и фюрер — несопоставимые величины. Прусские офицеры считают себя личными распорядителями своего господина. Они чувствуют себя представителями своего короля независимо от времени и места. Дело их короля было их делом, и наоборот. Это касалось и молодого лейтенанта, и фельдмаршала в равной мере. Но фюрер не является представителем офицерского корпуса. Офицерский корпус, за некоторыми исключениями, считает себя обязанным рейху. Осмелюсь сказать, что принесенные до сих пор огромные жертвы были принесены не ради фюрера, а ради существования рейха. Это относится и к последующим месяцам. Рейх, господин Кноблаух, является нашей величиной, а не что другое! И еще одно я вижу: в королевстве Пруссия офицер был первым человеком в государстве, а в сегодняшнем — партиец. Это сместило качество связи с главой государства и не в последнюю очередь оказало влияние на качество клятвы. Делать нам нечего, русские здесь в Восточной Пруссии через пару недель дадут нам последний бой. И мы его примем, несмотря на то, что большинство из нас не выживет. И наши действия определяются не присягой, которой мы обязаны Гитлеру. Мы будем стоять здесь, в Восточной Пруссии, и, наверное, погибнем, потому что попытаемся защитить рейх и его население от русских, выполняя последний солдатский долг. Это не вопрос присяги, а исключительно вопрос самоуважения. И последнее: мне все равно, чем руководствовался Штауфенберг, когда шел на покушение. Но меня сильно задевает то, что он пожертвовал жизнью своих товарищей-офицеров, а сам ушел. Это все равно, как если бы лейтенант Шнайдер, чтобы отключить меня, сделает это ценой вашей смерти. Вы считаете это возможным?

— Нет, господин капитан. В отношении личности лейтенанта Шнайдера — нет. Но с 20 июля происходят события, которые раньше невозможно было себе представить. У меня такое впечатление, что прусский офицерский корпус получил тяжелый

удар, быть может, смертельный. Будущее это покажет.

— Быть может, вы и правы. Закончим эту тему и будем вести себя так, как будто этого разговора не было.

— А ничего и не было, господин капитан!

Я приступил к своей бумажной работе. Поступили ежедневные донесения от рот. Разговор с командиром батальона настроил меня на размышления. И я не мог освободиться от своих мыслей.

21 декабря

Сегодня перед нашими позициями действовал разведдозор 3-й роты. Удивительно, что в дозор не пришлось назначать в приказном порядке. Все еще есть добровольцы для таких дел. И причина этого совершенно не заключается в том, что весь парашютно-танковый корпус состоит из имперских немцев-добровольцев.

24 декабря

Рождество. С наступлением темноты я пошел на передовую к людям. Над Брюкенталем и Гусаренбергом висят осветительные ракеты. Мягкий свет лежит на покрытой снегом земле. У солдат настроение хорошее. Незадолго до полуночи я снова вернулся на командный пункт.

25 декабря

Старший лейтенант Кальф, командир 3-й роты, пригласил меня на чашку кофе. Откуда ему удалось достать кофе в зернах — неизвестно. Я постеснялся даже об этом спросить.

26 декабря

3.00. Я в окопах 2-й роты. Группа под командованием фельдфебеля приготовилась сделать вылазку, чтобы взорвать дом, стоящий в 200 метрах перед нашими позициями. Каждую ночь его занимают русские. Соседи проинформированы. Сейчас 3.15. Солдаты ударной группы проползают под колючей проволокой. 3.45. Мы вслушиваемся в ночь. Надеюсь, что противника этой ночью в доме нет. Столкновение с русскими повлечет потери.

3.55. Грохот разорвал ночную тишину. С русских позиций запустили осветительные ракеты. Застрочили пулеметы. Через десять минут перед нашими позициями возникло движение. Ударный отряд возвратился. Фельдфебель доложил:

— Дом взорван, один человек ранен.

Ранение, к счастью, оказалось легким.

27 декабря

Сильная метель. Солдаты сидят в окопах, которые снег заносит до самых краев. Я забочусь о том, чтобы ежедневно на передовой был горячий напиток.

29 декабря

Штаб дивизии поддерживает контакт со своим основным батальоном. У нас побывал капитан Трюкенмюллер, очевидно, по заданию начальника оперативного отдела.

30 декабря

Деятельность советских войск перед нашими позициями указывает на подготовку к наступлению. Вопрос заключается в том, будет ли это местное ограниченное наступление или мощное наступление, в результате которого противник попытается прорваться на территорию рейха. Командир дивизии приказал усилить инженерное оборудование позиций. Но мороз не дает вести никакие шанцевые работы. Углублять окопы взрывами нецелесообразно.

31 декабря

00 часов. У капитана Вольфа день рождения. Из глубин своего чемодана он извлек бутылку «Арманьяка». Все присутствовавшие получили по глотку из бутылки. В полумраке я увидел офицера для поручений, связистов, батальонных посыльных и офицера связи.

1945 год

1 января

Около 1.00 закончил доклад о состоянии строительства позиций, который необходимо утром отправить в штаб дивизии. Прежде чем лечь спать, я вышел на воздух. Шел снег. В течение всего дня по позициям батальона велся сильный минометный огонь. Большую активность проявляли снайперы. После наступления темноты русские оставили нас немного в покое.

2 января

Пожар в моем блиндаже. Раскаленная металлическая печка подожгла одеяло. С большим трудом удалось погасить огонь. Начавшаяся во второй половине дня метель усилилась до такой степени, что видимость сократилась до 30 метров.

В 23.10 начался минометный обстрел 2-й роты. Я вышел и всмотрелся в темноту. Снова все стихло.

23.15. Звонок из 2-й роты:

— Отразили нападение разведывательной или ударной группы. Потерь нет.

Эта разведывательная активность русских свидетельствует о предстоящем наступлении. Командование батальона задается вопросом, как молодые солдаты будут держаться при нагрузках крупного сражения. Для многих это будет первый серьезный бой.

3 января

Русская артиллерия обстреливает наши позиции. Очевидно, положение командного пункта батальона раскрыто. Тяжелые снаряды падают поблизости от нашего блиндажа. Сквозь бревна наката сыплется песок.

Командир приказал усилить ночные патрули в траншеях и стал проводить все ночи в проверках. Чтобы избежать неожиданностей, мы выслали разведывательные дозоры перед фронтом. При этом речь шла не о разведке позиций противника, а о контроле собственного предполья.

4 января

4.15. Раздался топот посыльного.

— Донесение из 3-й роты. Русские час назад захватили наш траншейный патруль. Фенрих и ефрейтор, очевидно, попали в плен. Выстрелов не было. Мы заметили их пропажу, только когда их должен был сменить другой патруль.

— Что было предпринято?

— Командир роты с группой вышел на нейтральную полосу. Были видны следы. Обоих тащили по снегу. На краю окопа были видны также капли крови. В 50 метрах от наших позиций лежал автомат фенриха.

Я пошел к командиру, который только что прилег. Мне пришлось его разбудить:

— Господин капитан, «Иваны» побывали в окопах 3-й роты и захватили траншейный патруль.

Капитан Вольф схватил свой автомат, взял шапку и, выходя, сказал мне:

— Я хочу все посмотреть сам!

Вместе с посыльным из 3-й роты он исчез в темноте. Около 6.00 он вернулся. Ничего нового обнаружить не удалось.

Вечером доктор Науман пригласил меня на стаканчик вина. Так оно и было, несмотря на нападения «Иванов». Тяготы последних недель меня все же сильно потрепали. От недосыпания я просто валился с ног.

6 января

Сейчас 3.00. Капитан Вольф в окопах на переднем крае. Разведгруппа 2-й роты сегодня ночью должна снять русские посты, охраняющие позиции на выступе. Я сижу на командном пункте поблизости от телефона.

3.50. Мое внутреннее беспокойство гонит меня наружу. Всматриваюсь в темноту. Сейчас ударная группа должна быть как раз у противника. Все спокойно. Слышны лишь отдельные выстрелы. Примечательная тишина. Только бы парни не попали в ловушку!

4.40. Командир вернулся. Я вопросительно посмотрел на него. Он поставил свой автомат в угол и начал рассказывать:

— Представьте себе, Триппенс со своими парнями спрыгивает в окопы, а «Иванов» там нет!

— А что потом сделал фельдфебель Триппенс?

— Единственно правильное в этой дурацкой ситуации — бесшумно возвратился назад!

Командир отправился спать. Остаток ночи у телефона провел я.

8 января

Совершенно неожиданно сегодня утром у нас оказался командир корпуса. Он заслушал доклад капитана Вольфа о действиях батальона, а потом задал мне один из своих пресловутых проверочных вопросов:

— В районе Гирнена пару суток на позициях находится 20-мм зенитка. Покажите мне на карте, где она располагается!

Я знал лишь приблизительно, где она стоит, и был не в состоянии правильно ответить. Генерал, естественно, сразу заметил, что я не вполне знаком с обстановкой, и спросил командира:

— Капитан Вольф, вы, конечно же, знаете, где находится зенитка?

Да, капитан Вольф знал. Он гораздо чаще меня бывал на позициях. Генерал поморщился и снова обратился к командиру:

— Вольф, я ожидал, что вы все знаете, но ваш адъютант не имеет никакого понятия!

Генерал взял свою белую меховую шапку, попрощался и вышел. Мы озадаченно посмотрели друг на друга.

10 января

Вчера я работал в роте снабжения. Использовал возможность, чтобы собственными глазами посмотреть на позиции зенитной артиллерии, доставлявшие столько радости генералу.

Из 3-й роты доложили о трех убитых снайпером.

14.00. Совещание с командирами рот. Командир сразу же перешел к делу:

— Слишком участились потери от снайперов. Сегодня утроим — снова двое убитых. Это говорит о том, что люди все еще беспечно передвигаются по позициям. Объясните им, что легкомыслие и храбрость не одно и то же! От командира роты снабжения я хотел бы знать, как выполняется приказ командира дивизии относительно захоронения убитых на солдатском кладбище в Гумбинене.

Капитан Клингбайль доложил:

— В приказе по дивизии говорится, что обувь, обмундирование и маскировочные куртки павших должны быть с них сняты. Хоронить погибших приказано в саванах, которые должны поступить со складов дивизии…

Командир прервал:

— Что значит «должны поступить»? Если я правильно вас понял, господин Клингбайль, эти саваны еще не поступили. Как хоронили погибших за последние дни?

Я заметил, что капитан Клингбайль нервничает:

— Господин капитан, саваны действительно еще не поступили. Поэтому у меня была возможность выполнять только первую часть приказа командира дивизии. Я приказывал раздевать убитых…

Командира охватило заметное раздражение, и он снова прервал говорившего:

— Но вы же, наверное, не приказывали хоронить их голыми?

— Нет, господин капитан. Я приказывал их заворачивать в солому, так сказать, в соломенный матрас. У похоронной команды в Гумбинене это не вызывало протестов.

Волна недовольства прокатилась среди присутствовавших. Командир 3-й роты старший лейтенант Кальф не сдержался:

— Это просто свинство!

Вмешался капитан Вольф, тоже внутренне напряженный:

— Господин Кальф, на самом деле я тоже придерживаюсь вашего мнения. Но я считаю, что вы все же впредь будете выбирать выражения! Хотя лично мне будет совершенно все равно, когда я однажды завернутый в солому отправлюсь в Гумбинен, я приказываю, чтобы наших убитых хоронили в их обмундировании. До тех пор, пока из дивизии к нам не поступят саваны!

12 января

Все роты одновременно доложили о движении войск на русских позициях. В 14.30 русские артиллерийскими снарядами

поставили дымовую завесу. Мы ждали большого наступления советских войск. Батальон был приведен в состояние полной боевой готовности.

СПИСОК ОФИЦЕРОВ 2-ГО ПАРАШЮТНО-ДЕСАНТНОГО ПАНЦЕРФУЗИЛЕРНОГО БАТАЛЬОНА ДИВИЗИИ «ГЕРМАН ГЕРИНГ»

Командир — капитан Вольф — ранен 25.01.1945

Адъютант — старший лейтенант Кноблаух — ранен 25.01.1945

Начальник связи — лейтенант Шнайдер — пропал без вести 25.01.1945

Офицер для поручений — лейтенант Кюхель — пропал без вести в январе — феврале 1945

Батальонный врач — капитан Науман — пропал без вести

Командир 1-й роты — капитан Пройс — погиб 19.01.1945

Командир 2-й роты — лейтенант Рапп — пропал без вести в январе — феврале 1945

Командир 3-й роты — старший лейтенант Кальф — пропал без вести

Командир 4-й роты обер-фенрих Штагун — пропал без вести

Командир 5-й роты (снабжения) капитан Клингбайль — пропал без вести в феврале 1945

Зимнее советское наступление и гибель 2-го парашютно-десантного панцерфузилерного батальона дивизии «Герман Геринг»

13 января

Разрывающий уши грохот и треск разбудили меня от полусна. Я глянул на часы: 7.01! Осторожно поднялся по лестнице из блиндажа. Шел снег. Я почувствовал, как меня охватил холод.

Артиллерийский огонь слева от нас усилился. Потом он стал медленно перемещаться и на наши позиции. Я спрыгнул обратно в блиндаж, чтобы опросить роты по телефону. Связь была порвана. Капитан Вольф вышел в траншею и наблюдал в бинокль за нашими позициями западнее Брюкенталя. Пока огонь такой интенсивный, управлять батальоном невозможно. Радиосвязи у нас не было. В середине дня огонь немного стих. Связисты приступили к восстановлению порванных линий. Потери держались еще в границах.

14 января

С рассветом русские штурмовики начали с бреющего полета атаковать наши позиции. По левому флангу батальона вела огонь тяжелая артиллерия. Время тянулось медленно. Меня угнетало то, что наша тяжелая рота не была укомплектована. Боеготовым был только минометный взвод.

Перед фронтом 1-й роты — в 600 метрах южнее Гусаренберга — наши штурмовые орудия подбили четыре «Т-34». Черный дым лежал над полем боя. Юго-восточнее нас, перед Петерсталем, немецкая пехота пошла в контратаку.

Уже сейчас выяснилось, что это советское наступление имеет истощающий характер. Но нам истощаться дальше некуда. Мы должны импровизировать. Перед началом наступления — 11 января севернее Гирнена — мы по дороге трактором таскали туда-сюда сельскохозяйственные машины — сеялки и бороны, чтобы сымитировать шум танковых гусениц. Со смеху можно умереть!

15 января

Началось наступление и на нашем участке. Командный пункт батальона находился под сосредоточенным огнем советской

артиллерии. С потолка сыпался песок.

На командный пункт пришел посыльный из 3-й роты. За рукав он тащил русского.

В том, что мы услышали, радостного было мало. Русские засели в окопах роты. Старший лейтенант Кальф как раз начал организовывать контратаку. Потери увеличились.

Пленный испуганно осматривался. Я предложил ему сесть на ящик из-под патронов. Он дрожал от страха. Наверное, он боится, что его застрелят, как это делается там у них.

Принесли раненого. У него сильное кровотечение из бедра. Я заметил, как забеспокоился «Иван». Он полез в нагрудный карман, достал потрепанное портмоне, открыл его и показал фотографии. В центре был он с многочисленной семьей. Жестами он показывал, что мы должны сохранить его для его семьи.

Командир сказал ему:

— Парень, ты, видно, до сих пор не понял, что германцы не расстреливают пленных? Лучше подумай о том, чтобы потом не попасться твоему комиссару!

«Иван» ничего не понял, но стал спокойнее. Или все-таки понял? С наступлением темноты его отправили в тыл.

Капитан Вольф сказал мне:

— Поскольку у нас нет резервов, батальону придется завтра утром атаковать с места, чтобы снова занять первую линию обороны. Поддержки тяжелого вооружения у нас нет. Я буду при 2-й роте. Атака начнется в 4.30. Позаботьтесь, чтобы все роты были об этом проинформированы. Если я выйду из строя, командовать батальоном будете вы до тех пор, пока в штабе дивизии не примут другого решения.

Я сел в углу и написал приказ по батальону.

Незадолго до 20.00 посыльные отправились в роты. У них был ясный приказ: по выполнении задания вернуться ко мне. Я должен был убедиться, что командиры рот получили приказ.

Линия фронта была освещена неясным светом. Над полем боя висели осветительные ракеты. В разные стороны летели очереди трассирующих пуль.

16 января

В 2.00 командир отправился в роты. Сплошной линии фронта больше не было.

4.30. Я стоял над блиндажом и смотрел через гребень высоты, прикрывавшей командный пункт. Вдруг в 500 метрах передо мной началась сильная стрельба — батальон пошел в атаку. Теперь я уже слышал взрывы ручных гранат. Значит, начался ближний бой. Еще было темно и не видно, что происходит на позиции впереди.

Я спустился в блиндаж и взялся за телефон. Связь с 1-й и 3-й ротами прервана. Мне посчастливилось связаться со 2-й ротой. Доложил ефрейтор. Обстановку он знал плохо. Бой был в разгаре. Выстрелы слышались в телефоне. Я спросил ефрейтора о потерях.

— Здесь вся траншея полна убитых и раненых. Русские ответили атакой на атаку.

В этой обстановке давать каких-либо указаний не приходилось. Санитары работали и без них.

Русские отреагировали. Они поставили заградительный огонь между передним краем и нашим командным пунктом. Грохот боя был адский. Блиндаж качался, пламя свечи передо мной плясало. В 5.20 огонь стал слабее, а потом смолк. Я вышел наружу. Навстречу мне шел капитан Вольф.

— Кноблаух! У нас не получилось! Без тяжелого вооружения с «Иванами» ничего не сделать. В ротах большие потери, и они с большим трудом удерживают рубежи, на которые отошли. Отправьте немедленно посыльного в 4-ю роту в Гирнен с новой обстановкой, пусть они огнем 81-мм минометов сдержат атаки русских! Штагун должен сам принять решение, когда ему открывать огонь. Телефонная связь перебита!

Артиллерийский огонь заставил нас укрыться в блиндаже. С 4-м полком слева от нас связи больше не было. Последний разведывательный дозор вернулся ни с чем.

8.10. На лестнице в блиндаж стоит ефрейтор: на левом фланге прорвались танки!

Капитан Вольф и я выскочили наружу. Действительно, в 500 метрах слева от нас стояли три «Т-34». Стволы их орудий были направлены в сторону Гусаренберга (высота 121,8). Предпринять мы ничего не могли. Мы даже были не в состоянии проинформировать соседей, так как не знали, где они сейчас находятся. У меня сложилось впечатление, что наш левый фланг открыт. Если русские повернут на нас, то мы окажемся в «мешке». Но они не повернули.

Пауза дала нам возможность вынести раненых. Вся рота снабжения была задействована, чтобы отвезти их на перевязочный пункт за Гирнен. У доктора Наумана и его санитаров работы было по горло.

В середине дня поступили донесения из рот. Численность пугающе упала. Потери составили более 50 процентов.

Снова стемнело. Шум боя стих. Русские не атаковали. Их потери тоже велики. На правом фланге батальона стало заметно тише. Меня вызвал командир:

— Кноблаух, установите, где находится правофланговая рота. Вот уже час, как оттуда не слышно ни выстрела!

«Т-34», подбитый под Гусаренбергом.
Октябрь 1944 г.

Я вышел с тремя посыльными и двумя связистами. Под прикрытием складки местности, прикрывавшей командный пункт, в колонну по одному мы отправились на юг. Шел снег. Видимость не превышала 20 метров. Я хорошо запомнил карту, поскольку рассматривать ее в такую метель было бессмысленно.

Пройдя 250 метров, мы наткнулись на амбар. Мы медленно приблизились и прислушались. Снег глушил все звуки. Вокруг нас стояла тревожная тишина. Я осторожно заглянул за южный угол амбара. Вдруг мы услышали обрывки речи. Вдали были видны контуры людей. Снегопад был такой густой, что нельзя было понять, русские это или немцы.

В 20 метрах от нас кто-то шел по полевой дороге на север. Я держал палец на спусковом крючке автомата. Один из моих сопровождающих подошел ко мне:

— Открыть огонь?

Я отрицательно покачал головой. Мысль о том, что можно попасть по своим, была для меня невыносимой.

Тени растворились в снегу. Я не принял никакого решения и был собой недоволен!

Осторожно мы продолжили пробираться дальше сквозь метель, пересекли полевую дорогу и через пару сотен метров подошли к двору, располагавшемуся между Гирненом и Брюкенталем.

Нам повезло, и мы встретились с остатками фланговой роты. Командир роты мне доложил:

— Русские в 150 метрах от нас в овраге. Ночью они два раза пытались нас захватить. Но пока у нас есть боеприпасы, мы можем обороняться. Численность роты составляет 49 человек!

Четыре дня назад она насчитывала 120 солдат. Я попрощался с ним, пообещав позаботиться о боеприпасах и продовольствии, насколько это будет в моей власти.

От попытки установить связь с правым соседом я отказался на дороге Гирнен — Брюкенталь.

18 января

6.15. Внезапно начавшийся артиллерийский огонь поставил нас на ноги. Используя огромное количество боеприпасов, русские пытаются разрушить наши позиции. Участок местности между ротами и командным пунктом шириной всего 200 метров находится под непрерывным огнем тяжелой артиллерии.

После 7.00 огонь артиллерии ослабел. С нашей стороны отстреливаются только несколько пулеметов. В атаку пошла русская пехота. Командир вышел наружу и наблюдает происходящее на поле боя в бинокль.

Резервов у нас нет. Я понял, что капитан Вольф своим присутствием хочет укрепить фузилеров. Больше сделать он ничего не мог!

Тем временем начали прибывать раненые с передовой. Некоторые лежали в моем блиндаже. Моя забота состояла в том, чтобы не допустить прорыва русских через нас, прежде чем не будут эвакуированы раненые.

13.00. Роты отразили три атаки силами до батальона. Наши потери высоки. Раненых уже невозможно вынести с поля боя. Это явный признак того, что наш фронт стал «мягким».

19 января

С восходом солнца снова начался сильный артиллерийский огонь. Командир сидит на ящике и задумчиво смотрит на лист карты перед собой. Снаружи бьют снаряды советских залповых орудий. Вошел командир 1-й роты. Небритое утомленное лицо командира вдруг становится бодрым:

— Где ваша рота, капитан Пройс?

— Большая часть полегла. Остальные отходят. Больше держаться мы не можем!

Командир тяжело вздохнул:

— Пройс, что тогда вы тут стоите?

Не говоря ни слова, капитан Пройс вышел. Командир молча посмотрел на меня.

Сейчас здесь у опытного ротного на какой-то момент сдали

нервы. Кто может утверждать, что с ним такого никогда не случится? На меня этот случай оказал большее действие, чем мне это показалось сначала.

Чуть позже командир отправился к боевым группам на правый фланг батальона.

Обстрел орудиями залпового огня усилился.

9.30. Посыльный 1-й роты, задыхаясь, вбежал на командный пункт:

— Около ста «Иванов» в наших окопах. Капитан Пройс погиб во время контратаки!

Я усадил совершенно измученного человека на ящик с боеприпасами и спросил:

— Можете сказать, где сейчас находится 1-я рота?

— Точно не скажу. На прежней позиции никого не осталось. Я думаю, что мы сейчас на рубеже батальонного командного пункта.

Я схватил автомат, чтобы разузнать обстановку. Но тут пришел капитан Вольф. Я доложил ему о гибели капитана Пройса и об обстановке в 1-й роте.

Командир постарался скрыть внутреннее потрясение от смерти капитана Пройса и распорядился:

— Останетесь на командном пункте, постарайтесь держать нити управления в своих руках. Я сейчас с посыльным 1-й роты пойду посмотреть, что происходит в 1-й роте.

Огонь русской артиллерии не ослабевал.

Через два часа вернулся командир:

— Кноблаух, 1-й роты больше нет. Траншеи, которые мне удалось еще осмотреть, наполнены мертвыми — русскими и немцами. Стрельба больше не ведется. Очевидно, потери русской пехоты настолько высоки, что сил для нанесения последующего удара нет. Временно, во всяком случае. Левый фланг батальона я восстановил и приказал создать фронт в северном направлении. Нанесите это на карту!

У меня было неприятное чувство, что частей справа и слева от нас на позициях больше нет.

15.00. Меня вызвал командир:

— Вы пойдете с четырьмя связистами, которые еще у нас остались, на правый фланг и выясните там обстановку. Группа домов между Гирненом и Брюкенталем должна быть еще наша. Если это не так, возьмите всех людей, которых найдете в этом месте, и быстрой атакой захватите эту группу домов. Если этот участок позиции падет, Гирнен нам не удержать!

Я отрапортовал, что задача ясна, пошел к связистам и объяснил им задачу. Через пару минут мы друг за другом

пробирались по глубокому снегу в юго-восточном направлении. Стоял туман, видимость была плохая.

Пройдя 200 метров, перед собой я увидел дом. Мы растянулись в цепь и стали осторожно приближаться к нему. В этой неясной обстановке было все возможно. Здесь могли быть русские.

До дома осталось метров десять. Слева завыли сталинские органы. Одним прыжком мы оказались у дома и по лестнице сбежали в подвал. На его полу снова пришли в себя. Наверху стоял постоянный грохот. От последнего разрыва реактивного снаряда мне в грудь ударила пластина стабилизатора. Он рассек мою маскировочную куртку. Я встал и был очень удивлен, обнаружив, что в подвале мы не одни. По полу ползало еще несколько человек. Кажется, что нервы у них совершенно сдали.

— Кто здесь командует?

Доложился какой-то фельдфебель. Я узнал, что он со своими людьми в середине дня были еще во дворе, расположенном перед нами. Потом их оттуда выбили «Иваны». Погибло 8 человек. Остальные 14 сидят здесь в подвале.

— Всем слушать меня! Как только стемнеет, атакуем и захватываем тот двор снова!

Фельдфебель слабо попытался сослаться на трудности такого предприятия. Я глянул на него, он замолчал.

Тем временем стемнело.

— Приготовиться! Сейчас поднимаемся из подвала и делимся на две группы. Цепью приближаемся ко двору на 30 метров. По моему знаку бежим вперед. Если удастся прорваться, наступаем до противоположной стороны двора и занимаем оборону фронтом на восток! Вперед!

Мы поднялись наверх. Хотя было темно, снег позволял относительно хорошо видеть. Местность перед нами была открытая.

Цепью, шаг за шагом, мы начали продвигаться вперед. Я шел в середине. Фланги отставали. Не было ни единого выстрела.

Если русские дадут нам приблизиться и в последний момент откроют огонь, у нас не будет никаких шансов.

Мы подошли на 60 метров. Я почувствовал, как на лбу у меня выступил пот. Еще 40 метров. 30 метров. Я поднял руку и дал сигнал к атаке.

Одним рывком я достиг ряда кустов, окружавших двор. Рядом со мной был фельдфебель. Все было тихо.

С отчаянием я увидел, что солдаты последний рывок не сделали. Я снова вышел из кустов и махнул им рукой. Они медленно пошли вперед.

«Ну, вот мы и пришли», — пронеслось у меня в голове. Этот опыт был для меня новым.

Двумя группами мы вошли во двор. Я пошел с правой. Мы в колонну по одному осторожно крались вдоль стены дома. Вдруг позади меня раздался выстрел. Я мгновенно обернулся и увидел, как из двери в нескольких метрах от меня лицом в снег падает «Иван». Ко мне подошел фузилер:

— Вам повезло. Я увидел «Ивана» в последний момент, когда он уже прицелился, чтобы выстрелить вам в спину!

— Большое спасибо, — больше сказать я ничего не смог.

Значит, русские во дворе. Мы прошли до восточной границы построек.

На левой стороне двора внезапно загремели разрывы ручных гранат. В темноте затрещали автоматы. Это фельдфебель с другой группой. Перед нами тоже русские начали отстреливаться. С несколькими солдатами мы ворвались в дом. Здесь мы были до некоторой степени в укрытии. Во дворе началась перестрелка. Русские были всего в 30 метрах.

Стрельба прекратилась. Я выглянул в просвет неприкрытой двери. Внутри двора было ничего не видно. Я осторожно вышел. Солдаты последовали за мной.

Русские отступили. Убитых они оставили. Мы прошли дальше вперед и заняли оборону у восточной окраины двора. Я объяснил фельдфебелю, почему надо удерживать эту позицию. Мы вместе выбрали места для постов и расставили на них людей. Трех связистов я оставил в качестве подкрепления. С четвертым я отправился обратно в батальон.

На командном пункте в 18.40 капитан Вольф выслушал мой доклад, сел в угол, написал донесение о положении батальона и вызвал офицера связи:

— Шнайдер, вы пойдете в Гирнен, возьмете у Штагуна машину, поедете в штаб дивизии и передадите это донесение.

Лейтенант Шнайдер взял донесение, вышел и исчез в темноте.

Я выкроил время, чтобы взять карманный календарь и записать события этого дня. Командир увидел и сказал мне:

— С тех пор, как командую батальоном, я замечаю, что вы с необычной аккуратностью ведете дневник. Меня это не касается, но что дает это вам?

— Я с 1938 года веду дневник, потому что я считаю правильным записывать события этого времени именно с точки зрения «маленького человека». Позднее появятся военно-исторические труды, каждый сможет прочитать, где и как когда-то воевала какая-нибудь армия. А я хочу зафиксировать, что

происходило на нашем уровне и как вели себя люди в исключительной обстановке. Чтобы это как-то сохранить, я веду ежедневные записи о происходящем.

— И вы думаете, что вам удастся вывезти ваши записи из Восточной Пруссии? Вы знаете обстановку!

— Несмотря на обстановку, которая, я думаю, тяжелая, господин капитан, я из этого и исхожу. Если бы у меня не было веры, я бы сдался, а сдаваться я не буду!

Командир кивнул и молча повернулся ко мне спиной. Я его не убедил.

Ночь прошла относительно спокойно. Советская артиллерия то и дело обстреливала Гирнен. Снаружи до нас доносился оживленный шум боя. Я посмотрел на часы: 7.00. Еще темно. Командир взялся за телефон. Он не работал. Опять порван кабель. Прибыл посыльный из 3-й роты:

— Господин капитан, русские ворвались в наши траншеи. Мы их выбили контратакой. У нас большие потери. Командир считает, что последующие атаки мы отразить не сможем, если не получим подкрепления!

Командир взял свой автомат и приказал посыльному:

— Отведите меня в 3-ю роту. Я хочу посмотреть, что там случилось.

Рассвело. Пулеметный огонь перед фронтом батальона стал сильнее и начал приближаться. Обстановку у соседей мы не знали. Узнать было не у кого.

В полдень возвратился командир:

— Роты сегодня с утра отразили три атаки силой до батальона. Надо опасаться, что последующие атаки отразить не удастся. Вы знаете, что 1-я рота полегла полностью. Численность остальных рот снизилась до минимума. С наступлением темноты мы отойдем на гряду высот северо-западнее Гирнена. Прикажите уничтожить все документы, которые находятся здесь при штабе. Вы лично отвечаете передо мной за то, чтобы «Иванам» ничего не попало в руки!

Капитан Вольф снова ушел в роты.

Танк «Пантера» дивизии «Герман Геринг»

Прибыл главный фельдфебель из роты снабжения, привез боеприпасы и продовольствие. К моему большому удивлению, у него еще было письмо для меня. Я разорвал конверт. В руках у меня оказалась размашисто написанная записка и мое письмо, которое я отправил в начале декабря 1944 года Юппу Райнарди. Я взял записку дрожащими руками и прочитал: «Лейтенант Райнарди сбит 26 декабря над Краковом. Письмо вернуть назад!» Подпись была неразборчива. На мгновение мир для меня перестал существовать. Юпп Райнарди мертв. Если он мертв, то погибли вместе с ним Герт Зиллер и Францль Фелициан.

Гораздо позже я узнал, что с моим старым экипажем одновременно погиб кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями майор Бадоррек (командир 3-й бомбардировочной группы). Они взлетели в Штубендорфе и на взлете в юго-восточном направлении были сбиты недалеко от Кракова американским дальним истребителем Р-51 «Мустанг». Я почувствовал внутри себя пустоту и тяжелыми шагами двинулся из командного пункта наверх. Взрывы у входа на позиции вернули меня к реальности. Два моих солдата вытащили наверх штабные документы. Я поджег стопу бумаг и потребовал от фузилеров, чтобы они проследили за тем, чтобы действительно все сгорело. Послышался звук мотора.

Из лощины за нашим расположением к нам выехал «Фольксваген», из него вышел майор Зандрок, командир 2-го дивизиона штурмовых орудий «Герман Геринг». Я пошел майору навстречу и доложил. Командир дивизиона был очень удивлен:

— Что вы тут делаете? — и указал на костер из документов.

— Господин майор, у меня приказ — уничтожить все секретные документы. С наступлением темноты мы отойдем на позиции севернее Гирнена.

— Вы выражаетесь высоким стилем. «Отойдем» в вашем положении называется «отступим» или вы думаете когда-нибудь снова занять эту позицию? Вам, надеюсь, ясно, что эта мера не соответствует замыслу командира дивизии?

— Господин майор, я здесь выполняю приказ. О ваших сомнениях я доложу командиру батальона, как только он вернется с передовой.

Несмотря на противоречия, майор Зандрок оставался спокойным. Он отдал честь и уехал. Я был уверен, что в штабе дивизии вскоре узнают, что фузилерный батальон перенес свои позиции на 500 метров западнее.

16.00. Я указал батальонным посыльным на дом на склоне позади нас:

— Пойдете туда и займете тот дом. Через пятнадцать минут я приду туда тоже.

С передовой вернулся капитан Вольф. Я сообщил ему о приезде майора Зандрока.

Командир ничего не сказал мне про это, но обратился ко мне:

— Дайте мне, пожалуйста, ваш Железный крест I класса. Он мне нужен, чтобы вручить его на поле боя ефрейтору из 2-й роты. (Сам он вчера по той же причине отдал свой ЖК I одному ефрейтору.) Если бы он не остался у пулемета, то его рота погибла бы, и мы, наверное, тоже. Он вел огонь по наступающим русским даже тогда, когда никого не осталось из расчета и позиция была обойдена. Его освободили из окружения товарищи во время контратаки. А теперь идите сразу же на новую позицию. Я приду через час.

Местность между батальонным районом обороны и дорогой Гирнен — Гусаренберг слегка понижалась. Со стороны противника меня не было видно. По ту сторону дороги мне пришлось подниматься по склону. Он был настолько крут, что шел я медленно. Когда я дошел до половины высоты, меня заметили русские и открыли минометный огонь. Я бросился на мокрый снег и стал ждать.

Через минуту я вскочил и опять стал подниматься по склону. Снова ударили минометы. Я опять залег. Чтобы пройти 250 метров, мне потребовалось 40 минут!

Совершенно измотанный, я добрался до вершины холма. Здесь проходила дорога, ведущая из Гирнена на север через Гусаренберг (высота 121,8) до Пликена.

Я бросил взгляд назад на лежавшую ниже местность, которую

мы до сих пор защищали с такими большими потерями, и спросил себя, почему мы с самого начала не заняли эту высоту. Здесь широкое поле обстрела, есть возможность уничтожать наступающего противника с господствующей высоты.

Мы расположились в маленьком дворе. Подвал был оборудован и укреплен балками и подпорками. Саперы капитана Бётхера из саперного батальона нашей дивизии проделали большую работу. Проходившие перед командным пунктом траншеи были наполнены снегом.

18.00. Пришел командир с остатками рот. Быстро разместили роты на позициях. Я нанес новую обстановку на карту. Капитан Вольф подписал, а лейтенант Шнайдер повез ее в штаб дивизии.

21.00. Командир лег спать. Сегодня во второй половине дня я заметил, что постоянные нагрузки влияют и на него.

22.30. Офицер для поручений из штаба дивизии спустился в подвал:

— Я хотел бы поговорить с командиром батальона.

Январь 1945 г. Старший лейтенант Кноблаух у командного пункта 2-го фузилерного батальона дивизии «Герман Геринг»

— Сделайте милость, расстреляйте меня одного, но дайте командиру поспать. Нам он нужен завтра в свежем до некоторой степени состоянии, если продолжится этот цирк!

— Господин Кноблаух! Вы отвечаете собственной головой, если здесь что-нибудь пойдет не так. Дивизия сегодня ночью отходит. У меня ясный приказ — лично передать командиру батальона порядок отхода.

— И все-таки дайте капитану Вольфу поспать!

— Ну, хорошо. Вы подпишетесь под тем, что я вам сейчас передам и что было предназначено для вашего командира. В 1.00 ваш батальон оставляет позицию и отходит через Альт-Вустервиц, Шульценвальде, Банфельде, Вильдхорст, Ангерхё и к 6.00 у Ангермюле занимает подготовленную на берегу Ангерапа позицию. Можете получить боеприпасы для миномета в Карлсвальдер Форсте. Шульценвальде удерживать до 4.00, а железнодорожный переезд у Банфельде — до 6.00. Отход должен осуществляться бесшумно. Ничего не сжигать и никаких фейерверков не устраивать!

Я сделал записи и нанес маршрут на свою карту. Расписался в получении распоряжения «в отсутствие командира». На лестнице офицер для поручений обернулся:

— Вы, кажется, знакомы со старшим лейтенантом Планертом из 3-го полка? Несколько дней назад он погиб.

Капитан Вольф спал. Я написал приказ по батальону на отход и отправил с ним посыльных по ротам.

23.10. Командир зашевелился и быстро поднялся.

— Есть новости, Кноблаух?

— Так точно, господин капитан! Батальон отходит на позицию по Ангерапу у Ангермюле. Приказ командира дивизии в 22.30 передан через офицера для поручений. Я передал соответствующий приказ в роты!

— Дайте-ка сюда приказ! — Капитан Вольф прочитал, вернул мне бумагу и приказал: — Вы поедете сейчас же вперед в Ангермюле и займете командный пункт. Главные силы батальона придут в Ангерхё предположительно в 5.00. Тыловое охранение соединится с батальоном на рассвете. Позаботьтесь о том, чтобы указание было выполнено от развилки дорог на северной окраине Ангерхё.

Я вызвал водителя и отправился в направлении Альт-Вустервица.

21 января

От фронта позади нас ветер доносит слабый шум боя. Ориентироваться в темноте сложно. Если мы застрянем в снегу, последствия могут быть самыми печальными. Тропы и дороги пустые. Я задал себе вопрос: по каким дорогам отходят остальные батальоны или на этом участке «других» больше нет?

После того как у Альт-Вустервица мы немного заблудились, в 0.35 мы доехали до переезда у Банфельде. Здесь, как я понадеялся, арьергард должен будет остановить на некоторое время наседающих русских. Сразу за Вильдхорстом мы увязли в сугробе. Понадобилось двадцать минут, чтобы выбраться.

Перед нами показались очертания домов. На правой стороне дороги стоял запорошенный снегом указатель с названием населенного пункта. Я приказал остановить. Прикладом автомата я сбил снег и прочитал: «Ангерхё». Мы поехали дальше. Справа от дороги располагался большой двор. Очевидно, поместье. В деревне никого не было. В середине населенного пункта мы взяли правее и через 400 метров доехали до развилки дорог на северном выезде. Здесь через несколько часов мне предстоит встретить батальон. Я указал водителю взять левее, и еще через 800 метров мы переехали Ангерап у Ангермюле.

Здание мельницы стояло непосредственно у моста на правой стороне дороги на западном берегу Ангерапа. Я приказал остановить. С карманным фонариком в руках я вошел в здание мельницы. Гостеприимства никакого не было, но все же это было лучше, чем не иметь крыши над головой. До прибытия батальона осталось еще несколько часов.

Я использовал время и пошел вместе с водителем осматривать позиции. Окопы располагались над высоким крутым берегом Ангерапа. В крутом берегу были проделаны штольни. Все выглядело капитально. По сравнению с теми позициями, на которых мы воевали до сих пор, эти были просто княжеские! На этих позициях во время Первой мировой войны немецкие солдаты защищали свою родину от вторжения царских полков. Тогда им сопутствовал успех! Мы же, наоборот, находимся в безнадежном положении в нашей борьбе против масс Красной Армии.

Я своевременно выехал на развилку дорог севернее Ангерхё.

5.20. Голова батальонной колонны появилась в Ангерхё, и вскоре подъехала машина командира батальона.

— Как выглядят позиции, Кноблаух?

— Позиции в хорошем состоянии, господин капитан. Широкий сектор обстрела и прочные укрытия.

Я выехал с командиром на позиции. Он осмотрел их и удовлетворенно кивнул. Колонна батальона вышла к нам из темноты. Солдаты сразу пошли на позиции и начали располагаться. Сколько у нас еще времени, зависит от того, сколько сможет продержаться арьергард. Командир сказал мне:

— Я позабочусь о занятии позиций, а вы съездите в Ангерхё и, как придет время, заберите оттуда арьергард. Меня найдете на мельнице по ту сторону Ангерапа.

Я поехал обратно в Ангерхё и стал ждать у восточного выхода из населенного пункта. Время тянулось медленно. Водитель и я бегали по дороге туда-сюда, чтобы как-то согреться. С огромным трудом я заставлял себя не сесть в машину и не уснуть. Сделать я больше ничего не мог, физических сил у меня не осталось.

5.55. Тишину разрезала пулеметная очередь. Я всмотрелся в ночь. Стреляли где-то у Банфельде. Хотелось надеяться, что прикрытие вовремя оторвется от противника.

— У вас есть что-нибудь поесть, господин старший лейтенант?

— Нет. Есть только пачка сигарет. Если вам это поможет, то вот, возьмите.

Водитель заскочил за стену дома, чтобы под ее прикрытием закурить.

7.40. Все еще темно. На заснеженной улице появились фигуры и стали к нам медленно приближаться. Наше прикрытие или русский авангард? Я позвал водителя:

— Заводите мотор. Если это «Иваны», то рвем сразу на полном ходу. — Из-за угла дома я окликнул: — Кто идет?

— Фузилерный батальон!

Я вышел на встречу людям. Командир взвода сообщил:

— Русские медленно шли за нами до Шульценвальде. Мы смогли отходить без соприкосновения с противником. Но у Банфельде дело дошло до серьезного огневого боя. Оторваться удалось с большим трудом. Пройти через Вильдхорст не удалось. Чтобы нас не отрезали, пришлось сначала идти по дороге на Дингелау, а потом поспешно идти на Ангерхё.

Солдаты прикрытия стояли вокруг меня. На их лицах отражалось все, что им довелось перенести. Некоторые едва держались на ногах.

Командир взвода добавил:

— Нам нельзя здесь оставаться. Русские за нами в нескольких минутах.

Я приказал положить ящики с боеприпасами и пулеметы в машину и повел прикрытие в Ангермюле. Тем временем было уже 8.00. Над Карлсвальдским лесом через утренний туман пробивалось солнце. Мы вышли на позиции на восточном берегу Ангерапа. Пока распределяли людей на позициях, со стороны Викмюнде был открыт пулеметный огонь. Я стоял на краю окопа, как вдруг меня что-то ударило в живот. Было такое чувство, что лошадь меня стукнула копытом, и я упал спиной в окоп. С удивлением выяснил, что я не ранен. Пуля пробила мою полевую сумку и застряла в пачке писем.

По дороге у Ангермюле в утренние часы продолжали отходить войска. Это были сильно поредевшие подразделения без тяжелого вооружения. Солдаты выглядели такими же подавленными, как и мы. В середине дня начался артиллерийский огонь. Командир к тому времени правильно оценил обстановку, и командный пункт был уже перенесен в одну

из штолен в крутом берегу Ангерапа. Наши позиции были настолько хорошо оборудованы, что мы с уверенностью смотрели в следующий день.

Во второй половине дня был получен приказ об отходе. Мы были безмерно разочарованы! Если приходится без боя сдавать такую позицию, как здесь, на Ангерапе, значит, общая обстановка должна быть очень плохой.

С наступлением темноты я поехал через Кизельхайм, Гроспройсенбрух в Гр. Дацен. Восточнее Кёнигсгартена я пересек железную дорогу Ангерап — Инстербург и через пять километров оказался в населенном пункте Баллетен.

Там мы были не одни. На окраине позицию заняла 75-мм противотанковая пушка — слабое утешение. Через несколько часов подошел батальон и занял позиции. Слева от нас стояли подразделения 4-го полка дивизии «Герман Геринг». Русских ждать долго не пришлось. Уже вечером они попытались ворваться в Бал-летен, но эту атаку удалось отразить.

22 января

2.00. С дороги на Коскайм слышится стрельба наших пулеметов. Командир сразу же взбодрился и с посыльным вышел наверх. Остальной штаб занял круговую оборону.

Я осторожно со своими людьми вышел в темноту. Но уже на выходе из двери дома нам навстречу ударили автоматные очереди. На расстоянии 15 метров перед нами была группа русских, паливших во все стороны. Я залег за садовой оградой и открыл огонь по различимым на фоне снега силуэтам. Рядом сверкали вспышки выстрелов из оружия моих людей. Потом после взрыва ручной гранаты все стихло.

Свалившийся в дверях дома фузилер был мертв. Автоматная очередь прошила ему грудь. Из русских не выжил никто.

Около 3.00 огонь стих перед всеми позициями. Русские, по-видимому, понесли большие потери. Перед рассветом они снова пошли в атаку, но залегли под нашим огнем. В батальоне было пять убитых. Время тянулось очень медленно. Каждый понимал, что наше положение безнадежно. Но об этом не говорили. Я подумал о том, что делать, если кончатся патроны и придут русские. О слове «плен» я даже думать не отваживался.

Вдруг на грузовике приехал командир роты снабжения. Быстро распределили боеприпасы и еду.

Снова стемнело. За исключением немногих часовых люди проспали целый день. Теперь требуется усиленная бдительность. Северо-западнее нас слышится артиллерийская канонада. По-видимому, это западнее Инстербурга. Над нашими позициями

висели осветительные ракеты.

23 января

2.20. Внезапно началась оживленная перестрелка. Мы вышли наружу. В неверном свете ракет на фоне снега хорошо были видны наступающие русские. Наши пулеметы стреляли непрерывно. Это длилось около 20 минут. Потом крики «Ура!» стали тише и стихли совсем. У нас было двое раненых. На нейтральной полосе кричал русский. Через несколько минут крик перешел в вой, а потом смолк. Меня трясло.

Несколько месяцев назад мы еще пытались оказывать помощь раненым русским, если они лежали у наших позиций. Но после того как красноармейцы посчитали правильным криками о помощи заманивать наших солдат в смертельные ловушки, это мы делать перестали. Жестокость борьбы достигла крайних пределов.

Перед восходом солнца русские снова пошли в атаку. Наступающие были сражены в 20 метрах от наших траншей. Лишь немногим удалось скрыться в темноте.

Я думал, что ожесточенность атак теперь ослабеет. Может быть, они проверяют, серьезно ли мы намерены оборонять эту позицию, или на ней сидит только наше прикрытие.

Время едва тянется. Только 18.00. Получен приказ об отходе на Мазурскую позицию. Для фузелеров это значит, что надо пройти 38 километров пешим маршем по плохой дороге по мокрому снегу с русскими, дышащими в затылок.

Я выехал вперед с двумя посыльными, чтобы разведать новую позицию севернее Норденбурга. Немного позже роты бесшумно оставили позиции.

Мы ехали в полной темноте. Проехав 8 километров, я приказал остановиться, так как не был уверен, что мы едем правильной дорогой. Поселок Тремпен мы проехали десять минут назад. Посмотрел на карту, посветил фонариком. Теперь должен быть Эрнстбург. Мы поехали дальше. Эрнстбурга не было. Я решил подождать пять минут, а потом приказал остановиться. Слева стояла пара амбаров. Это может быть окраина. Но где мы находимся?

Свой компас я потерял вчера ночью во время ночного боя в Баллетене. Небо затянуто тучами. По звездам тоже сориентироваться не получается. Дорога пуста. Спросить не у кого. Вдали слышен шум боя. Там, наверное, восток. Я покрутил карту и решил ехать дальше. Не зимовать же здесь! Дорога вела через заснеженный лес. Я приказал остановиться, чтобы осмотреть поверхность дороги. Следы были свежие. Мы поехали

дальше и через полчаса переехали железную дорогу. Полночь уже давно прошла. Мы въехали в деревню. В центре деревни в одном из домов я заметил свет, пробивающийся сквозь плохую светомаскировку. Мы остановились. Мои люди остались в машине с включенным мотором. Я подошел к дому и осторожно, с автоматом наготове, вошел в него. То, что я увидел, одновременно меня и удивило, и обрадовало. Я нашел штаб 2-го самоходного артиллерийского полка «Герман Геринг». Начальник штаба, капитан, был знаком мне по дивизионной командно-штабной игре. Артиллеристы выглядели так же дико и подавленно, как и мы.

На плите я увидел горшок с горячим напитком, он сразу же приковал мой взгляд. Капитан заметил это и предложил мне угоститься.

— Большое спасибо, господин капитан. Там, на улице, еще два моих человека. У вас не будет возражений, если еще двое…

— Хорошо, зовите своих людей сюда!

Мы пили чай, оставленный бежавшими от русских хозяевами этого дома. Сахара у нас не было.

Капитан обратился ко мне:

— Что вы делаете в этом проклятом месте?

— Я хотел бы вас об этом тоже спросить, господин капитан. Правду сказать, я совсем заблудился. Сейчас не знаю, где тыл, а где фронт.

— Это мне доставляет удовольствие, любезнейший! Я припоминаю, что раньше вы были в летном составе? Вы же были дальним разведчиком. Извините, но мне необыкновенно приятно слышать, что и разведчики иногда теряют способность ориентироваться.

— К сожалению, радость эта односторонняя. Я был бы благодарен, если бы вы помогли мне сориентироваться по карте.

Я оценил, сколько батальону идти до Мазурской позиции, и подумал, что могу с моими людьми остаться в тепле еще полчаса.

Потом мы попрощались с артиллеристами и вышли на улицу. На выходе капитан задержал меня:

— Вы, конечно, знаете, что русские уже за Инстербургом? Все это походит на большое свинство. Держите ухо востро, счастливо!

— Спасибо, господин капитан. Счастье сейчас нужно всем нам!

Навстречу нам ударил ледяной ветер. Начиналась метель. По воздушной линии нам предстояло проехать еще добрых 12 километров. Прошло десять минут. У меня было впечатление, что мы опять сбились с пути.

Я приказал остановиться и заглушить мотор. Мы стали

вслушиваться. Мне показалось, что слева от нас я слышу шум моторов. Я решил ехать дальше в этом направлении. Мы очень медленно ехали по плохой дороге. Снова прошло полчаса. Кажется, поперек нашей дороги проходило большое шоссе. Мы осторожно подъехали к нему. Мимо нас проезжали разные машины. Но они были точно немецкие. Я подошел к остановившемуся грузовику и спросил водителя, куда ведет это шоссе.

Солдат недоверчиво посмотрел на меня и ответил:

— Куда оно ведет — не знаю. Знаю только, что оно ведет из Ангерапа.

Этого ответа мне было достаточно. Мы стояли на шоссе, которое идет из Ангерапа на запад и севернее Норденбурга у Пентлака пересекается с имперской дорогой № 139.

Мы выехали на шоссе, встали в колонну и поехали на запад. Через полчаса мы доехали до имперской дороги № 139, повернули налево и поехали в Пентлак. Слева мы увидели двор. Мы выехали из колонны, направо и через Брухорт добрались до поместья Платтау. Здесь я должен был по приказу командира оборудовать командный пункт.

Мы въехали во двор поместья. С посыльными я пошел обходить дома. В хозяйственной постройке я заметил свет. Мы вошли. Два солдата чужой части стояли у большого стола, на котором стоял котел с едой. Они как раз собирались поесть.

Мои солдаты подошли поближе и посмотрели на содержимое термосов. Мне тоже стало любопытно. Термосы были доверху заполнены жареной гусятиной. Я постарался получить часть этой вкуснятины для нас.

Обер-ефрейтор посчитал эту просьбу чрезмерной и бросил мне небрежно:

— Заткнись и исчезни!

Тут же включились мои люди:

— Прикажете их арестовать, господин обер-лейтенант?

Обер-ефрейтор побледнел. Он не узнал во мне офицера. Знаки различия у меня были под маскировочной курткой.

Я остался спокойным и решил:

— Из десяти термосов один остается здесь. Забирайте остальные и исчезайте!

Солдаты заторопились. Им пришлось сходить несколько раз, чтобы отнести все термосы в свою машину.

5.30. Я со своими людьми еду к лесу на восточной окраине поместья. Там должны быть подготовленные позиции. Пешком идем по насту до обратной стороны леса. Здесь должны быть отрытые окопы.

6.20. До сих пор тщетно ищем подготовленные позиции. Если я до прибытия батальона не найду позиции, будет очень плохо. Я решил отправиться по восточной опушке леса на юг в направлении лесничества Бурхорт. Пройдя 100 метров, я встретил двух мужчин, сидевших с пулеметом в яме из снега. Я подошел и спросил:

— Кто вы такие?

— Мы — фольксштурм. И должны удерживать эти позиции, пока не придут регулярные войска. Здесь на опушке 40 человек, ждут, когда их сменят!

— Вам повезло. Регулярные через час подойдут сюда. А теперь скажите мне, пожалуйста, что у вас за интересный пулемет?

— Это бельгийский пулемет. К сожалению, бельгийских патронов к нему нет, а наши — не подходят!

Я потерял дар речи. Потом попрощался с фольксштурмовцами. Мои посыльные обсуждали друг с другом услышанное:

— Того, кто за них отвечает, надо отдать под военный суд. «Старики» с их убогим вооружением не имеют никакого шанса устоять против «Иванов»!

7.10. На дороге из Пентлака показалась голова батальонной колонны. Впереди шел обер-фенрих, за ним следовал строй солдат. Я спросил о командире.

— Капитан Вольф идет или едет в хвосте колонны. Думаю, что через двадцать минут он будет здесь.

Солдаты, проходившие мимо меня, были на пределе возможности. Лица у них ничего не выражали. Я заметил, что никто даже не разговаривал. Они просто апатично брели след в след друг за другом.

Обер-фенриху я оставил своего посыльного, чтобы он, не теряя времени, показал ему позиции.

Мимо меня пошла следующая рота или то, что от нее осталось. Та же самая картина, те же смертельно усталые апатичные лица.

По снегу ко мне подъехала машина командира.

— Кноблаух, где подготовленные позиции?

— Позиции проходят здесь, по опушке леса, господин капитан. Но ничего не готово. Окопы засыпаны снегом. Несколько «стариков» сидят в снежных ямах и ждут, когда мы их сменим.

— Разместите остатки батальона на позициях и отправьте фольксштурмовцев по домам. Нести ответственность еще и за них я не хочу. Я еду в имение Платтау и жду вас там, после того как последний человек будет размещен по окопам. Надо

поторопиться. Русские будут здесь, самое позднее, через полчаса!

Позиции были отвратительные. Окопы заметены снегом, найти их было трудно. Я поговорил с командирами рот и объяснил им, где будет находиться командный пункт батальона.

8.00. Рассвело, но солнца сквозь низкие тучи не видно. Я был на левом фланге батальона, там, где опушка леса проходит всего в 150 метрах от идущей вдоль позиций дороги Пентлак — Гни. На той стороне дороги располагается лесничество Кляйн Пентлак.

— Идите в укрытие, — обратился ко мне один из солдат, — «Иваны» уже вон там, в придорожных канавах!

Я сразу же залег. Взгляда над жнивьем было достаточно, чтобы заметить, что напротив нас заняли позиции до сотни человек.

Наши роты были готовы к бою — в этом я был уверен. Пулеметы — расставлены, расчеты при них — дежурили, остальные заснули от переутомления. Я с посыльным через заснеженный лес отправился назад, в имение Платтау. У нас совершенно нет никакого тяжелого вооружения. Нет даже противотанковой пушки, которая в Баллетене подбивала выскакивавшие к нам на полном ходу советские разведывательные бронемашины. Тот случай так и остался у меня в памяти. Одна бронемашина была подбита с первого выстрела на расстоянии всего 80 метров! Она рассыпалась, как конфетная жестянка! Из облака дыма к нам выкатились по снегу два колеса. А экипаж, наверное, сразу же «вознесся на небеса».

Командир работал. С наступлением темноты рота снабжения доставит горячую пищу. Я ожидал, что от этого хоть немного поднимется настроение.

Капитан Вольф рассказал мне:

— Пару минут назад я выпроводил отсюда партийца, отвечающего за фольксштурм. Я настоятельно порекомендовал ему с его недостаточно вооруженными людьми уйти отсюда как можно подальше. Знаете, мне по-настоящему жаль этого человека. Бедняга, наступает такое жестокое время, а он все еще думает, что мы удержим Восточную Пруссию. Если «Иваны» поймают его в униформе, прибьют сразу. Впрочем, мне очень не нравится, что командный пункт так далеко от передовой. Но в лесу негде расположиться. Я оттуда никак не смог бы влиять на события. Связисты как раз сейчас прокладывают провода к ротам.

Я подумал о совершенно изможденных людях в окопах и пришел к выводу, что система «приказ — выполнение» еще действует на всех уровнях.

Послышался шум боя. С опушки леса напротив лесничества Кляйн Пентлак слышались очереди наших пулеметов. А сейчас у

нас во дворе имения взорвались первые минометные мины. Из окон вылетели стекла, с потолка посыпалась штукатурка.

Командир ушел на передовую. Севернее слышится сильная артиллерийская канонада. Это, должно быть, под Хохлинденбергом, в двух километрах отсюда. Я посмотрел на карту. Местность между Платтау и Хохлинденбергом не занята. Если русские пройдут здесь, то окажутся вскоре у нас в тылу. И помешать этому мы не сможем.

15.50. Капитан Вольф вернулся назад с передовой, и сразу после него прибыл офицер для поручений. Вызывают батальонных адъютантов к 16.30 для получения приказов в штабе дивизии. Я взял планшет и вызвал водителя. Мы сели в вездеход командира и некоторое время ждали под прикрытием стены амбара. Как только обстрел прервался, водитель на полном ходу рванул машину вперед. Моментально выскочили из имения на дорогу. Минометный огонь русских остался позади.

С большим трудом по глубокому снегу мы проехали минут двадцать. Уже стемнело. Еще через пять минут я понял, что мы заблудились. Вернулись назад и поехали снова по маршруту. Недалеко от Нойзоброста я приказал остановиться, чтобы снова посмотреть на карту. При этом я случайно глянул на снежную равнину. Справа от меня я в вечернем тумане увидел фигуры, медленно двигавшиеся на запад. Русские? Я немного помедлил, но потом заметил круглые меховые шапки и длинные шинели. Красноармейцы были всего в 40—50 метрах. Слева от нас тоже было движение. Мы оказались посреди роты, шедшей по обеим сторонам дороги на запад.

Я приказал водителю осторожно ехать дальше. Единственная мысль была: «Только бы не застрять!» Только за Нойзобростом мы смогли свободно вздохнуть.

Время было упущено. Раздача приказов в штабе дивизии началась без меня. Туда я приехал только в 17.10. Двор, где он размещался, выглядел запущенным. Я вылез из вездехода и спросил у часового, где найти начальника штаба.

— Заходите сюда, совещание уже закончилось.

В прихожей я встретил майора Швайма, который узнал меня, несмотря на сумеречное освещение:

— Кноблаух, почему вы пришли только сейчас?

— Я заблудился, господин майор, прошу прощения!

Майор увлек меня за дверь, и я оказался перед командиром дивизии полковником Вальтером.

Я доложил и сообщил заодно о «просочившихся» восточнее Нойзоброста русских. Черты лица полковника остались без изменения. Он сухо проинформировал меня:

— С настоящего момента батальон подчиняется 21-й пехотной дивизии, а именно командиру 45-го гренадерского полка. Связь с вами установит полк. Ваш район обороны расширяется в северном и южном направлениях по 500 метров соответственно. Доложите своему командиру батальона и позаботьтесь, чтобы были отданы все необходимые распоряжения. Какова численность вашего батальона?

— В легких ротах сегодня утром было еще по 20 человек, в тяжелой — около 35.

Полковник посмотрел на своего начальника штаба и пожал мне руку:

— Может статься, что русские уже отрезали вам путь назад. Если это так, то бросьте машину и попытайтесь пробраться к своему батальону пешком. Сообщите новую боевую задачу батальона вашему водителю, особенно то, что касается переподчинения 45-му гренадерскому полку. Один из вас должен дойти!

Я думаю, командир исходил из того, что фузилерный батальон погибнет на той позиции, которую сейчас занимает.

Я сел в машину, водитель завел мотор, и обратный путь начался.

Я решил, что ехать через Нойзоброст не имеет смысла, и мы направились по дороге Гр. Зоброст — Вальдек, хотя она не была проезжей и сильно засыпана снегом. Ехали очень медленно. Гарантии, что и тут не просочилась русская пехота, не было. Нервы были напряжены до предела, автомат лежал на коленях. Тишина вокруг нас была обманчивой, а от Норденбурга ветер доносил звуки ожесточенной пулеметной стрельбы. Там то и дело взлетали осветительные ракеты.

Через полчаса мы без приключений доехали до Вальдека. Населенный пункт был пуст. Водитель повел машину быстрее, стараясь проехать непросматриваемое пространство. Когда мы миновали последний дом, начался лес. Теперь я понял, откуда происходит название этой деревни.

Машина медленно ехала по снегу. Справа была опушка леса, слева — поле. Наконец лес отступил, и мы поехали по западной окраине Эллернбруха. Перед нами на дороге что-то зашевелилось, и сразу раздался окрик:

— Стой, кто едет?

— Не стреляйте! — крикнул я в ответ.

Взвод из дивизии «Герман Геринг» занял в Эллернбрухе круговую оборону. Его командир, фельдфебель, знал, что русские уже в Нойзобросте. Я спросил его о дороге по направлению на Платтау:

— Все время прямо, а на развилке дорог принять влево. Дорога все время простреливается. Днем на дороге никого не было видно. «Иваны» вышли на дорогу Брухорт — Платтау.

Фельдфебель проводил нас до выезда из деревни и пожелал счастливого пути.

Снег был укатан. Мы смогли ехать быстрее и через десять минут увидели дома Платтау, въехали в имение и попали под минометный обстрел. Водитель нажал на газ, потом резко затормозил, машина остановилась во дворе имения, и мы успели укрыться, прежде чем очередная серия мин ударила по крышам зданий.

Я доложил командиру о прибытии и проинформировал его о новой обстановке. Когда я говорил о расширении рубежа обороны, он задремал, кивая и берясь пальцами за сигарету.

25 января

Ночь прошла спокойно. Перестрелка то и дело разгоралась, но атак не было.

В 6.10 на левом фланге у Кл. Пентлак разгорелся ожесточенный огневой бой. Сразу же зазвонил телефон. У аппарата — ефрейтор:

— «Иваны» были в наших окопах. Нам удалось их выбить… Никто не ушел.

Незадолго до 7.00 пришли трое раненых. Они, слава богу, все были ходячие. После перевязки их отправили в Драймюль.

12.30. Русские активизировались. Двор оказался под артиллерийским обстрелом. Через разбитые окна дует ветер. По полю между Платтау и Хохлинденбергом на запад идет русская пехота. Остановить ее некому. Южнее нас, под Брухортом, усилился шум боя. Русские просто дают нам остаться на позиции в лесу. Они знают, что мы рано или поздно без боя попадем к ним в руки.

Соотношение между поставленной задачей и имеющимися силами стало недопустимым. 80 фузилеров без тяжелого вооружения должны были держать фронт шириной два километра.

Командир действовал. Он снял людей с позиции на северной оконечности леса у Кл. Пентлака и перевел их в имение Платтау. К 13.30 остальные подразделения батальона с боем отошли к имению. Русские ломились в двери. Командир выскочил, взял находившихся рядом людей и повел их в контратаку. Ему удалось выбить русских за дорогу. У русских — многочисленные потери. У нас погибло три фузилера.

Капитан вернулся:

— Пройдите по главной линии обороны, посмотрите, сколько у нас еще осталось людей.

Я вышел. У северо-восточного угла господского дома лежали один русский и два фузилера — убитые. Одному осколком снаряда снесло всю нижнюю челюсть.

Слишком много выяснять не пришлось: десять минут спустя я стоял перед командиром и докладывал:

— Господин капитан, в батальоне не более 50 человек. Боеприпасы кончаются!

Двенадцать дней назад нас было шестьсот!

Капитан обратился снова ко мне:

— Распорядитесь, чтобы у убитых забрали оставшиеся патроны!

Снаружи снова загрохотал бой. Командир подошел к окну. В этот момент его в плечо ударила пуля. Рука тоже была задета. Он пошатнулся. Мне удалось подхватить его и с помощью подоспевшего посыльного уложить на стоявшую в комнате софу. Его лицо побледнело. Кровь протекала через маскировочную куртку. Я позвал санитара. Чуть позже командира перевязали.

Капитан Вольф сказал мне:

— Кноблаух, принимайте батальон! Я желаю вам и людям всего хорошего!

То, что такой момент настанет, я всегда опасался. Меня не тяготили обязанности командира. Я не мог выносить всей тяжести ответственности. Ответственность складывалась из двух компонентов: за подчиненных и за выполнение поставленной боевой задачи.

Капитана Вольфа уложили на импровизированные салазки, и два солдата увезли его из-под обстрела.

Шум боя усилился, и сразу русские оказались снова во дворе. Я подскочил к двери, выходившей на лестницу, ведущую вниз во двор. На нижней площадке были двое русских. Они были удивлены не меньше меня. Я глянул в их искаженные лица, вскинул автомат и успел дать очередь. Они погибли. В юго-восточный угол двора прорвалась целая толпа русских. Они бешено палили перед собой. Я рванулся вверх по лестнице и в последний момент успел захлопнуть за собой дверь. Ее филенки тут же разлетелись в щепы под автоматными очередями. Из глубины комнаты я постарался посмотреть, что происходит во дворе. Из амбара напротив меня по группе русских бил пулемет. Чуть позже положение удалось исправить. Я осторожно спустился во двор. Потери русских были огромны. У нас было двое убитых.

Я прошел по позиции. Все солдаты говорили мне:

— Патроны кончаются.

Положение стало отчаянным. С верхней ступеньки лестницы помещичьего дома я посмотрел на запад. На поле я увидел советскую пехоту и цепь танков. Перед позициями 4-го полка у Драймюле горели два «Т-34». Значит, передовые части русских находятся уже в трех километрах позади нас. У Хохлинденберга колонна танков без боя двигалась на запад. Южнее русские ворвались в Эллернбрух и быстро продвигались к Вальдеку. Я почувствовал, как воротник сдавил мне шею. У меня было такое чувство, как будто на ней затянули удавку. Стоявшие вокруг меня солдаты смотрели на меня молча с недовольными лицами. Они знали, что их судьба зависит сейчас от моего решения. Если я приму решение держаться, они беспрекословно останутся здесь, погибнут или попадут в руки русских. Я позвал лейтенанта Шнайдера, обер-фенриха Штагуна и принял другое решение:

— Батальону прорываться на запад. Штагун, вам встретить роты в лесу, в двух километрах позади нас, и вывести к немецким войскам. Позаботьтесь, чтобы ни один раненый не попал к русским. Не забудьте, что со вчерашнего дня мы подчиняемся 45-му гренадерскому полку. Я и лейтенант Шнайдер с двумя фузилерами остаемся здесь прикрывать отход.

Мой приказ был принят без согласования с полком. Может быть, мне за него придется ответить перед вышестоящими инстанциями. Я отбросил свои сомнения по этому поводу. Развернувшиеся события не допускали других мыслей.

Шнайдер, я и два батальонных посыльных устроили фейерверк из остатков боеприпасов. Залп с левого угла двора, потом — с правого.

Остатки батальона были уже в 600 метрах позади меня. Солдаты брели по одному и в колонну. Я посмотрел на часы: 15.40! Может быть, русские не заметят, что здесь делается?

Из укрытия я наблюдал, как с востока русские опять пошли в атаку. Наверное, целый батальон. Расстояние 400 метров. Теперь вводить в заблуждение некого. Я крикнул Шнайдеру и посыльным:

— Отходим немедленно!

Я оглянулся и увидел двух моих солдат, бегущих через двор. Раздалась пулеметная очередь. Оба свалились на землю — убиты! Я почувствовал во рту отвратительный вкус.

Под прикрытием вытянутого амбара я бежал на запад. Шнайдера я увидел на другой стороне двора. Теперь по внутренней части двора ударила советская противотанковая пушка. Снаряды били во внутреннюю стену. Я миновал амбар и бежал дальше на запад. Теперь справа открыла огонь русская пехота с расстояния всего 100 метров. Пришлось залечь за

большой кучей навоза. И тут я почувствовал, что мне не хватает воздуха. Попытался выбраться из этого положения. Ничего не получается. Каждый раз шквальный огонь прижимал меня к земле. Во мне проснулся страх, простой страх. Я почувствовал, что должен принять неминуемое решение, и немедленно! Или меня возьмут в плен за этой кучей навоза, а потом застрелят, или я брошу вызов судьбе и побегу по открытому полю. Я бросил планшет и уперся стволом автомата в снег. Потом резко вскочил и побежал. Справа по мне открыли огонь. Я бежал дальше, пока глаза не застелила пелена. Если сейчас у меня сдадут нервы — я погиб. Я бежал настолько быстро, насколько это позволяли мягкая пашня и таящий снег. Взгляд направо чуть не заставил меня оцепенеть: параллельно направлению моего бега стояла цепь русских и, стреляя, приближалась ко мне.

Я бежал дальше. Мои шаги становились короче, я почувствовал, что силы оставляют меня, в глазах потемнело, и я успел только понять, что падаю. Как долго я лежал в раскисшем снегу, не знаю. Откуда-то издалека я услышал, как мне кричат:

— Вставайте! Вставайте!

А потом — автоматные очереди.

Когда я очнулся, то увидел стоящего рядом со мной лейтенанта Шнайдера, отстреливающегося от русских из автомата. Страх снова заставил меня подняться на ноги. Во рту у меня был вкус крови. Я плюнул и закашлялся. Снова полон рот крови.

Шнайдер и я снова побежали. Русские подошли ближе. Я ясно видел их небритые лица, болтающиеся полы их шинелей и слышал душераздирающий крик «ура!». Они стреляли от пояса. Пули свистели и щелкали вокруг нас. То, что нас еще ни одна не задела, было чудом.

Силы снова оставили меня. Я больше не мог. Колени подкосились, я свалился. «Это конец, — подумал я, — но Шнайдер должен спастись!» Я крикнул ему:

— Шнайдер, бегите! — и опять потерял сознание.

Когда я пришел в себя, Шнайдер менял магазин. Я с трудом поднялся. Мы заковыляли по раскисшей пашне, покрытой мокрым снегом. Снова у меня был полон рот крови. Я сплюнул. После припадка кашля кровь пошла сильнее. Наверное, открылось мое ранение в легкие, полученное в 1943 году.

Нам еще оставалось метров сто до спасительной складки местности перед лесом, в котором мы хотели скрыться и идти за советским авангардом, который атаковал Драймюль. Вторая волна русских, преследовавшая нас от имения Платтау, дышала нам в затылок. Русские продолжали стрелять. Опять ударила

противотанковая пушка. Вдруг я почувствовал удар в грудь под левой рукой. Я заметил, как горячая кровь потекла по ребрам, скапливаясь у брючного ремня. Но я еще мог идти. Страх поставил меня на ноги и погнал вперед.

Вот и лес. Мы добрались до него. Я постепенно начинаю понимать, что мы убежали от русских. Только сейчас! Русские, наверное, до верхнего края нижней губы были налиты водкой, иначе они в нас обязательно бы попали!

— Черт возьми, Шнайдер, без тебя бы меня прикончили! — вырвалось у меня.

— А я не мог тебя оставить, — ответил он.

Мы оба заметили, что безо всяких слов вдруг перешли на «ты».

Потом мы шли по лесу дальше на запад. То и дело мы останавливались и прислушивались. Куда мог пойти Штагун с остатками батальона? Лес казался мне неспокойным. То и дело слышался треск сучьев. Я предложил Шнайдеру выйти на южную опушку леса и идти вдоль нее. Где-нибудь должны же мы встретить немецкие войска. Мы вышли из леса и шли вдоль опушки след в след на юг. Вдруг Шнайдер показал мне на темное пятно впереди. Это мог быть сарай или танк. Держа пальцы на спусковом крючке, мы осторожно стали приближаться. Еще через 30 метров я услышал, как часовой в секрете лязгнул затвором и сразу после этого раздался окрик:

— Стой, кто идет?!

— Не стрелять! Немцы!

Мы осторожно приблизились и вышли к немецкому штурмовому орудию. Наверху в люке показался лейтенант:

— Кто такие и откуда?

— Старший лейтенант Кноблаух, 2-й фузилерный батальон «Герман Геринг», а это — лейтенант Шнайдер. Со вчерашнего дня мы находимся в подчинении 45-го гренадерского полка. Только что сорвались у русских с крючка. Идем из вон того леса.

— Черт, такого не может быть. Лес полон русских. У меня задача держать оборону по направлению к лесу, чтобы обеспечить открытой для отступающих подразделений дорогу Норденбург — Гердауэн. Через десять минут я уезжаю. Можете ехать со мной. Привезу вас на КП полка!

Наконец-то время пришло. Механик-водитель запустил мотор. Я получил место в штурмовом орудии, а Шнайдер разместился на броне. Покачиваясь, машина выбралась на дорогу. Я сидел на импровизированной скамеечке, пытаясь не удариться головой о броневые листы. Через щели между ними задувал холодный воздух и не давал мне уснуть от переутомления. Потом

я потерял сознание. Как сквозь туман я помню, что штурмовое орудие остановилось, заглушили мотор. Лейтенант похлопал меня по плечу:

— Приехали. Стоим у командного пункта 45-го гренадерского полка в Вандлакене!

Я почувствовал, насколько ослаб. Шнайдер помог мне выбраться из стальной коробки. Я помахал рукой лейтенанту:

— Большое спасибо!

Шнайдер и я зашли на командный пункт полка. В полутьме освещенной свечами комнаты было несколько офицеров и солдат. На столе лежала карта. Из кресла поднялся полковник — человек высокого роста. Он был награжден Рыцарским крестом. Наверняка это был командир 45-го полка. Я доложил:

— Старший лейтенант Кноблаух и лейтенант Шнайдер из 2-го фузилерного батальона дивизии «Герман Геринг». Мы прикрывали отход батальона из имения Платтау и теперь потеряли свою часть. Я прошу, господин полковник… — Дальше говорить я не смог, слабость навалилась на меня, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, полковник сказал мне:

— Лейтенант Шнайдер доложил мне о том, что произошло. Сейчас отправляйтесь к своему батальонному врачу, который находится здесь, в Вандлакене. Он снабдит вас необходимыми документами. Потом ищите ближайший сборный пункт для раненых. Батальон примет лейтенант Шнайдер. По состоянию на сегодня он — последний офицер фузилерного батальона. Ваши люди разместились в Линде. Это в километре к северу отсюда. Поезжайте!

Я нашел доктора Наумана, который оказал мне первую помощь и выдал карточку раненого. Ранение в грудную клетку оказалось пустяковым: рана длиной четыре сантиметра, словно разрез скальпелем. Легочное кровотечение было гораздо неприятнее.

— Никаких физических нагрузок! Не бегать! — посоветовал врач, хотя он знал, что этот совет невыполним в этих условиях. На машине мы со Шнайдером добрались до Линде. Солдаты разместились в домах. Поговорить было не с кем — все забылись сном, похожим на смерть. Мы со Шнайдером тоже постарались уснуть, несмотря на измотанные нервы.

26 января

8.00. Я услышал, как подъехала машина. Кто-то позвал лейтенанта Шнайдера. Шнайдер вышел на деревенскую улицу и сразу же вернулся обратно:

— Вызывают в Вандлакен за приказом. Батальон в 9.00 должен отсюда выступить в восточном направлении. Нас передали в подчинение командира боевой группы, который находится в 600 метрах от Линде в блиндаже. Разбуди, пожалуйста, людей, а то я спешу.

Разбудить солдат было не так-то просто. Я приказал построиться. По деревенской дороге мы пошли на север, к штабу боевой группы. Справа от нас, в Астрауэр-форсте слышался шум боя. Капитан, командир боевой группы, сидел в маленьком бетонном бункере. Я зашел и доложил о прибытии фузилерного батальона. Капитан нервничал от груза свалившейся на него ответственности. Без какого-либо введения он приказал немедленно выступить на западную окраину Форст-Астрау. Я постарался ему объяснить, что я в общем-то уже не в батальоне, а лейтенант Шнайдер сейчас должен подъехать с последним приказом из штаба полка. Тем не менее без скандала не обошлось. Чтобы не провоцировать его эскалацию, я покинул бункер. На выходе из командного пункта я встретил доктора Наумана и рассказал ему о препирательствах с командиром боевой группы:

— Доктор, сделайте из меня убитого и объясните капитану там, внутри, что я не в состоянии пробежать и десяти метров!

В этот момент принесли раненого. Он лежал на носилках, лицо его было бледно-зеленого цвета. Доктор обратился к носильщикам:

— Что с ним?

— Ранение в живот, господин капитан медслужбы!

Доктор Науман посмотрел на раненого. Под пупком было небольшое входное отверстие от пули. Крови не было. Доктор стал ощупывать живот раненого и вдруг, к моему удивлению, извлек из раны пулю. Она попала под кожу живота и застряла там, не причинив других повреждений. Раненый узнал о счастливом исходе дела, и цвет его лица сразу изменился на здоровый.

По дороге подъехало штурмовое орудие. На нем сидел лейтенант Шнайдер. Орудие остановилось, Шнайдер соскочил и подошел ко мне:

— Мы сейчас атакуем. Опушку леса вон там необходимо отбить, пока на ней не закрепились русские!

Мы попрощались с ним. Я пожелал Герту Шнайдеру всего хорошего и отправился на сборный пункт раненых.

Путь из Восточнопрусского котла в рейх

В помещении небольшого дома лежали и сидели раненые. Выдавали теплый напиток. Все ждали, когда их отвезут на санитарных машинах дальше.

16.00. До сих пор не подъехала ни одна машина. Я забеспокоился. Если русские прорвутся под Вандлакеном, то перебьют здесь нас всех. Ветер доносил до нас шум боя. Я разыскал обер-фельдфебеля, управлявшего этим заведением:

— Вы рассчитываете отправить всех на санитарных машинах или другим транспортом?

Он печально посмотрел на меня:

— Я больше уже об этом не думаю, господин старший лейтенант!

Этого мне было достаточно. Я захватил кусок черствого хлеба и отправился по дороге в Гердауэн. Багажа у меня давно уже не было.

16.40. Стемнело. Передо мной справа от дороги располагалась маленькая деревенька. Я подошел поближе и прочитал на указателе название: «Претлак». В затемненном окне я увидел лучик света. Я подошел к дому, постучался и вошел. На кухне я застал супружескую пару и дочь. Мужу было лет пятьдесят, дочери — лет пятнадцать. Женщина была неопределенного возраста. Они сидели за столом и смотрели на пламя догорающей свечи. Когда я вошел, мужчина поднялся и придвинул мне стул.

Эти люди были беженцы. По ним было видно, что они находятся в безвыходном положении и должны принять тяжелое решение. Чтобы прервать молчание, я спросил, одновременно обращаясь к родителям и дочери:

— Вы хотите здесь переночевать или сегодня же пойдете дальше на восток?

— Этого мы еще не знаем, — ответил мужчина на грубом восточнопрусском диалекте, — мы вообще больше ничего не знаем!

Он резко встал и стал ходить тяжелыми шагами взад и вперед по комнате. Вдруг он остановился и обратился ко мне:

— Но вам я, конечно, могу сказать. Я был ортсгруппенляйтером [5] неподалеку отсюда. Жители нашей деревни уже неделю назад эвакуировались. Я со своей семьей остался. Я как ортсгруппенляйтер ведь не мог же убежать просто так. И уж конечно же, не в первой колонне! А теперь мы здесь и

не знаем, что будет дальше. До последнего момента я думал, что фюрер не бросит нас в беде.

А потом тихо добавил:

— Он нас предал!

Я не прерывал речь этого человека, годившегося мне в отцы. Этот человек потерял не только свою родину. Он потерял веру во все, что прежде казалось ему священным.

Чтобы не продолжать дальше этот разговор, я спросил о дороге на Гердауэн — Шиппенбаль.

Мужчина схватился за свой портфель. Когда он вынимал карту, на стол выпал пистолет калибра 7,65. Мы посмотрели друг на друга, и мой собеседник, указывая на пистолет, опять начал говорить:

— И это вы должны знать! В руки русским мы не дадимся!

Эти слова за последние месяцы я слышал очень часто. Здесь я ничего поделать не мог. И помочь этим людям тоже мне было нечем. Я медленно поднялся. В дверях я еще раз обернулся и глянул в печальные глаза. Не прощаясь, я вышел на улицу. Меня знобило.

У обочины остановился грузовик. Водитель, обер-ефрейтор, изъявил готовность меня подвезти. Мы проехали через Альтендорф на Гердауэн. На окраине населенного пункта нас остановили. По металлическим горжетам на груди издалека было видно, что это пост полевой жандармерии. Водитель показал свою путевку, а я — карточку раненого. Не было никаких вопросов, и мы смогли ехать дальше. Гердауэн остался позади. Теперь мы были на дороге в Бартенштайн. Еще через десять километров водитель остановил грузовик.

— Господин старший лейтенант, здесь моя часть. Дальше я не поеду.

Я поблагодарил и вышел из машины.

По дороге длинной колонной на юго-запад тянулись повозки беженцев. Подморозило. Снежная каша на дороге превратилась в гладкий лед. В таких условиях я мог идти только очень медленно. Чтобы уберечься от резкого ветра, я шел за телегой. Лошадям на копыта намотали платки, чтобы они не скользили. Вместе со мной группами и поодиночке по направлению на Шиппенбайль шло еще несколько солдат.

То, что я здесь видел, потрясало: апатично ковылявшие солдаты разваливающейся армии и колонна беженцев, понимавших, что потеряли свою родину и двигаются навстречу неизвестности.

Мы проезжали через какой-то хутор. Старик на козлах телеги сказал мне, что это — Дитрихсдорф. Через полчаса я

почувствовал, что идти дальше у меня не остается сил. Ноги меня не слушались. Я стоял на пороге полного истощения. Если я здесь упаду, помощи мне ждать не от кого. Я не мог больше примеряться к ходу лошади и остановился. Повозка двигалась дальше. Горизонт за мной светился от артиллерийского огня. Несмотря на темноту, в стороне от дороги я разглядел здание и пошел к нему. Это был сарай.

Я понял, что здесь надо остановиться, чтобы набраться сил. Голод усилился. Я осторожно открыл дверь и вошел. К своему удивлению, я увидел, что сарай полон солдат. Все места на полу были заняты. Я не мог поставить ногу, чтобы на кого-нибудь не наступить. Я закрыл за собой дверь и остался стоять, чтобы послушать. Хотя я ничего не видел, но чувствовал, что сарай до отказа наполнен. Дышать было нечем. Я присел на корточки, а минут через пятнадцать отвоевал место на полу. Несмотря на усталость, сначала я не мог уснуть. Я думал о моем положении. Если я хочу выбраться из Восточнопрусского котла, мне необходимо достаточно сил и смелости, чтобы идти на риск. Тот, кто позволяет событиям увлечь себя, наверняка погибнет. Наконец сон сморил меня.

27 января

От холода меня начало трясти. Я проснулся и глянул на светящийся циферблат моих часов: без чего-то пять! Я медленно поднялся, осторожно пробрался к двери и вышел на улицу. Было еще темно. Перед сараем я размял свои затекшие ноги и пошел к дороге.

Далеко позади в небе висели осветительные ракеты. Южнее слышался шум боя. Если солдаты в сарае своевременно не проснутся, их разбудят «Иваны».

Дорога была пустынной. Ни единого человека и ни единой повозки. Я медленно шел дальше и, не доходя Шиппенбайля, наткнулся на стоящий на обочине грузовик. Водитель взял меня с собой.

6.30. Мы приехали в Бартенштайн. Перед зданием больницы я вылез. Больница была переполнена. Я получил место на матрасе, на полу, и первую горячую пищу за много дней: перловый суп. Потом я завалился на матрас и сразу уснул.

Я проснулся от шума. Я вышел в вестибюль, чтобы выяснить, что случилось. Фельдфебель-санитар сказал мне, что сегодня утром тяжело раненных отправляют на импровизированном санитарном поезде в Хаф.

— К чему такая спешка, — хотел бы я знать.

— Русские вчера взяли Лётцен и наступают на Растенбург. До

Бартенштайна им осталось только два дневных перехода. Я слышал, что «Иваны» стоят у Эльбинга. Если это так, то мы отрезаны от рейха. На самом деле!

Способные идти длинной колонной отправились к вокзалу. У многих были ранения ног. На самом деле они были вовсе не ходячие. Понятный страх перед русскими заставил их идти. На станции стоял товарный поезд. Мы забрались в товарные вагоны. В них лежала солома. Старая прелая солома. Я сразу лег и вытянулся, чтобы отдохнуть. Я сказал себе, что сейчас самое главное — набраться сил для тех трудностей, которые, без сомнения, мне еще предстоят.

11.30. Поезд тронулся. Стало теплее, пошел сильный снег. Поезд шел очень медленно. Мы проехали Хайльсберг и в 22.00 прибыли в Ландсберг. Поезд остановился.

Я взял свою маленькую карту Восточной Пруссии и карманный фонарик. Я заметил, что мы ехали не на запад, а на север. Неужели русские заняли уже Вормдитт?

Через час поезд пошел дальше. Голод становился все сильнее. Пить тоже было нечего. Незадолго до полуночи мы остановились на перегоне. Я попытался заснуть.

28 января

Я проснулся от голода. 7.00. Мы по-прежнему стоим на перегоне посреди леса. Я ужасно замерз. Ветер доносил шум боя.

У стены вагона на ящике сидели майор генерального штаба и пожилой капитан. Из разговора двух офицеров я понял, что 4-я армия, в которую мы входили, окружена. Русские стоят под Кёнигсбергом и западнее Фрауэнбурга вышли к Фрише Хаф. Так точно и ясно я еще не слышал, чтобы говорили об обстановке.

Раненые, лежавшие, как и я, на полу вагона, слышали этот разговор. Реакция была различной. Часть оставалась апатичной в обманчивой безопасности товарного вагона. Другие проявили беспокойство и начали обсуждать возможности, позволяющие избежать плена.

Только во второй половине дня наша поездка продолжилась. В 20.00 мы проехали Цинтен. Поезд снова остановился. Я вылез из вагона и наелся снега, чтобы утолить жажду. Ветер снова загнал меня в вагон. Я лег и попытался уснуть. Напрасно. Я думал о своем батальоне и о Герте Шнайдере. Я думал об убитых, фамилий которых так и не узнал. Быть может, уже никого нет в живых, кто бы мог сообщить родственникам об их гибели.

29 января

Со скоростью пешехода мы проехали через Хайлигенбайль и

ранним утром остановились у платформы Браунсберга. Тем временем рассвело.

Сказали, что сегодня поезд разгружаться не будет. Это одновременно означало, что и сегодня не дадут ничего ни есть, ни пить. Я вышел из вагона, чтобы осмотреться. Возможности умыться здесь не было.

В полдень я отправился на окраину города. Вынужденное бездействие меня нервировало. В надежде, что удастся помыться, я позвонил в дверь одной из квартир. Открыла женщина среднего возраста. Я изложил свою просьбу.

— Заходите, — пригласила она меня.

В прихожей стоял гардероб с зеркалом. Я глянул в него и увидел только тень от самого себя. Гостеприимная женщина открыла дверь в ванную комнату, дала мне мыло, полотенце и сказала, что там еще есть бритвенный прибор ее сына, который полгода назад пропал без вести в Нормандии.

Когда я брился, мне вдруг пришла в голову мысль, что осталось всего несколько дней до того, как перед этим зеркалом будет бриться «Иван». Естественно, в этой квартире он будет не только бриться. Невыносимая мысль.

Когда я поблагодарил и собирался идти, женщина снова заговорила со мной:

— Скажите, а вы не знаете, какая обстановка в Венгрии? Там мой муж, а я уже очень давно не получаю почты.

— Сожалею, но об обстановке в Венгрии информации у меня нет. Мы едва знаем, что происходит здесь, в Восточной Пруссии. Известно только, что мы окружены.

Когда я прощался, увидел ее озабоченное лицо.

30 января

Поезд все еще стоит у платформы в Браунсберге. Путь для следующих за нами поездов не освобождают. Просто никаких поездов больше нет. Коршен уже, по-видимому, находится в руках у русских. Авангарды их танковых соединений стоят уже у Хайльсберга.

31 января

Наконец-то нас пригласили побывать в лазарете. Длинной колонной мы отправились в центр города.

Обстановка в лазарете была катастрофической. Никто ничего не мог делать. Просто условия были сильнее доброй воли ответственных лиц. Раненые лежали не только в койках, но и на полу в палатах и в коридорах. Мне удалось занять место на ступеньке лестницы.

На обед дали жидкий суп. Сестры католического ордена и медицинский персонал старались как-то облегчить положение раненых. Персонал лазарета останется здесь до тех пор, пока не придут русские, хотя такое достойное восхищения поведение не гарантирует, что удастся предотвратить летальный исход раненых, что являлось почти обычным делом при их захвате русскими. Вечером стало известно, что способные идти должны будут пешком по льду Фрише Хаф добираться до Нерунга. Мне оставалось только надеяться, чтобы решение об этом было принято поскорее, пока лед еще держит.

1 февраля

Ночь я провел, дрожа у входа на лестницу в лазарете. В коридорах и помещениях стоял отвратительный запах из смеси пота, эфира, мочи и гноя.

Чтобы выяснить обстановку, пока это вообще возможно, я вышел на окраину города. Из Фрауэнбурга подъезжали колонны беженцев и отправлялись на Браунсберг. Я заговорил с одним стариком и узнал, что беженцы хотели двинуться на Эльбинг, но уже за Фрауэнбургом наткнулись на фронт окружения. А теперь старик хотел отправиться в больницу, потому что его внучка сегодня или завтра собирается родить.

Канонада заметно приблизилась. Я забеспокоился. Близость русских стала ощутима.

Регулярно санитары проносили мимо меня носилки с теми, кто отправился в мир иной, избавившись от дальнейших мучений и переживаний.

12.00. Внутреннее беспокойство принудило меня снова выйти на улицу. К своему удивлению, я встретил повозки беженцев, которые вчера утром отправлялись из Браунсберга на восток, а теперь опять двигались в направлении Фрауэнбурга. Лица беженцев выражали отчаяние. Под Грюнау колонну обстреляли штурмовики.

В лазарете люди вели себя так, словно шли навстречу гибели. Медицинский персонал заметно нервничал. Только орденские сестры демонстрировали спокойствие, хотя именно им, учитывая менталитет красноармейцев, была уготована ужасная судьба.

2 февраля

Ночь прошла. Стекла в окнах дребезжали. Артиллерийские снаряды рвались пугающе близко. Я побывал в канцелярии, чтобы разузнать о возможности отправки. Капитан медицинской службы грубым тоном спросил:

— Что вам здесь надо?

— Как раненый, способный идти, ищу возможности покинуть Восточнопрусский котел!

Врач резко обернулся ко мне:

— Мы здесь остаемся, и вы здесь останетесь!

Я разозлился:

— Я не разделяю вашего мнения, господин капитан медицинской службы! У вас здесь есть задача, а у меня — нет!

Я решил найти другой лазарет. Когда пришел туда, как раз собирали группу «ходячих» раненых. При них был старший лейтенант медицинской службы. Я предъявил свои документы. Врач кивнул:

— Вы пришли как раз вовремя! Поведете группу. В ней 40 раненых. Отправляетесь на Фрауэнбург, когда зайдет солнце. Это около 18 часов. Надеемся, что лед вас еще выдержит!

Наконец-то время пришло. Я приказал построиться и всех снова пересчитал. Теперь было 43 человека. Нас скрыла темнота. Сильный ветер дул нам навстречу с Хафа. По имперской дороге № 1 мы размеренным шагом отправились на Фрауэнбург. О том, чтобы идти маршем, не могло быть и речи. Среди раненых были те, у кого были ранения в ноги.

Темп марша становился все медленнее. Люди выбивались из сил. Делать привал при такой погоде было совершенно невозможно.

В 21.00 впереди показались первые дома Фрауэнбурга. 9 километров мы прошли за три часа. Здесь, во Фрауэнбурге, в XVI веке жил Коперник. Для нас, пришедших сюда из последних сил, было совершенно безразлично, вращается ли Земля вокруг Солнца или наоборот. Нас интересовало только, достаточно ли толст еще лед на Хафе.

Поселковый комендант указал нам на пол одного из домов поблизости от Хафа. Люди повалились и сразу уснули. Я разыскал комендатуру, чтобы выяснить обстановку. Пожилой капитан заявил мне, что не ручается за то, что мы сможем отправиться маршем через Хаф. Лед крошится. Кроме того, поверх него стоит вода, местами высотой до 60 сантиметров. Он отправил меня со словами:

— Я вас проинформирую, если увижу, что у вас будет шанс.

Я вернулся к своим раненым и попробовал уснуть. На улице свистел ветер, и где-то совсем рядом слышалась канонада.

3 февраля

Полночь миновала. Внизу в доме меня окликнули. Я вскочил и спустился по лестнице в прихожую. Передо мной стоял ефрейтор:

— Поселковый комендант открыл для вас дорогу через Хаф. Я еще должен вам сказать, что вам нужно прийти в Нерунг до восхода солнца. Если вы не успеете, попадете под огонь русских.

Я поднял подчиненных мне раненых на ноги. С подветренной стороны дома я построил их и объяснил еще раз:

— Сейчас мы пойдем по льду Хафа. До Кальберга это около 15 километров. Идем по трое, и каждые держатся друг за друга. Я хочу сказать, что ветер на открытом пространстве, на льду, настолько силен, что одного человека может сдуть. Каждый заботится о своем соседе. Вперед! Марш!

Уже через несколько минут мы подошли к Хафу. Матово поблескивала двигавшаяся поверх льда под ударами ветра вода. Глубина была по колено.

«Выдержит ли лед?» — такого вопроса никто не задавал.

Заботу об ориентировании я вскоре с себя снял. На льду лежали останки тех, кто до нас предпринял попытку пересечь Хаф, чтобы спастись от русских. Мертвые лошади и люди, повозки и разбросанный багаж указывали дорогу на Нерунг.

Лейтенант Герт Шнайдер, начальник связи 2-го фузилерного батальона. Пропал без вести во время оборонительных боев у Вандлакена и Хайлигенбайля в феврале 1945 г.

Мы уже час шли по льду. Холода воды я уже не чувствовал. Кто здесь раскиснет — тот погиб. Колонна сильно растянулась. Я не знал, кто идет передо мной, а кто — позади. Порывы ветра били мне в лицо. На моей правой руке повис боец. Мы поддерживали друг друга и пробивались по воде через бурю.

В 4.10 перед нами оказался расчищенный ото льда для прохода кораблей фарватер. Мы пошли к деревянному мосту. Солдат, шедший со мной спросил:

— Что бы вы делали, если бы не нашли этот мосток?

— Послушайте, спросите это у меня, когда закончится эта война и мы выживем, если еще выживем!

6.00. Чувствую, что силы меня оставляют. Страх перед русскими гонит меня дальше. Порывы ветра валят нас с ног.

7.00. Боец рядом со мной:

— Я больше не могу!

— Я тоже больше не могу! Но вместе мы можем и дойдем! — с трудом выдавил я из себя, хотя уверенности в сказанном у меня не было абсолютно. Отчаянно собрав последние силы, мы делали за шагом шаг.

Вода стала мельче, может быть, сантиметров тридцать глубиной. Перед нами в темноте лежали две разбитые телеги, наполовину они погрузились в воду. Перед ними лежали приконченные лошади. Когда мы подошли поближе, увидели трех мертвых — двух женщин и одного мужчину.

На востоке горизонт начал светлеть. В тумане был виден берег Нерунга. Мы собрались с последними силами и ускорили свои шаги.

8.30. Я поставил ногу на берег Нерунга. Перед нами был Кальберг. За мной шло еще несколько солдат. Их осталось очень мало. Кто этой ночью захлебнулся на льду, свалившись от изнеможения в воду, никто и никогда не узнает.

Я замерзал. Мокрые ноги, ледяной ветер и пустой желудок делали свое дело. Мы шли дальше на запад. Справа от дороги длинными густыми рядами лежали те, кто не смог выжить в эти дни во время бегства от русских, кто погиб от огня советских штурмовиков и бомбардировщиков. По обуви я видел, что среди них было гораздо больше гражданских, чем солдат. Вид мертвых детей заставлял меня внутренне леденеть. Через 6 километров мы вышли к Прёббернау. Здесь решили сделать первый привал. Сил идти дальше больше не было.

Мы разместились в деревенской гостинице и получили горячий напиток. Кто это организовал, для меня осталось тайной.

Со мной еще осталось 19 человек из моей команды раненых.

Мы легли пораньше спать, чтобы отдохнуть и собраться с силами для дальнейшего марша.

4 февраля

9.00. Я собрал свою команду.

— Всем слушать меня! Сейчас мы выступаем, чтобы уйти подальше от Нерунга. Кто идет быстрее меня, может меня не ждать. Быть может, речь идет о минутах, которые позволят уйти нам от русских!

Длинной колонной мы отправились на запад. Через полчаса рядом со мной осталось всего несколько человек. Идти в промокшей обуви было совершенно невозможно. Передо мной шла пожилая супружеская чета. Он, по-видимому, был учителем-пенсионером. За собой они везли маленькую тележку с чемоданом. Женщина несла туго набитую сумку, а мужчина — рюкзак. Они несли то, что нажили за свою долгую и многотрудную жизнь и сочли самым необходимым. Мы были неподалеку от Фогельзанга, когда я услышал позади шум низко летящего самолета. Я крикнул:

— В укрытие! Ложись!

У меня чуть глаза не вылезли на лоб: на фюзеляже «Ju-188» я увидел крест и знак 5F + M, опознавательный знак 4-й эскадрильи 14-й группы. Товарищи из эскадрильи Мюнхгаузена были так близко и не могли помочь!

12.15. Чета пенсионеров снова попала в мое поле зрения. Усталой походкой пожилые люди шли передо мной. Тележку с чемоданом они бросили. У мужчины остался только рюкзак. Что еще им оставалось делать? Такова была судьба многих.

Около 16 часов. Мы дошли до Боденвинкеля. Большая часть потока беженцев из Нерунга вышла на просторную местность западнее Фрише Хаф. Необозримое море людей — военных и беженцев — остановилось здесь на привал. Примечательно, что многие почувствовали здесь себя в безопасности.

Я отдыхал несколько минут. При мне оставалось пять человек. Движимый внутренним беспокойством, я вынудил себя снова выйти на дорогу.

Штуттхоф! Как дело пойдет дальше — неизвестно. Я постарался разузнать, кто здесь командует, — безнадежная задача!

Стоявшие, сидевшие и лежавшие вокруг меня люди были настолько апатичны, что не были способны реагировать ни на что, если это для них лично не представляло угрозы. Многие даже не знали, где находятся.

Словно дальняя гроза, с юга к нам приближалась канонада.

Стемнело. Если вскоре ничего не произойдет, то через некоторое время мы, обессиленные и изможденные, попадем к русским. Я взял карту и подумал, как я еще сумею выйти к своим войскам. Это будет лучше, чем ждать, ничего не предпринимая, пока русские всех не захватят, а ждать этого осталось недолго.

Вечером, около 19 часов, нам предложили отправиться на вокзал. Я сразу же приободрился и заметил, что, несмотря на упадническое настроение, у людей появилась какая-то надежда.

В 19.20 я вместе со многими другими сел на поезд узкоколейки. У всех была надежда.

21.00. Мы все еще стояли на вокзале в Штуттхофе. Проснувшаяся было надежда рассеялась. После двух часов напрасного ожидания я уже почти осмелился выйти из поезда, как вдруг локомотив развел пары и поезд действительно пошел. Было уже 23 часа.

Пути были проложены почти параллельно имперской дороге № 129, которая вела на юг. Ехали мы довольно медленно. Поезд то и дело останавливался на перегоне. Впереди, на юге, вспыхивали зарницы. Там фронт. И это было совсем недалеко от нас.

5 февраля

После долгой медленной поездки поезд остановился. Нам предложили выйти из вагонов. На здании станции я прочитал: Тигенхоф. Усталая масса раненых и отставших от своих частей выкатилась из вагонов. На перроне резким командным голосом отдавались приказы:

— Становись! Строиться без различия званий!

Я специально пробрался вперед, чтобы посмотреть, что здесь происходит. У края платформы стояла команда из войск СС с автоматами наперевес. Тех, у кого не было карточки раненого, отсортировывали. Меня со многими другими оттеснили на другую платформу и потребовали сесть в узкоколейный поезд.

Около 3.00 сортировка на платформе была завершена. Поезд медленно тронулся и покинул станцию Тигенхоф. Нас должны были довезти до Диршау.

Через некоторое время я заметил, что мы едем на запад, к Висле. Ехать через Нойтайх было бы ближе. Неужели Нойтайх уже в руках русских? Со скоростью пешехода мы ползли через ночь. В вагонах было чертовски холодно. Любая ночь когда-нибудь проходит, прошла и эта.

Уже рассвело. 8.00. Мы остановились на маленькой станции. Я вышел, чтобы размяться. Железнодорожник сказал мне, что мы здесь находимся в Лихтенау, в 8 километрах от Диршау. Фронт

слышался неподалеку.

Диршау! «Всем сойти с поезда!» — послышался однозначный приказ.

Длинными колоннами мы пошли (скорее, потащились) по городу к городскому лазарету. Многие уже самостоятельно не могли идти, они поддерживали друг друга или опирались на сломанные сучья деревьев. Марш раненых представлял собой картину страданий. Остатки разгромленной армии, собранные вместе, чтобы еще раз сделать зримой будущую гибель рейха.

По обочинам дороги стояли местные жители — женщины, дети и старики. Отчаяние было на их лицах, они чувствовали надвигающуюся катастрофу. Здесь тоже было известно о резне, учиненной Красной Армией в Неммерсдорфе, Шульценвальде и в других местах. А теперь русские были в нескольких километрах от Диршау. Слабые части прикрытия будут сражаться до последнего вздоха, но все равно не предотвратят этой катастрофы.

Наконец-то добрались до лазарета. К моему глубокому удивлению, я получил койку и настоящую постель! Хотя простыни не были идеально чисты — кое-где запачканы кровью. Но это уже были пустяки! Я снял ботинки и растянулся. От изможденья, которое я почувствовал только сейчас, я моментально провалился в глубокий сон.

Кто-то меня будил. Я с трудом пришел в себя. У койки стоял незнакомый санитар-ефрейтор.

— Вставайте, господин старший лейтенант! Внизу во дворе ждет санитарная машина. Одно место в ней еще свободно. Мы едем на вокзал, через полчаса поезд отправится дальше в рейх!

— Большое спасибо! Я смертельно устал и хочу еще немного отдохнуть!

Ефрейтор настаивал:

— Вы должны ехать, это, может быть, последний поезд!

— Нет, спасибо, я не хочу!

Ефрейтор пожал плечами и ушел.

Я заметил, что нахожусь в таком состоянии, что уже не способен правильно оценивать окружающую меня опасность.

Через полчаса незнакомый ефрейтор снова стоял у моей койки:

— Господин старший лейтенант, у меня еще одно место в кабине санитарной машины. Это действительно последняя возможность добраться до вокзала!

К этому времени во мне снова проснулся инстинкт самосохранения. Я вскочил, обул ботинки и отправился во двор за ефрейтором.

Санитарная машина отвезла меня вместе с другими ранеными на вокзал. Я поблагодарил водителя «санитарки» и сел в поезд, который вскоре тронулся. Сразу за Диршау поезд снова остановился. У меня было впечатление, что руководители движения не знали, какие пути еще свободны. И только с наступлением темноты поезд пошел дальше, но очень медленно. Около полуночи мы прибыли в Картхаус и остановились. В вагонах было ужасно холодно. Дальше проехали только во второй половине дня. Если и дальше будем ехать с такой скоростью, то русские нас наверняка догонят. Вдоль побережья мы ехали на запад. Был постоянный страх, что русские танки нас обгонят.

10 февраля

8.00. Мы доехали до Гамбурга и остановились. Мощные налеты авиации повредили пути. На пути из Картхауса в Гамбург в вагоне разыгрывались человеческие трагедии. Раненые, не получавшие своевременную медицинскую помощь, умирали от сепсиса. Они скромно и просто умирали в собственном дерьме. Высшим пунктом происходившего стало рождение ребенка. Семнадцатилетнюю мамашу вместе с новорожденным высадили на маленькой станции у померанского побережья.

Вечером мы приехали в Гамбург. Ганзейский город лежал в руинах.

11 февраля

23.00. Мы приехали в Ольденбург, и, к нашему удивлению, нас сразу выгрузили. Вой сирен воздушной тревоги сопровождал наш переезд в лазарет. Наплыв раненых был настолько велик, что ответственные за него уже больше с ним не справлялись.

14 февраля

Впервые за несколько недель я слушал новости. Вчера соединения союзных бомбардировщиков нанесли мощный удар по Дрездену. Потери среди мирного населения необычно высоки. Наш фронт на западе испытывает сильный натиск. Все выглядит очень плохо.

Я получил отпуск и поехал в Ганновер. В ночь с 18 на 19 февраля я приехал в свою семью. Впервые я увидел своего сына. Он родился 10 февраля. Задумчиво стоял я над его колыбелью. Он еще ничего не знает о катастрофе, во время которой он родился. А я сознаю свою беспомощность. Какие ожидания я связывал с рождением сына? Высокие ожидания! Осталось только одно — что будет продолжатель рода, если на своей конечной фазе война все же изымет меня из обращения.

20 февраля

Рейх находится под постоянными бомбардировками англо-американской авиации. В Бреслау идут бои. Кажется, город оказался в окружении. Население живет между рабочим местом, квартирой и бомбоубежищем.

21 февраля

Я стараюсь получить место в каком-нибудь лазарете в Ганновере, чтобы быть рядом с семьей. Шансы очень небольшие.

20.55. Воздушная тревога. Отвратительно воют сирены. Сына кладут на подушку, а потом прячут в сумку. Остальной багаж находится в постоянной готовности. Мы спешим вместе с остальными жителями округи в бомбоубежище на Валленштрассе. Бетонный подвал дает чувство обманчивой безопасности. Люди садятся на скамейки и надеются, что и эта ночь обойдется без прямых попаданий.

Воздух плохой и спертый, никто почти не разговаривает. Я чувствую, что вопрошающие взгляды направлены на меня. Незаданный вопрос витает в пространстве: «Как долго мы еще должны это выносить?» Были еще взгляды, которые меня спрашивали: «Почему вы, военные, просто не положите этому конец?»

Рабочий рядом со мной и многие другие, сидящие в полутьме бомбоубежища, завтра рано утром снова должны будут стоять на своем рабочем месте и выпускать военную продукцию, несмотря на эти мучительные вопросы.

1.15. Отбой! Усталые и разбитые, мы возвращаемся в свою квартиру. Имперская почта, несмотря на разбомбленные коммуникации, за редким исключением, работает безукоризненно. Только сегодня я узнал, что мой товарищ Петер Пресбер в апреле 1944 года, летчик-истребитель 1-й эскадрильи 3-й истребительной эскадры был сбит над территорией рейха во время боя с бомбардировщиками союзников. Пресбер был сыном писателя Рудольфа Пресбера, автора «Коронованной любви», утонченный, чувствительный человек, великолепный товарищ. Теперь он погиб в воздушном бою. Быть может, в роковую секунду, держа противника в перекрестии прицела, он задумался над тем, что уничтожит жизнь или несколько жизней. И за эту человечность заплатил своей жизнью. Потому что он не ведал, что такое ненависть!

3 марта

2.00. Мы пришли из бомбоубежища. Бомбардировщики

союзников совершили налет на Ганновер. Окраины города тоже пострадали. Между улицами Бартольда и Хазельбуш упали несколько бомб. Повреждено много домов. В доме моих родителей выбило почти все стекла, а черепицу с крыши сбросило во двор.

6 марта

20.45. Воздушная тревога! Все отработано: сына — в сумку, чемоданчик — в руки и быстро в бомбоубежище. Перед входом толпятся люди. По небу скользят лучи прожекторов. Вдали уже застучали зенитки. Надо торопиться!

В толпе сосед не прочь покаламбурить: «Лежу с моей Аннет, забрался под корсет, прижался к теплой попе — воздушная тревога! Семейной жизни нет!»

Мы уже заняли места на скамейках, вдруг в углу позади нас закричала женщина:

— Мой ребенок! Мой ребенок!

Она проскочила мимо нас и побежала к выходу. Я пошел за ней, чтобы помочь, если ей понадобится. От входа она с ребенком на руках уже шла мне навстречу. По ее щекам бежали слезы. Что случилось? Она положила двухмесячного ребенка в подушку и крепко прижала к себе. В сутолоке у входа он выскользнул из подушки, так что она не заметила. За ней по лестнице прошло больше сотни людей, в том числе и тот, кто лежал со своей Аннет. Ребенок совершенно не пострадал! Зная о жестокостях войны, я часто задавался вопросом: есть ли вообще милостивый бог? После этого случая я отвечал на этот вопрос положительно!

7 марта

Верховное главнокомандование вермахта извещает: «…в Кёльне идут ожесточенные уличные бои… со времени начала крупного наступления между Рёром и Рейном 23 февраля подбито более 700 танков противника…»

8 марта

Сводка вермахта сообщала: «На Аре развернулись ожесточенные бои с танковыми войсками противника, пытающегося прорваться к Ремагену…»

Почти каждую ночь мы проводим в бомбоубежище. Стоически население несло груз воздушного террора.

Несколько дней назад через громкоговоритель в бомбоубежище искали добровольцев, которые бы помогли при тушении пожара неподалеку. Вызвался я и отправился туда, где небо освещали пожары.

Над нами соединения британских бомбардировщиков летели на Берлин. На Пирмонтерштрассе горело несколько домов, рассчитанных на одну семью. По приставной лестнице я забрался к окну второго этажа одного из домов. В лицо мне пахнул жар. Снизу мне передали шланг, и сразу я направил струю воды на горящие стропила. Только у меня сложилось впечатление, что я взял огонь под контроль, как меня окликнули с земли:

— Вы что, с ума сошли? Хотите затопить мой дом? Спускайтесь немедленно!

Я медленно слез. Дом выгорел до каменных стен!

Получить место в ганноверском лазарете мне не удалось. 19 марта я отправился обратно в Ольденбург.

Воздушная тревога сопровождала нас постоянно. Днем и ночью соединения союзников, почти не встречая сопротивления, бомбили столицу рейха и другие крупные города.

22 марта

По радио сказали: «…под Оппенгеймом уничтожены танковые авангарды противника. В Вормсе идут тяжелые бои…»

24 марта

Стало известно, что наши войска в Венгрии севернее Балатона остановили наступление советских войск.

Навстречу концу

25 марта

Британские войска приближаются к Ольденбургу. Взгляды офицеров в моем окружении на то, что надо делать в такой обстановке, разошлись. Каждый принимал решение самостоятельно.

Как сильно я хотел, чтобы война побыстрее закончилась, однако смириться с мыслью о том, что здесь и сейчас придется сдаться в плен, я не хотел. Не сейчас!

По моей просьбе управление лазарета выдало мне предписание в запасную часть дивизии «Герман Геринг» в Файтене, северо-западнее Берлина. Незадолго до полуночи я сел в поезд. Железнодорожное сообщение в южном направлении многократно прерывалось. Мы доехали до Клоппенбурга и только во второй половине дня тронулись дальше. Над нами постоянно гудели бомбардировщики союзников.

27 марта

Наконец через Оснабрюк мы добрались до Лёне, севернее Херфорда. И здесь поезд окончательно остановился. Перегон был разрушен бомбардировкой. Мы сошли с поезда. Я решил идти дальше пешком по насыпи. Многие пошли за мной в этот ночной марш. Стадный инстинкт сработал и здесь. Через три часа мы пришли в Бад-Эйнхаузен. Там тоже нам никто не смог сказать, будет ли сегодня или завтра поезд. По-видимому, здесь уже за это никто не отвечал.

Я отправился к насыпи и пошел дальше. Мое «сопровождение» заметно поредело. За Влото нам встретился на пути товарный поезд. Мы сели на него и утром приехали в Хамельн. Дальше я уже не пошел, просто не мог физически, и отправился искать место для сна в военной гостинице.

28 марта

Обстановка на фронтах непонятная. Поезда на Ганновер не идут. На первых порах пришлось отказаться от своего намерения добраться до Берлина.

До полудня я приехал в Пирмонт. Я заметил, что положение мое небезопасно: обсуждать военные и политические события уже было невозможно. Сводки вермахта были запутанными. Американцы уже были в Дармштадте.

29 марта

Сообщения с фронта сбивают с толку: «…севернее Дуная наши войска отражают атаки противника. В северо-западных отрогах Татр наступление противника остановлено контрударом… Храбрые защитники Кюстрина ведут тяжелые самоотверженные уличные бои в старом городе… В Курляндии восточнее Либавы, северо-восточнее Фрауэнбурга и северо-западнее Доблена отражены мощные удары… На Нижнем Рейне после кровопролитных боев англо-американским войскам удалось войти в Хамборн… Моторизованные войска противника на узком участке фронта переправились через Вецлар и прорвались в районы Гисен — Марбург и Грюнеберга…»

30 марта

В Восточной Пруссии все еще идут бои. Что скрывается за текстом сухих сообщений, можно себе представить: сам там побывал. В сводке сообщалось: «…в районе Данцигской бухты у Вестерплатте и в Вислинской низменности идут тяжелые бои. После ожесточенных боев и разрушения портовых сооружений пали Готенхафен и Данциг… Части всех родов войск, подразделения снабжения и штабы сражаются на передовой… Благодаря этому боевому духу фронт армии не был прорван ни в одном месте, а противник был вынужден завоевывать каждый метр восточно-прусской земли ценой огромных потерь в живой силе и технике. Большевики в боях с 4-й армией потеряли с 12 января по 28 марта 2557 танков, 2734 орудия, 304 миномета, 82 самолета, 1172 пулемета и много тысяч пленными…»

Колонна советских войск, наступающая от Зееловских высот на Берлин

2 апреля

В Пирмонте слышится канонада. Я принял последнее решение. Пирмонт — город госпиталей. Здесь можно было бы совершить бесшумный уход. Но это было не так просто. Нельзя было просто объявить о прекращении своего членства, как в спортивном клубе. Плен? Не сегодня!

5 апреля

Я пешком вышел из Пирмонта. Поезда уже не ходили. Американцы стояли между Мюнстером и Детмондом.

По дороге на Хамельн тянулись авантюрно выглядевшие солдаты. Некоторые везли багаж в детских колясках. Я был избавлен от такой заботы — багажа у меня просто не было.

От Люгде доносился шум боя. Распространялись самые дикие слухи. Якобы американцы уже были в Хамельне. Чтобы не попасть в руки заморским братьям, перед маленькой деревушкой Вельсде я покинул главное шоссе и пошел по проселочной дороге, которая серпантином вела в горы западнее Везера. Отбившиеся от разных частей солдаты пытались вместе со мной «сорваться с крючка» у американцев. Через два часа мы вышли к Везеру у Гронде.

Американские истребители контролировали дорогу Хамельн — Хольцминден. Паром через Везер у Грондена был потоплен, а паромный трос перерублен. Я стал искать какое-нибудь средство, чтобы переправиться, и нашел ветхую лодку. Я с трудом попытался столкнуть ее в воду и вдруг услышал позади грубый окрик:

— Лодка останется здесь!

Я обернулся. Передо мной стоял старик с угрожающим лицом:

— Лодка — моя! Вы на ней не переправитесь! Война кончилась, а американцы сейчас будут здесь!

До моего уха долетало глухое урчание танковых моторов.

Я попробовал снова столкнуть лодку в воду. Старик приближался ко мне с жердью в руках. Положение стало критическим. Стрелять в человека, который думает, что защищает свою собственность, было для меня немыслимо. Но с другой стороны, я считал, что имею право сам определить время моего пленения. И я считал, что оно еще не наступило.

Чтобы не стрелять в старика, я решил сблефовать:

— Теперь послушайте меня! Если хотите сохранить свою лодку, тогда перевезите меня на другой берег. Потом можете поступать, как вам заблагорассудится. Остановить меня вы не сможете, в случае необходимости я применю оружие!

Старик молча согласился. Я вздохнул с облегчением!

Сильными гребками весел, которые я не доверил старику, я повел лодку к восточному берегу Везера. В поле зрения у меня был Гронде и улица, ведущая к паромной переправе. Если подойдут американцы, то только здесь! А вот и они: на проезде стоял «Шерман», потом он стал медленно ползти к берегу. Башня повернулась, пушка нацелилась на нас. Я глянул в отверстие ствола. От спасительного берега нас отделяли всего два метра. Старик пересел за весла и сделал сильный гребок. Я спрыгнул.

Промочив ноги, я быстро спрятался в укрытии. Старик теперь тоже был в безопасности. Я осторожно высунулся, американец не выстрелил, а то бы он просто сдул нас пушкой с лодки.

Люк «Шермана» открылся. Из него по пояс вылез командир, взял бинокль и посмотрел на нас.

«Эх, мальчик, мальчик! — подумал я. — В Восточной Пруссии ты бы такого не сделал, там бы ты просто не выжил!»

Я вышел на дорогу Хамельн — Хольцминден и тут же свалился в придорожную канаву — надо мной на бреющем пролетали американские истребители-бомбардировщики, стреляя во все, что придется.

Через 20 минут («Шерман» уехал назад) я встал и с несколькими солдатами, оказавшимися рядом, пошел по полю в Бёрри.

На окраине деревни нас встретили отчаянно жестикулирующие женщины:

— Быстро уходите дальше! Нам не нужны военные в деревне! Американцы сейчас будут здесь! Если здесь начнется стрельба, то в последний момент войны могут пострадать наши дети! И наше жилище может быть разрушено! Не хотим больше видеть немецких солдат!

Я хорошо понимал этих женщин, однако было больно сознавать, что солдата принимают только тогда, когда он выступает как победитель! И это справедливо по отношению к солдатам всех наций!

Я неприятно был поражен, когда увидел белые полотнища в окнах. Здесь я впервые увидел их во время войны с немецкой стороны и не смог удержаться, чтобы не сказать этим женщинам пары слов:

— Простыни, которые вы вывесили там, на флагштоках, настолько белые, что американцы их, безусловно, будут уважать. Может быть, вам удастся еще убедить «джи-ай», что на них никогда не висели флаги со свастикой?

Уязвленные женщины от нас отстали. Солдаты, стоявшие вокруг меня, заулыбались. Через Бессингхаузен я с несколькими

отставшими к 17.00 вышел на юго-западные склоны Ита. Под деревьями стояли замаскированные машины мотопехотной дивизии, вернее, то, что от нее осталось после боев в Западной Германии. Капитан, с которым я завязал разговор, рассказал мне, что с наступлением темноты дивизия продолжит отступление через Хильдесхайм дальше в Гарц. Он готов подвезти меня до Хильдесхайма.

В это время пошел сильный дождь. Мы дожидались спасительной темноты, потому что в светлое время суток по дороге не могла ехать ни одна машина, чтобы сразу же не стать добычей американских истребителей-бомбардировщиков.

18.45. Колонны пришли в движение. Сначала по серпантину надо было подняться на гребень Ита. Я сидел в открытом вездеходе мокрый до нитки. Мы остановились. Моторизованный разведывательный дозор выяснял обстановку на перекрестке в Хеммендорфе, так как во второй половине дня американские части уже видели на дороге Альфельд — Коппенбрюгге.

В 21 час для охраны Хеммендорфского перекрестка подошла гренадерская рота.

В 22 часа наша колонна быстро поехала и через тридцать минут уже стояла у восточной окраины Эльце. Была темная ночь. Дальше поехали очень медленно через Бургштеммен, Хайерсум, Химмелстюр.

Здесь, на северной окраине Хильдесхайма, я вылез из машины. Несмотря на темноту, я заметил, что город разрушен бомбардировками. И теперь это были руины, просто руины. Остатки стен лежали на улицах. В воздухе висел запах пожара. Было 23 часа, когда я вышел на дорогу, ведущую в Ганновер.

6 апреля

В 1.00 я пришел в Гросс-Ферсте. За затемненными окнами деревенского дома я заметил слабый огонек. Я зашел. В прихожей сидело несколько фольксштурмовцев. Член партии спросил меня, что мне надо. Я ответил, что в данный момент ищу место, чтобы переночевать, и больше — ничего.

С одной стороны помещения на полу лежали матрасы. Я лег и от усталости сразу же уснул.

6.00. Внутреннее беспокойство заставило меня проснуться и встать. Фольксштурмовцы предложили мне горячий напиток и кусок хлеба. Вскоре я уже шел по дороге.

В нормальные времена между Ганновером и Хильдесхаймом ходит 11-й трамвай. Сейчас ничего не ходило. В разных местах над трамвайными путями висели оборванные контактные провода.

Я быстро шел через пригороды в Ретен. К моей радости, там оказался трамвай, собиравшийся отправиться в Ганновер. Не оставалось ничего, как поехать на нем!

Советские самоходные артиллерийские установки с десантом пехоты на улице немецкого города

В Вальдхайме я вышел и отправился по южному берегу Машзее. Такое красивое в мирные времена озеро теперь в целях маскировки было покрыто зелеными плавающими матами. На них стояли искусственные деревья и кустарники. Эта маскировка помогала мало. Промышленные центры и жилые районы подвергались систематическим бомбардировкам. Целые районы города лежали в руинах. Потери среди гражданского населения были велики. У Лейне на южном берегу озера меня окликнул пожилой рабочий:

— Доброе утро, господин старший лейтенант! — В его голосе слышалась ирония. Он шел на работу — на завод ГАНОМАГ.

Я спросил его:

— Почему вы не едете на трамвае?

— Линии городского транспорта в городе разрушены. А шины моего велосипеда прохудились.

Я продолжал его допытывать:

— А почему тогда вы не остались дома?

И тут в ответ я услышал нечто примечательное:

— Я не коричневый, можете мне поверить, и война проиграна, но пока солдаты не сдались, я хожу на работу!

Я был смущен. Некоторое время мы молча шли рядом. Потом наши дороги разошлись. Рабочий пошел на ГАНОМАГ, а я —

домой.

7 апреля

Сводки вермахта становятся все более запутанными. Я добивался ясности и хотел для этого пойти в городскую комендатуру. На велосипеде я поехал в центр города. Дома я сказал, что через часок вернусь.

Жилые и деловые кварталы между Линден и Главным вокзалом лежали в развалинах. Бросалось в глаза, что на улицах попадалось очень мало людей. На вокзальной площади я свернул направо на Йоахимштрассе. Справа было здание комендатуры. Я зашел. На втором этаже я встретил ефрейтора:

— Где можно найти офицера?

— Здесь больше никого нет. Службы вермахта эвакуировались в Гарц. Мы остались последние и уезжаем сегодня во второй половине дня.

На улице послышался шум. Кто-то бежал вверх по лестнице:

— Американцы на Хильдесхаймерштрассе!

Я почувствовал, что побледнел. Я медленно спустился по лестнице и постарался привести в порядок свои мысли. И снова во мне возникло неприятие неизбежного: я не хотел сдаваться в плен!

Решение было твердым. Я сел на велосипед и поехал в сторону Эгидинторплац.

На Марienштрассе я услышал шум низко летящих самолетов. Я спрятался за остатками стены. И как раз вовремя. От Оперы, чуть не касаясь вершин уцелевших фасадов, зашли два истребителя-бомбардировщика, поливая все вокруг себя из пушек.

После такого вступления я поехал на Хильдесхаймерштрассе. От американцев — ни следа. То ли это было паническое сообщение, то ли американцы выслали разведывательный дозор, который заехал в город и тут же ушел назад.

Мне стало ясно, что как бы это ни казалось безумным, я должен ехать на велосипеде в Берлин. Меня смущало только то обстоятельство, что я не предупрежу своих домашних. Но в этих трудных условиях я был для моей семьи бесполезен. Если я останусь, то американцы меня все равно заберут.

Я отправился к Гинденбургским воротам. Улицы были пусты. В 11 часов я проехал Хёвер. Маленькое местечко словно вымерло. Не было видно ни единого человека. У меня возникло нехорошее чувство. Я медленно подъезжал к Бильму. В населенном пункте улица делала небольшой левый поворот. Сразу за ним в 30 метрах я увидел группу людей. Это были не немцы! Я слез с

велосипеда и оценил обстановку. Передо мной стояло около двадцати иностранных рабочих, наверное, поляков! Они появились и позади меня. Я почувствовал, как меня прошиб пот. Ехать назад я уже не мог. Лица мужчин не обещали ничего хорошего. В руках у них были жерди и дубинки. «Если бы у них было огнестрельное оружие, — подумал я, — то дубинки бы они не носили». Я выхватил пистолет и медленными шагами направился навстречу группе. Я подошел на 10 метров. Парни не двигались. Полные ненависти взгляды были направлены на меня. Если я сейчас сделаю что-то не так, будет катастрофа. Если я буду нападать, выстрелю, то в этом не будет никакого сомнения. Я остановился и сказал спокойно, но твердо:

— Освободить дорогу!

Свои слова я подкрепил движением правой руки с пистолетом Р-38.

По группе пробежало движение. Один за другим начали медленно отходить. Но не достаточно далеко. Если я попаду между двух фронтов — мне конец!

Ясным движением руки я потребовал, чтобы все, стоявшие на правой стороне улицы, перешли на левую. Мне повезло. Нервы у меня были лучше. Парни перешли на левую сторону. Я быстро провел велосипед по освобожденному проезду. Оглядываясь назад, я сел в седло и нажал на педали, чтобы сразу увеличить расстояние.

Я прорвался! У меня получилось! Позади я услышал дикие вопли и постоянные выкрики: «Немецкая свинья! Немецкая свинья!» Ну и что с того? «Немецкая свинья» уезжает на велосипеде, и ее торжественный забой не состоялся.

По сельским дорогам с плохим покрытием я ехал дальше. Зенде, Ретмар, Мерум. Я все время наблюдал за небом. У Хемелер-Вальда я выехал к автобану и у одного из переходов устроил небольшой привал. Я лежал на траве и смотрел в небо. Над Пайне летали истребители, само собой разумеется, американские. Немецких, наверное, больше уже нет.

Через двадцать минут я поднялся. Здесь я оставаться не должен. Я повел велосипед к автобану. Удивительное чувство: насколько хватает глаз — ни одной машины! Я сел на велосипед и покрутил педали на восток. Все полотно скоростной автодороги было предоставлено мне одному.

Велосипед мне подарил мой отец в 1936 году. Он верно служил мне до последнего школьного дня. А эта поездка была для него последней.

Мои мысли были прерваны гулом налетающего истребителя-бомбардировщика. И сразу перед собой я увидел его,

разворачивающегося на боевой заход. Оценил расстояние до ближайшего укрытия — 50 метров до путепровода. Успел как раз вовремя: очередь из бортовых пушек ударила по бетонному покрытию, камешки и отрикошетившие пули загудели в воздухе. Истребитель ушел в высоту, а я начал крутить педали к следующему переходу над автобаном. И снова своевременно достиг укрытия. Опять очередь по бетону. Некоторое время я продолжал лежать. Истребитель исчез за горизонтом.

Без приключений я добрался до Пайне. Через пару километров слева от меня было местечко Меердорф. Здесь летом 1938 года я отбывал «рабочую службу». Бараки сохранились до сих пор.

У Вендебурга я съехал с автобана. Я хотел подъехать к железной дороге. Педалями я накрутился досыта, а до Берлина было еще далеко.

18.10. Я стою на станции Изенбюттель-Гифхорн. Мне снова повезло. В 19.00 действительно пассажирский поезд отправляется на Берлин. Как далеко он сможет проехать — не знает никто. Велосипед мне удалось сдать в багажный вагон. К этому времени уже стемнело.

В Обисфельде в вагон вошли несколько пожилых женщин. С собой они несли тяжелые корзины. Я посмотрел на часы: 21.50! Здесь первая остановка. Никто не может сказать, пойдет ли поезд дальше.

Я попробовал уснуть. Над нами монотонно гудели соединения вражеских бомбардировщиков, летевших на Берлин. Бесконечные потоки бомбардировщиков, и никакой немецкой обороны.

8 апреля

Наконец-то поезд поехал дальше. Мои часы показывают 3.40. Мы едем по северному краю Кольбиц-Летцигской пустоши. Огромные сосновые лесные массивы по обе стороны железной дороги. Подъехали к Стендалю. Рассвело. В Стендале потребовали выйти из вагонов. Я получил велосипед и осмотрелся на платформе. Здесь все было спокойно. Может быть, война уже закончилась, а мы этого не заметили?

Оставаться там я не мог. Я счел правильным теперь отправиться к моим деду с бабушкой в Гросвудике. Это еще 25 километров по железной дороге. Я поехал по узкой пешеходной тропе, которая шла рядом с рельсами. Ехать по насыпи оказалось труднее, чем я думал. Мне постоянно приходилось слезать с велосипеда, чтобы огибать лужи грязи и переносить его через сигнальные устройства. В 7.10 я подъехал к пойме Эльбы севернее

Хемертена. Еще почти километр до железнодорожного моста, который проложен не только над рекой, но и над ее поймой.

У моста я наткнулся на саперную команду. Капитан окликнул меня:

— Молодой человек, куда вы собрались? Здесь охранная зона моста.

Когда я подъехал ближе, он увидел, что «молодой человек» — офицер. Он подошел ко мне. Я назвал звание и фамилию, добавив: «…следую в запасную часть в Берлин».

Сапер недоверчиво посмотрел на меня. Очевидно, он принял меня за ненормального:

— Вы хотите в Берлин? Думаете, что вы там еще нужны?

— В Берлине никто меня не ждет, господин капитан. И иду я в имперскую столицу не из-за своих причуд. У меня предписание, и в нем написано: «Берлин». Наверное, вы понимаете, что мне противно шариться здесь по кустам и дожидаться конца войны. Независимо от того, что такое решение может закончиться петлей на шее на фонарном столбе. До сих пор я шел прямой дорогой, и думаю, так будет до самого конца. Я завидую каждому, кто в эти необычные времена может быть со своей частью, а не как я — один, вынужденный тащиться через всю географию!

Капитан кивнул:

— Конечно, вы правы. Но где ваша прежняя часть?

— Батальон, в котором я служил, в январе—феврале погиб между Норденбургом и Фрише Хаф. Тогда я был ранен и благодаря этому сегодня стою здесь!

Капитан задумчиво кивнул и протянул мне руку:

— Желаю вам всего наилучшего! Счастливо добраться до Берлина. И что еще важнее — хорошего возвращения оттуда!

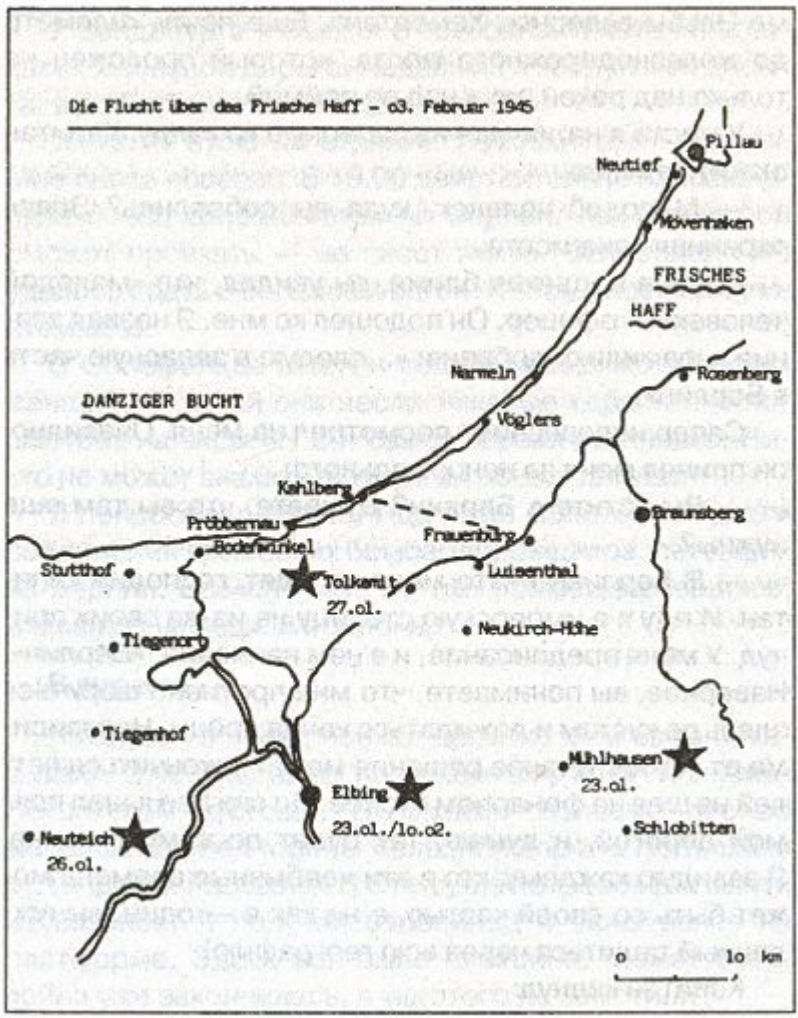


Схема бегства через Фрише Хаф. Январь—февраль 1945 г.

Я отдал приветствие вытянутой рукой, как предписывалось после 20 июля 1944 года. К моему удивлению, сапер приложил руку к козырьку. Он заметил мое удивление и улыбнулся.

Я подъехал к мосту, а потом мне пришлось слезть и взять велосипед на плечо.

Между стальными дугами через каждые 50 метров стояли сдвоенные посты. Принесенная на мост и подготовленная к взрыву взрывчатка в больших деревянных ящиках ускорила мое движение. Если какому-нибудь американцу придет в голову пройтись здесь из своего бортового вооружения, мост взлетит на воздух, а саперы вознесутся на небеса.

Я шел быстрым шагом. Справа в утреннем тумане я видел

трубы промышленного района Тангермюнде.

Наконец-то я оставил мост позади, и через несколько километров я пересек дорогу Гентин — Хафельберг. Южнее, совсем недалеко отсюда, лежит Шёнхаузен. Здесь жил Бисмарк, Железный канцлер. Не прошло и ста лет. Миры лежат между тем временем и настоящим!

После поймы Эльбы дорога пошла через необозримые сосновые леса, протянувшиеся от Хафеля под Ратеновом до Эльбы южнее Зандау. Посреди леса стоял домик путевого обходчика. Меня мучила жажда, и я надеялся, что мне дадут здесь напиться. Велосипед я поставил у деревянного забора и огляделся.

Из двери вышел старик-железнодорожник. Мне показалось, что ему далеко за шестьдесят. Он недоверчиво подошел ко мне:

— Что вам здесь надо?

— У вас можно чего-нибудь попить? Вы всегда такой неприветливый?

Старик в потертой железнодорожной форме посмотрел на меня с гримасой:

— А вы думаете, мало здесь всякого сброда появилось в последние дни? Я осторожен!

— А вы действительно думаете, что против таких людей у вас есть какой-то шанс?

Старик отошел на шаг назад, и в тот же миг у него в руке появился тяжелый старинный револьвер. Я был поражен. Я недооценивал этого человека!

— Откуда у вас эта «пушка»? Она официально у вас на вооружении?

— Нет, эта штука досталась мне от отца. Он воевал с ней в 1870—1871 годах. Уж и не думал, что его придется когда-нибудь достать из сундука.

Стена отчуждения пала, я получил кружку воды. Давно не пил такой вкусной воды, как сегодня.

После короткого отдыха я поехал дальше. Старик помахал мне на прощание рукой.

Около 10 часов я приехал в Гросвудике. Мои дед и бабушка были удивлены. По деду я видел, как он переживает происходящее, но мы об этом не говорили. Бабушка приготовила мне что-то поесть. Потом я отправился спать. Устал чертовски!

9 апреля

В Восточной Пруссии все еще идут бои. В сводке вермахта говорится о тяжелых уличных боях в Кёнигсберге. Завтра должен прийти поезд из Берлина и через некоторое время отправиться назад. Дом моего деда находится у самой станции. И я держу все

происходящее под контролем.

11 апреля

В сводке вермахта объявили о падении Ганновера. Тихо я сказал себе, что для моих родственников война уже закончилась. Хуже, чем в последние недели, обстановка вряд ли может быть.

12 апреля

С запада ветер доносит грохот от разрыва снарядов. Американцы приближаются к западному берегу Эльбы.

13 апреля

Во второй половине дня я еще раз проехал по деревне: что-то вроде прощального жеста. Люди сидели по домам и ждали своей судьбы. Улицы были пусты.

На северной окраине деревни я повстречал взвод гренадеров из войск СС. Возглавлявший его молодой унтерштурмфюрер заявил мне, что Гросвудике будут оборонять. И сказал он это так небрежно, будто речь шла о постройке садового забора.

Когда я спросил его про обстановку, он задумчиво ответил:

— Нет ни одной плохой обстановки, которая не могла бы стать еще хуже. Мы почти не знаем, ни что у нас впереди, ни что позади. Может быть, здесь будет последний бой? Кто его знает? Будем воевать, пока есть приказ или пока «Иван» не выбьет у нас из рук оружие, — его мальчишеское лицо вдруг как-то постарело. Ему едва ли было больше 20 лет.

Война закончилась. Пробирающиеся на запад немецкие солдаты на отдыхе в лесу

Задумчиво я отправился к своим старикам.

Ночь была спокойной. Только где-то издалека слышались пулеметные очереди.

С раннего утра я был на ногах. Я простился с дедушкой и бабушкой и пошел на станцию, где иногда останавливались поезда Ганновер — Берлин.

Обещанный на сегодня поезд действительно пришел. Я был его единственным пассажиром. Очевидно, никто не хотел в складывающейся обстановке ехать в Берлин. Мне тоже это доставляло мало удовольствия.

У Ратенова я переехал Хафель. Здесь, у железнодорожного моста, я, еще школьником, часто купался. Но это было уже давно. Так мне знакомый ландшафт сейчас выглядел совершенно чужим для меня.

За Неннхаузеном последовал Бушов. Поезд шел очень медленно, словно и сам не хотел в Берлин. Вустермарк, Далгов-Дёбериц. Между Дёберицем и Глинке-Крампниц находится полигон, на котором я учился в сентябре 1939 года. Тогда и подумать никто не мог, что война будет длиться так долго и что совсем невозможно было себе представить, что она будет проиграна.

В Шарлоттенбурге я сошел с поезда. Я осмотрелся: руины, упаднические настроение. К удивлению, надземка еще работала. Я отправился в Райникендорф, в казармы «Герман Геринг». 14.10. Над нами — соединение американских бомбардировщиков. Четырехмоторные дальние бомбардировщики. На солдатском жаргоне прозванные за их огневую мощь «летающими крепостями». К монотонному звуку моторов бомбардировщиков вдруг примешался свистящий тон. На безоблачном небе я увидел немецкий истребитель — единственный, атаковавший соединение из 40 бомбардировщиков!

— Это безумие! — сказал рядом со мной какой-то унтер-офицер. Может быть, он был прав. А мы разве не безумцы отдавать свои жизни в последние месяцы, когда ситуация совершенно безысходная? Кто осмелится справедливо оценить такое поведение?

Над нами раздалось стаккато бортовых пушек. По моей оценке, воздушный бой разыгрывался на высоте 6—7 тысяч метров. Немецкий истребитель атаковал снизу, вертикально набирая высоту. Он пролетел американское соединение насквозь и оказался вдруг над вражеской армадой. Немецкий самолет оказался необычно быстрым. Он сделал вираж и сверху обрушился на американцев. Опять застучали бортовые пушки.

Первый четырехмоторный бомбардировщик задымил и стал терять строй.

Как зачарованный я смотрел вверх. Я точно видел, что у немецкого истребителя два двигателя. Очевидно, это была чудо-птица — «Ме-262», о котором так много говорили.

Третий заход: навстречу истребителю ударила стена огня. Второй американец загорелся, потерял строй и начал снижаться. И сразу — четвертый заход, и через несколько секунд загорелся уже третий американец. Истребитель исчез за горизонтом, а бомбардировочное соединение продолжило свой полет на запад.

То, что я сейчас видел, было немыслимо. Превосходство этого истребителя было подавляющим. Я задался вопросом: почему этот самолет только сейчас начал принимать участие в боевых действиях? Почему так поздно? Слишком поздно!

15 апреля

В казарме «Герман Геринг» не знали, что со мной делать. Меня перевели в Хоеншёппинг, южнее Файтена — на северо-западе Берлина.

16 апреля

Русские с Нейсе и с плацдармов на Одере начали наступление на Берлин. Вчера американцы в нескольких местах переправились через Эльбу. По радио говорили: «…юго-восточнее Магдебурга гренадеры сбросили переправившихся через Эльбу американцев и захватили многочисленных пленных. Южнее проводятся контратаки против других плацдармов…»

Я получил приказ отправиться в штаб парашютно-танкового корпуса «Герман Геринг». Штаб располагался в Зенфтенберге. Это местечко между Дрезденом и Котбусом. Вечером я сел в поезд, который должен доставить меня в корпус.

17 апреля

Зенфтенберг. Я приступил к расспросам. Об обстановке никто не имеет конкретного представления, но каждому ясно, что мы — накануне разгрома. Это понимание резко подчеркивалось приближающейся артиллерийской канонадой.

18 апреля

Представился в штабе корпуса. Мне заявили, что инвалиды в корпусе не нужны, и тут же выдали предписание в Файтен/Берлин. Будет ли это решение для меня иметь положительные или отрицательные последствия, увидим потом. И потом, совершенно не ясно, кто быстрее окажется в Берлине — «Иваны»

или я?

На грузовике я отправился в Финстервальде. На вокзале мне сказали, что, может быть, в 20.00 будет поезд на Берлин.

На улице я видел стоящих женщин и детей. Там были и старики. Когда я проходил близко от них, слышал обрывок разговора о том, что еще есть шанс остановить Красную Армию. Я был поражен постоянно высказывавшимся мнением, что частям корпуса «Герман Геринг», стоящим под Хойерсвердой и Баутценом, удалось уже сделать это. Святая наивность! Я смущенно отвернулся.

В 20 часов действительно на Берлин отправился поезд. Вагоны были переполнены. Бегущее гражданское население и солдаты всех родов войск. В полночь мы остановились под Кенигвустерхаузеном. Поезд дальше не пошел: пути повреждены бомбардировкой.

19 апреля

4.30. Поезд остановился в Эйхвальде. Нам предложили выйти. Над Берлином я увидел переплетение лучей прожекторов. Рядом с вокзалом я нашел себе место для сна в куче садовых листьев. Когда я в 10 часов проснулся и увидел себя в саду, передо мной стоял садовник, мужчина лет 70. Я попытался ему объяснить, что меня заставило сюда забраться. Он махнул рукой и спросил про обстановку. Больше, чем он уже знал, мне сообщить ему не удалось. Но он мне сказал, что немецкие войска в Рурском котле капитулировали. Я попрощался с ним, а он взял лейку и стал поливать грядки с ранней свеклой. Жизнь продолжалась.

Вечером я воспользовался возможностью отправиться по железной дороге в Берлин. Поезд остановился в Трептове. Пойдет ли он дальше — непонятно. Железнодорожное сообщение в имперской столице прервано во многих местах.

20 апреля

Рассвело. Поезд пошел дальше. Часы показывают 6.35! Я заметил, что едем мы не на север. Наверное, центр города так сильно поврежден, что мы должны его объезжать.

11.35. Шпандау. Нас снова попросили выйти из поезда. Кажется, здесь конечная. Я решил навестить своего дядю Германа. Он живет у самого Хафеля, напротив Сименсштадта. Чтобы дойти до его квартиры, мне понадобилось два часа.

Дядя и тетя были удивлены, когда я заявился к ним. Они были такими же не выспавшимися, как и я. Они целыми неделями сидели в подвале в надежде, что бомбы их пощадят. Их сын

Вольфганг по-прежнему считался пропавшим без вести.

Мы поднялись из подвала наверх. Тетя поставила передо мной хлеб и остатки колбасы. Я съел кусок хлеба, но к колбасе не притронулся. Тетя, несомненно, хотела накормить меня от всей души, но съесть колбасу из ее скудного пайка я не мог.

Во второй половине дня я распрощался с ними. Пожелали друг другу всего хорошего. Каждый знал, что это прощание может оказаться последним. Советская артиллерия обстреливала северные районы города. Я стоял на улице, ведущей из Шпандау на север, и не знал, что мне делать. Район словно вымер. Жители из своих подвалов почти не выходили. Позади я услышал шум мотора: грузовик. Водитель подвез меня до Фельтен-Хоеншёппинга.

Меня разместили в бараке. Помещение, в котором я получил раскладушку, было занято 12 офицерами. Все более или менее тяжело ранены. Большинство из них, как и я, стали свидетелями катастрофы 4-й армии в Восточной Пруссии и выжили только потому, что были своевременно ранены.

Разговоров и дискуссий не было. Каждому ясно, что эта война проиграна. Каждый знал, что до того, как русские постучат в дверь, остались считаные дни или часы. Они вспомнят о том, какое горе мы им причинили, они, конечно же, не забыли те чудовищные потери, которые понесли в борьбе с нами.

Я лежал на раскладушке и смотрел в потолок барака. Было тягостно лежать здесь без дола и смотреть, как на тебя надвигается катастрофа.

21.00. Вызвали одного лейтенанта. Когда он вернулся, чтобы забрать свой пистолет, мы узнали, что он с отделением саперов в нескольких километрах к северо-востоку отсюда должен взорвать мост через канал. Он застегнул ремень и вышел. Система «приказ — выполнение» действовала и сейчас, «без пяти двенадцать»!

Если я получу приказ, то пойду его выполнять, как и любой другой в этом бараке!

23.00. Вызвали еще одного лейтенанта. Он тоже исчез с боевым заданием в темноте ночи. Больше мы его не видели.

21 апреля

По приказу фюрера ни один военнослужащий не должен покидать имперской столицы, даже раненые! Удары артиллерии приблизились. Оконные стекла дребезжали. Всю ночь я думал о том, что буду делать, когда пробьет последний час рейха, когда уже никто не будет отдавать приказов. Я самостоятельно побегу на запад. Я не буду ждать, когда судьба в образе русского солдата

постучит в дверь этого барака.

20.30. Меня вызвали в канцелярию. «Теперь твоя очередь! — пронеслось у меня в голове. — Теперь тебя выбрала судьба!» Мне сказали, что я завтра рано утром с группой раненых должен покинуть Берлин и отправиться в направлении Шлезвиг — Гольштейн. Предписание выдано до базы «Фредерика» в Дании. Мне сначала показалось, что я ослышался.

22 апреля

Воскресенье. С 20 ранеными и инвалидами я покидаю бараки лагеря Фельтен-Хоеншёппинг. Мы вышли на дорогу, ведущую в Файтен. У противотанкового заграждения мы задержались. Я оглянулся на Хеннингсдорф. В 300 метрах южнее нас на местности я заметил движение: русские! Советская пехота как раз переходила на запад через железнодорожную ветку Хеннингсдорф — Файтен.

Из Файтена нам навстречу на велосипедах подъехали рабочие. Я остановил их:

— Вы куда?

— Нам на работу, на металлургический завод в Хеннигсдорфе!

Я дал рабочим пройти в проход в заграждении и показал на юг, чтобы они своими глазами могли убедиться, что происходит. Один из них спросил:

— Что это такое?

— «Иваны», несомненно!

— А что нам теперь делать?

— Езжайте по домам, война для вас уже закончилась.

Рабочие очень медленно садились на велосипеды. По их лицам было заметно, что они так и не поняли то, что видели только что собственными глазами.

Я потребовал от своей группы ускорить шаг. В Файтене мы повернули на запад. Пешком через Марвиц мы пришли в Айхштедт. Там я устроил привал. Мне стало ясно, что пешком мы не уйдем от моторизованных колонн русских. Но нам повезло. За Айхштедтом нас догнал открытый грузовик. Я помахал рукой. Водитель был готов взять нас с собой.

Через Фелефанц и Шванте мы довольно быстро приехали в Кремменн. К моему удивлению, мы дальше поехали не на запад, а на север. Я постучал по крыше кабины. Машина остановилась, показался водитель:

— Что случилось?

— Какая цель вашей поездки на сегодня?

— Сегодня я должен быть в Нойштрелице.

Хотя направление мне подходило не совсем, но мне показалось главным как можно дальше отъехать от Берлина. К полудню мы приехали в Нойштрелиц. Дальше в тот день мы не поехали. Я со своими ранеными разыскал гостиницу вермахта.

23 апреля

С самого утра я стал выяснять возможности отъезда. И сегодня нам повезло. Водитель одного грузовика был готов взять нас с собой.

Через Миров мы отправились на запад. Проехали по южному берегу Мюрицзее и в 11 часов приехали в Гольдберг. На улицах было оживленное движение, преимущественно в западном направлении. Погода была хорошая. Мекленбург — прекрасная земля! Как было бы хорошо в мирное время провести здесь отпуск! В скольких местах во время войны я высказывал такое же желание!

Мы сорвались у русских с крючка. Это я отметил с удовлетворением. Не успел я додумать эту мысль, как услышал стрельбу бортового вооружения самолета, летевшего нам навстречу. Водители грузовиков еще не заметили грозившей им опасности. Я отчаянно застучал по крыше кабины, чтобы остановить машину. Мы должны были спрыгнуть!

Поздно! Штурмовики уже налетели. Я видел, как трассы летят прямо в нас, и опрокинулся в кузов грузовика. Самолет исчез так же быстро, как и появился. С нашим грузовиком ничего не случилось. Но в колонне перед нами было много убитых.

Мы поехали дальше. Наши взгляды скользили по небу и горизонту. После полудня мы без приключений приехали в Бад Кляйнен на Шверинском озере. В военной гостинице мы получили место для отдыха и паек. Вечером стало известно, что фельдмаршал Модель через несколько дней после капитуляции своих войск в Рурском котле застрелился. Я восхищался последовательностью этого человека: до самой смерти сам себе господин!

24 апреля

Грузовик доставил нас в Шверин. Гарнизон производит впечатление растревоженного улья. Офицерские патрули проверяют всех мужчин, как военных, так и гражданских, стариков и мальчишек. Тех, у кого нет документов, задерживают. Мне не удалось получить транспортное средство для дальнейшей поездки. Мы остались и вынуждены были переночевать в Шверине.

25 апреля

Рано утром мы покинули Шверин в открытом грузовике. Через несколько километров я прочитал указатель: Гадебуш. Значит, здесь в 1813 году погиб лютцовский егерь Теодор Кернер. Он с товарищами хотел тогда освободить Пруссию и то, что тогда понималось под Германией, от Наполеона и французов. Мы гораздо скромнее: просто хотим выжить!

Около полудня мы уже ехали через разбомбленные кварталы Любека. Вот и Ойтин. Наш грузовик приехал. Мы слезли. Дальше сегодня не поедем. Мы стали располагаться на ночлег. Перед тем как стемнело, я еще раз вышел на улицу. Я слышал вдалеке стрельбу зениток. Наверное, это где-то у Кильской бухты. Ко мне подошел старший лейтенант из моей команды:

— Как вы думаете, мы еще доедем до «Фредерики»?

— Я знаю так же мало, как и вы. У вас есть предложение, как надо вести себя в этой непредвиденной обстановке?

У него не было предложений, и он переменил тему:

— Вы видели изможденных серых людей в полосатой одежде, которые длинными колоннами, едва передвигая ноги, брели по обочине дороги, когда мы из Шверина ехали сюда? Вы видели их изможденные, ничего не выражающие лица?

— Да, видел. Я был в ужасе и до сих пор пребываю в нем! — ответил я.

Он продолжал:

— А вы что, тоже не знали, что существуют концлагеря? Есть люди, которые утверждают это!

— Нет, — возразил я, — я не утверждаю. Но я не знал, что заключенные в этих лагерях настолько чудовищно замучены, что от них остались живые скелеты. До сих пор у меня было другое, очевидно, ошибочное представление о назначении концлагерей. У меня всегда было мнение, что там удерживают людей сосредоточенно. Эти люди своей агитацией или действием представляют опасность для существования государства или позднее — для воюющей армии. И считалось само собой разумеющимся, что эти люди изымались из обычной жизни, так как не могло быть иначе: мы рискуем на фронте своей шкурой, тогда как в тылу процветал бы саботаж. У меня также было мнение, что заключенные должны содержаться в человеческих условиях. То, что мы видели сегодня, просто чудовищное преступление!

— Наши враги не будут спрашивать у вас о том, что вы только что сказали. Кроме того, вы сказали только о политических заключенных, а не о евреях. А с ними творили вообще немыслимые вещи! У нас всех из-за этого будет еще много

горя!

Я задумчиво пошел в гостиницу и лег на свой матрас на полу в углу. Я пытался вытеснить из памяти лица узников, но мне не удавалось.

26 апреля

Рано утром мы поехали дальше. Из кузова грузовика я осматривал просторные, обсаженные деревьями зеленые поля. Прекрасный пейзаж. Я хотел насладиться ландшафтом, но заметил, что невольно оцениваю местность по пехотным критериям: скрытые подходы, ориентиры, дальность до них, возможности обхода. Привычка, которую я заметил у себя еще во время отпуска. Война когда-нибудь закончится. А мы, в последние годы измерявшие окружающий нас мир только с точки зрения военной необходимости, сможем ли когда-нибудь освободиться от этой мании?

Киль: жилые кварталы лежат в руинах. У причалов из воды торчат надстройки затонувших пароходов. Лица людей выражают страх и безысходность.

Медленно мы покидаем Киль, едем на запад и после полудня приезжаем в Бюдельсдорф. Здесь дом старшего лейтенанта Крузе из нашей группы. Он нам предложил расположиться на привал в доме его родителей. Мы с благодарностью приняли его предложение.

27 апреля

Англичане в Бремене. «Куда?» — вопрос, который нас всех мучил. Наше предписание требовало прибыть в «Фредерику». Мы обсуждали, действителен ли этот приказ в новых обстоятельствах. И приняли решение, следить за развитием опережающих друг друга событий из Бюдельсдорфа.

28 апреля

По улицам города солдаты всех родов войск группами и поодиночке идут на юг и на север. Незаметно, что сохранилось какое-то руководство этим движением.

29 апреля

Удар генерала Венка с целью прорвать окружение вокруг Берлина с запада потерпел неудачу. Американцы находятся в Аугсбурге.

30 апреля

Вчера немецкие войска капитулировали в Италии.

1 мая

Мы решили отправиться на север и поехали на грузовике через Шлезвиг во Фленсбург. В 18.00 мы прибыли на немецко-датскую границу. Я заговорил со старшим лейтенантом, начальником пограничной команды. Он посоветовал мне в настоящей ситуации не ехать в Данию. Настроение датчан не столько недружелюбное, сколько враждебное.

2 мая

Верховное главнокомандование вермахта известило: «Во главе героических защитников имперской столицы пал фюрер». (На самом деле он застрелился еще 30 апреля.) Управление рейхом принял гросс-адмирал Дёниц! Смерть Гитлера не вызвала ни аплодисментов, ни каких-либо комментариев в моем окружении.

Немецкие войска все еще оказывали сопротивление Красной Армии. Они позволили многим людям бежать на запад. В товарищеском кругу мы обсуждали обстановку и единогласно пришли к выводу, что надо ехать обратно на юг. Мы покинули Фленсбург в направлении Шлезвига и в полдень добрались до Флигерхорста. Нам наконец надоело уходить по дорогам от судьбы. Комендатура в Хорсте разместила нас в бараке. Я настолько устал, что уснул еще до захода солнца.

3 мая

В Берлине все еще идут бои. Слово «капитуляция» сходит с губ с большим трудом.

4 мая

Мы снова сидим у «народного радиоприемника». Верховное главнокомандование вермахта известило: «Бои за имперскую столицу закончены. В беспримерной героической борьбе части всех родов войск и подразделения фольксштурма, верные присяге, оказывали сопротивление до последнего вздоха…»

5 мая

Прекращение огня перед войсками Монтгомери. Во второй половине дня авангард Королевской армии въехал на главную улицу Флигерхорса. Проехали разведывательные бронемашины. Экипажи сидели на машинах и не знали, как им себя вести. Их окружали немецкие солдаты, вооруженные, как и мы. Парни с островов попытались разрядить необычную атмосферу широкими улыбками.

7 мая

Вермахт капитулировал и перед Советским Союзом. В разговоре с товарищами пришли к заключению, что капитуляция перед СССР гораздо противнее, чем перед западными державами.

Одновременно было заявлено, что совместные военные акции западных союзников с Советами должны расцениваться как предательство Европы. Весь размах этих событий охватить было невозможно. Я заметил, что даже у самых словоохотливых среди нас не оказалось слов.

8 мая

Я только что пришел из комендатуры и ступил на порог барака. В проходе стояли солдаты и офицеры. Лица их были серьезны. Я услышал голос диктора по радио: «С полуночи огонь прекращен на всех фронтах.

По приказу гросс-адмирала Дёница вермахт прекращает борьбу, ставшую бесперспективной. Таким образом, почти шестилетние героические бои завершены…

Вермахт с честью уступает огромному превосходству.

Знак люфтваффе за участие в наземном бою

Германский солдат, верный своей присяге, сделал все для своего народа, подвиги его никогда не будут забыты. Беспримерный подвиг фронта и тыла позднее будет справедливо и окончательно оценен историей.

Подвигам и жертвам немецких солдат на земле, в воде и в

воздухе и противник не откажет в уважении.

Поэтому каждый солдат может по праву и гордо сложить оружие и в тяжелейший час в нашей истории может храбро и уверенно приступать к работе во имя вечной жизни нашего народа.

Вермахт помнит в этот час о своих товарищах, оставшихся перед противником.

Погибшие обязывают к безусловной верности, подчинению и дисциплине перед лицом неисчислимых ран истекающего кровью отечества».

Чтение последней сводки вермахта было завершено. Установилась гнетущая тишина.

Лейтенант рядом отвернулся — у него были мокрые глаза. Я тоже едва сдерживал чувства. Ефрейтор напротив молча смотрел на меня. Мне показалось, что он меня просто не видит. Лицо его ничего не выражало.

Слушатели стали постепенно расходиться. Молодой капитан протиснулся мимо меня в узком проходе барака и направился к выходу. Он взялся за ручку двери, потом повернулся и сказал:

— Господа, это случилось, и что теперь поделать!

Отчаяние, горечь, разочарование и многое другое было в его словах. Саркастического выражения на ум мне не приходило. Во мне была пустота. Я вышел на улицу. Мне хотелось побыть одному!

Как же это тогда началось? 1 сентября 1939 года Гитлер сказал в рейхстаге: «…с 5.45 открыт ответный огонь! И с этого момента бомба пойдет в отместку за бомбу!..»

А сегодня, почти через шесть лет войны, которой еще не знала история человечества, сухие слова: «…случилось, что теперь поделать!»

И между ними лежат судьбы людей и народов. Между ними лежит смерть тех, у кого была добрая душа: от Юппа Райнарди и товарищей из фузилерного батальона до тех, для перечисления которых здесь не хватит места, но чья смерть имеет ту же цену. Я не мог привести свои мысли в порядок!

Карл Кноблаух и его супруга Марион. Осень 2006 г.

Когда я возвращался в барак, вспомнил случай из ранней юности. В альбоме собрания бранденбургско-прусских знамен мой взгляд упал на синее полотнище. На нем была надпись: *«Живи упорно, не зная горя!»* Это было знамя роты пехотного полка полковника Хиллебранда фон Крахта 1626 года.

Я всегда в подсознании носил эти слова с собой. События заставили их снова всплыть в сознании. Я хочу жить с этим!

notes

Примечания

1

Немецкое название Арнима. — *Прим. пер.*

2

«Цепные псы» — так немецкие солдаты прозвали полевых жандармов за их металлические горжеты, висевшие на шее на цепочке. — *Прим. пер.*

3

В Красной Армии эта должность соответствовала начальнику штаба дивизии. — *Прим. пер.*

4

Должность батальонного адъютанта в вермахте соответствовала начальнику штаба батальона в Красной Армии. — *Прим. пер.*

5

Ортсгруппенляйтер — руководитель сельской партийной ячейки НСДАП. — *Прим. пер.*